

International Journal
SOCIO-HUMANITARIAN
REVIEW

IJSHR

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ
СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЕ
ОБОЗРЕНИЕ

2017

No 1

IJSHR

2017

Chief editor of Joint editorial
N.D. Eriashvili
candidate of historical sciences,
candidate of law, doctor of
economics,
professor, laureate of the Russian
Federation Government prize in
Science and Technology.
E-mail: professor60@mail.ru

Science Editor
V.Y. Belsky,
doctor of philosophical sciences,
professor

Responsible for issue
R.B. Gandaloev
candidate of political sciences

**Representations
in Russia:**
CEO of publishing house
«UNITY-DANA»

V.N. Zakaidze
E-mail: unity@unity-dana.ru
Tel.: +7(499)195-90-36

1 Irina Levchenko,
Moscow, 123298
Tel./fax: +7(499)740-60-14/15
E-mail: unity@unity-dana.ru

in Georgia:
Special correspondent
M.A. Kiknadze
44 A. Kazbegi Avenue, Tbilisi,
0186, Righteous Georgia
Tel./Fax: +995322421207/08
E-mail: sama_saqartvelo@mail.ru

Registration certificate
433103973

in USA:
3565 Edencroft Road,
Huntingdon Valley, Pennsylvania
D.Skhirtladze, MD, MPH
+12157605939
E-mail:
dr.david.skhirtladze@gmail.com

in Israel:
3, Tze'Elim, Yokneam
L.N. Tepman
doctor of economical sciences,
professor
E-mail: tepmn32@list.ru

in Republic of Kazakhstan:
30, Gagarin str., Shymkent
I.T. Chariev,
doctor of pedagogical sciences,
professor, academician of the IASP
Tel: +77012608938
E-mail: ergash-39@mail.ru

Editorial staff and external reviewers
are not responsible for the quality,
accuracy and correctness of
citing of works by their authors.
Responsibility for the quality,
accuracy and correctness of
citing of works **solely lies with the**

www.unity-dana.ru
www.niion.org

Editorial board

S.N. Baburin,
doctor of law,
professor
(Russian Federation)

E.P. Bazhanov,
doctor of historical sciences,
professor,
honored worker of science
(Russian Federation)

I.S. Barchukov,
doctor of pedagogical sciences,
professor
(Russian Federation)

V.K. Baturin,
doctor of philosophical sciences,
candidate of pedagogical sciences,
(Russian Federation)

V.Y. Belsky,
doctor of philosophical sciences,
professor
(Russian Federation)

Y.B. Borev,
doctor of philology,
candidate of philosophical sciences,
professor
(Russian Federation)

V.N. Buzin,
candidate of sociology
(Russian Federation)

G.A. Vasilevich,
doctor of Law,
professor
(Republic of Belarus)

R.B. Gandaloev,
candidate of political sciences
(Russian Federation)

D.I. Gryadovoy,
candidate of philosophical sciences,
associate professor
(Russian Federation)

D.D. Dolidze,
doctor of medical sciences
(Russian Federation)

A.L. Zolkin,
doctor of philosophical sciences,
professor
(Russian Federation)

L.A. Kazantseva,
doctor of pedagogical sciences,
professor
(Russian Federation)

R. Kvarackheliya,
doctor of law
(Georgia)

A. Kiknadze,
doctor of politology
(Georgia)

A.A. Laskin,
doctor of pedagogical sciences,
professor
(Russian Federation)

A.A. Lebedev,
doctor of philology
(Russian Federation)

L.A. Nikitich,
doctor of philosophical science,
professor
(Russian Federation)

L.M. Preygerman,
doctor of physical and mathematical
sciences, professor
(Israel)

A.A. Rean,
doctor of pedagogical sciences,
professor,
honored worker of Science,
corresponding member of RAO
(Russian Federation)

V.F. Rodin,
doctor of pedagogical sciences,
professor
(Russian Federation)

A.P. Sadokhin,
doctor of cultural sciences,
candidate of philosophical sciences,
professor
(Russian Federation)

B.A. Spasennikov,
doctor of law,
doctor of medical sciences,
professor
(Russian Federation)

A.M. Stolyarenko,
doctor of pedagogical sciences,
doctor of psychology,
professor, honored worker of
Russian higher school
(Russian Federation)

D. Skhirtladze
doctor of medicine
(USA)

L.N. Tepman,
doctor of economic sciences,
professor
(Israel)

Z.T. Toshchenko,
doctor of philosophical sciences,
professor,
corresponding member of the
Russian Academy of sciences
(Russian Federation)

T.Y. Fhakadze,
doctor of medical sciences
(Russian Federation)

I.T. Chariev,
doctor of pedagogical sciences,
professor,
Academician of the IASP
(Republic of Kazakhstan)

N.M. Chepurnova,
doctor of law,
honoured lawyer of the Russian
Federation, professor
(Russian Federation)

G.S. Chovdyreva,
doctor of medical sciences,
doctor of psychology,
professor
(Russian Federation)

L. Sharvadze,
doctor of medicine
(Georgia)

N.Y. Shtrecker,
doctor of pedagogical sciences,
candidate of philology, professor
(Russian Federation)

N.D. Eriashvili,
candidate of historical sciences,
candidate of law,
doctor of economic sciences,
professor
(Russian Federation)

Редакционная коллегия

*Главный редактор
Объединенной редакции*

Н.Д. Эриашвили
кандидат исторических наук,
кандидат юридических наук,
доктор экономических наук,
профессор, лауреат премии
Правительства РФ в области
науки и техники
E-mail: professor60@mail.ru

Научный редактор

В.Ю. Бельский
доктор философских наук,
профессор

Ответственный за выпуск

Р.Б. Гандалоев
кандидат политических наук

Представительства

в России:

*Генеральный директор
издательства «ЮНИТИ-ДАНА»*
В.Н. Закаидзе

123298 Москва,
ул. Ирины Левченко, д. 1
Тел./факс: +7(499)740-60-14/15
E-mail: unity@unity-dana.ru

в Грузии:

Специальный корреспондент
М.Кикнадзе

0177 Тбилиси,
пр. Александра Казбеги, д. 44,
Справедливая Грузия
Тел./факс: +995322421207/08
E-mail: sama_saqartvelo@mail.ru
Свидетельство о регистрации
433103973

в США: штат Пенсильвания,
г. Хантингдон Вэли,
ул. Эденкрофт Роуд 3565

Д. Схиртладзе

доктор медицины
E-mail:
dr.david.skhirtladze@gmail.com

в Израиле: Иокнеам,
ул. Цеелим, д. 8

Л.Н. Тепман

доктор экономических наук,
профессор
E-mail: tepmn32@list.ru

в Республике Казахстан:

г. Шемкент, ул. Гагарина,
д. 30, кв. 57

И.Т. Чариев,

доктор педагогических наук,
профессор, академик МАНПО
Тел: +77012608938
E-mail: ergash-39@mail.ru

Редакция и внешние рецензенты не
несут ответственности за качество,
правильность и корректность
цитирования произведений авторами
статей. Ответственность за качество,
правильность и корректность
цитирования произведений
несут исключительно авторы
опубликованных материалов.

www.unity-dana.ru
www.niion.org

С.Н. Бабурин

доктор юридических наук,
профессор
(Российская Федерация)

Е.П. Бажанов,

доктор исторических наук,
профессор, заслуженный
деятель науки РФ
(Российская Федерация)

И.С. Барчуков,

доктор педагогических наук,
профессор
(Российская Федерация)

В.К. Батурич,

доктор философских наук,
кандидат педагогических наук
(Российская Федерация)

В.Ю. Бельский

доктор философских наук,
профессор
(Российская Федерация)

Ю.Б. Борев,

доктор филологических наук,
кандидат философских наук,
профессор
(Российская Федерация)

В.Н. Бузин,

кандидат социологических наук
(Российская Федерация)

Г.А. Василевич,

доктор юридических наук,
профессор
(Республика Беларусь)

Р.Б. Гандалоев,

кандидат политических наук
(Российская Федерация)

Д.И. Грядовой,

доктор философских наук,
профессор
(Российская Федерация)

Д.Д. Долидзе,

доктор медицинских наук
(Российская Федерация)

А.Л. Золкин,

доктор философских наук,
профессор
(Российская Федерация)

Л.А. Казанцева,

доктор педагогических наук,
профессор
(Российская Федерация)

Р. Кварацхелия

доктор юридических наук
(Грузия)

А. Кикнадзе,

доктор политологии
(Грузия)

А.А. Ласкин,

доктор педагогических наук,
профессор
(Российская Федерация)

А.А. Лебедева,

доктор филологических наук
(Российская Федерация)

Л.А. Никитич,

доктор философских наук,
профессор
(Российская Федерация)

Л.М. Прейгерман

доктор физико-математических
наук, профессор
(Израиль)

А.А. Реан,

доктор педагогических наук,
профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
член-корреспондент РАО
(Российская Федерация)

В.Ф. Родин,

доктор педагогических наук,
профессор
(Российская Федерация)

А.П. Садохин,

доктор культурологии,
кандидат философских наук,
профессор
(Российская Федерация)

Б.А. Спасенников,

доктор юридических наук,
доктор медицинских наук,
профессор
(Российская Федерация)

А.М. Столяренко,

доктор педагогических наук,
доктор психологических наук,
профессор, заслуженный
работник высшей школы РФ
(Российская Федерация)

Д. Схиртладзе

доктор медицины
(США)

Л.Н. Тепман,

доктор экономических наук,
профессор
(Израиль)

Ж.Т. Тощенко,

доктор философских наук,
профессор,
Член-корреспондент РАН
(Российская Федерация)

Т.Я. Фхакадзе

доктор медицинских наук
(Российская Федерация)

И.Т. Чариев,

доктор педагогических наук,
профессор,
академик МАНПО
(Республика Казахстан)

Н.М. Чепурнова,

доктор юридических наук,
заслуженный юрист РФ,
профессор
(Российская Федерация)

Г.С. Човдырева,

доктор медицинских наук,
доктор психологических наук
профессор
(Российская Федерация)

Л. Шарвадзе,

доктор медицины
(Грузия)

Н.Ю. Штрекер,

доктор педагогических наук,
кандидат филологических наук
профессор
(Российская Федерация)

Н.Д. Эриашвили,

кандидат исторических наук,
кандидат юридических наук,
доктор экономических наук,
профессор
(Российская Федерация)

CONTENTS

Conference on the theme «Young people in the modern Russian society». Opening remarks by the chief of the Moscow University of the MIA of Russia named V.Ya. Kikot Police Lieutenant-General I.A. Kalinichenko	5
A.L.Zolkin , Civilizational paradigm of socialization and inculturation of youth: philosophical aspects	7
I.V.Polozova , Youth and religion	10
V.U.Belskiy, C.M.Inozemtseva , The concept of vocational guidance in the professional formation of youth categories system.....	16
L.Ya.Smirnova , Radicalism and extremism as factors of de-socialization of youth	19
A.V.Bogdanov, S.A.Egorov, E.N.Khazov , The role of legal education of minors and its impact on the prevention of juvenile delinquency.....	22
A.V.Boyko , Formation of ecological culture of young people: sociological aspect of the problem.....	26
N.V.Galanina , The education of youth on examples of event personality and history: social and philosophical aspectually.....	28
N.N.Gusev , Methodological problems of integrated education of young people as a specific socio-demographic community.....	31
I.V.Likhanova , Socio-political conditioning of extremism in the youth environment of modern russian society.....	35
D.G.Loschakov , Youth radicalism in modern russian society.....	38
I.V.Lyagushkin , Values and motivation of cadets of higher educational institutions of the Ministry of internal affairs of Russia. To a question of development of the program of social research	42
A.B.Moiseyev , About some theoretical and practical aspects of moral education of youth in modern russian society.....	45
T.V.Molchanova, E.A.Solomatina , Criminological analysis of unauthorized abandonment of minor children and state institutions	50
S.N.Tikhomirov , Reflections of a teacher about the danger (security) transerfinga and prevention of deviant behavior	54
A.P.Khavrak , The role of the state in the formation of family as bases of moral education of the younger generation.....	61
U. Mendosa, D.V.Schikunov , The upbringing and education of youth and the problem of civilizational identity in Latin America: features of cultural synthesis.....	63
Search Issues of cultural identity	
D.I.Gryadovoy , Public consciousness and domestic philosophical tradition in the context of the spiritual sovereignty of Russia.....	66
I.A. Kushnarenko , The constitutional right of citizens to dignity and honor illegal character category.....	73
N.V. Nikolaeva , The problem of finding cultural identity and self-determination of the peoples of Russia	78
Yu.A.Koshkarova , Image of the bear as a visual marker of Russia in modern foreign propaganda	81
T.N. Frolova, G.V. Shashurina , The role of natural science in the formation of specialist's scientific outlook	86
V.I. Oleynik, A.N. Kristopha , The political islam and the byzantine symphony»:comparative analysis.....	89

СОДЕРЖАНИЕ

Конференция на тему «Молодежь в современном российском обществе». Вступительное слово начальника Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя генерал-лейтенанта полиции И.А. Калиниченко	5
А.Л.Золкин, Цивилизационная парадигма социализации и инкультурации молодежи: философские аспекты	7
И.В.Полозова, Молодежь и религия.....	10
В.Ю.Бельский, Е.М.Иноземцева, Понятие профессиональной ориентации в системе категорий профессионального становления молодежи	16
Л.Я.Смирнова, Радикализм и экстремизм как факторы десоциализации молодежи.....	19
А.В.Богданов, С.А.Егоров, Е.Н.Хазов, Роль правового воспитания несовершеннолетних и его влияние на профилактику подростковой преступности	22
А.В.Бойко, Формирование экологической культуры молодежи: социологический аспект проблемы.....	26
Н.В.Галанина, Воспитания молодежи на примерах события личности и истории: социально-философский аспект	28
Н.Н.Гусев, Методологические проблемы интегративного изучения молодежи как особой социально-демографической общности.....	31
И.В.Лиханова, Социально-политическая обусловленность проявлений экстремизма в молодежной среде современного российского общества.....	35
Д.Г.Лощаков, Молодежный радикализм в современном российском обществе	38
И.В.Лягушкин, Ценности и мотивация курсантов высших учебных заведений МВД России.К вопросу о построении программы социологического исследования.....	42
А.Б.Моисеев, О некоторых теоретических и практических аспектах нравственного воспитания молодежи в современном российском обществе.....	45
Т.В.Молчанова,Е.А.Соломатина, Криминологический анализ самовольного оставления несовершеннолетними семей и детских государственных учреждений	50
С.Н.Тихомиров, Размышления педагога об опасности (безопасности) трейнсерфинга и возможностях профилактики девиантного поведения	54
А.П.Хаврак, Роль государства в становлении семьи как основы нравственного воспитания подрастающего поколения.....	61
У.Мендоса, Д.В.Шикунов, Воспитание и образование молодежи и проблема цивилизационной идентичности Латинской Америки: особенности культурного синтеза.....	63
Проблемы поиска культурной идентичности	
Д.И.Грядовой, Общественное сознание и отечественная философская традиция в контексте проблем духовного суверенитета России	66
И.А.Кушнарченко, Конституционное право граждан на достоинство и внеправовой характер категории чести	73
Н.В. Николаева, Проблема поиска культурной идентичности и самоопределения народов России.....	78
Ю.А. Кошкарлова, Образ медведя как визуальный маркер России в современной зарубежной пропаганде	81
Т.Н. Фролова, Г.В. Шашурина, Роль естествознания в формировании научного мировоззрения специалиста.....	86
В.И. Олейник, А.Н. Криштопа, Политический ислам и византийская «симфония»: сравнительный анализ.....	89

МОЛОДЕЖЬ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

В мае 2016 г. в Московском Университете МВД России имени В.Я. Кикотя на кафедре социологии и политологии был проведен «круглый стол» на тему «Молодежь в современном российском обществе». В нем приняли участие сотрудники управления воспитательной работы Университета, а также выпускники и слушатели факультета заочного и вечернего обучения, проявившие способность к научной разработке молодежной проблематики.

Со вступительным словом выступил начальник Университета генерал-лейтенант полиции И.А. Калинин.

В научных сообщениях содержатся результаты теоретических исследований широкого круга проблем, связанных с выявлением существенных связей и отношений молодого поколения с современным российским обществом в период становления и развития его важнейших системных качеств, их влияния на процесс деятельностного включения молодых людей во все сферы общественной жизни, профессиональную социализацию молодых сотрудников полиции.

Конференция

Вступительное слово начальника Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя генерал-лейтенанта полиции И.А. Калиниченко

Уважаемые коллеги! Приветствую участников «круглого стола» «Молодежь в современном российском обществе», гостей Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя!

Для принципиального научного обсуждения вы избрали действительно актуальную тему. Молодежь является значительным слоем в российском обществе. Уже в ближайшей перспективе ей предстоит по мере роста зрелости и ответственности решать важнейшие общественные и государственные задачи. Молодое поколение — это в прямом смысле будущее нашей Родины. От того, насколько оно воспримет духовные, социальные, политические и материальные основы нашего общества, сможет их не только воспроизвести, но и преумножить, зависит благополучие ныне живущих и будущих поколений граждан России. В конечном счете именно молодежь определит контуры будущего нашей страны, ее конкурентоспособность на мировой арене и положение в мире.

Проблема молодежи многопланова. Она требует четких методологических подходов к ее осмыслению, использования проверенных эффективных методик изучения как общих вопросов, так и частных проявлений широкого круга проблем, связанных с выявлением существенных связей и отношений молодого поколения с современным российским обществом. Особенно это актуально на современном этапе становления и развития важнейших системных качеств нашего общества. При этом на первый план выдвигается задача изучения их влияния на процесс деятельного включения молодых людей во все сферы общественной жизни, на их адаптацию к новым явлениям и процессам, на профессиональную социализацию молодых людей, в том числе сотрудников полиции.

Руководство нашей страны постоянно уделяет большое внимание российской молодежи. Разработана и осуществляется государственная молодежная политика, основными приоритетами которой являются создание условий для полноценного духовного, социального, культурного и физического развития молодых людей, их активного участия в жизни российского общества, реализации лично и общественно значимых жизненных стратегий, ориентированных на успех. Вместе с тем в условиях продолжающегося экономического кризиса наблюдается значительное сокращение ресурсов, которые могли бы быть использованы для решения проблем молодого поколения. Поэтому в сложившейся ситуации особое значение приобрел поиск путей, форм и методов работы с молодежью, выявление скрытых резервов воспитательной работы, оптимизации взаимодействия объективных и субъективных факторов системы социализации.

Важную роль в воспитании и социализации современной молодежи играет система образования, которая призвана вооружить молодых людей знаниями и навыками, необходимыми для ориентации в жизни общества, способствовать формированию личностной и гражданской позиций, осознанного и эффективного выполнения ими своих профессиональных обязанностей.

В Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя с учетом ведомственной принадлежности вуза работа с молодежным контингентом обучающихся решает ряд специфических задач. Среди них главная — подготовка высококвалифицированных кадров системы МВД в лице молодых специалистов, в полной мере обладающих всеми необходимыми компетенциями в рамках своей специализации. Именно здесь, в нашем университете, начинаются первичные профессиональная адаптация и профессиональная социализация молодого сотрудника полиции. Это требует комплексного, системного подхода к процессу обучения и воспитания с учетом поколенческих, возрастных особенностей курсантов и слушателей, специфики их восприятия социальной и профессиональной информации, связанной в том числе с отсутствием достаточного жизненного опыта. Профессорско-преподавательский состав нашего Университета в силах решить эти задачи. В данной работе важно опираться на единство теории и практики работы с молодежью, уже накопленный опыт и ожидаемые новации как ответ на требования времени.

Желаю всем участникам научного форума успехов в творческом исследовании выбранной проблематики и выработки рекомендаций прикладного характера для практической деятельности.

Civilizational paradigm of socialization and inculturation of youth: philosophical aspects

Цивилизационная парадигма социализации и инкультурации молодежи: философские аспекты

Andrey Lvovich Zolkin,
professor for the department of philosophy
Moscow University of the MIA of Russia named
after V.Ya. Kikot
E-mail: az20042004@mail.ru

Андрей Львович Золкин,
доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры философии
Московского университета имени В.Я. Кикоты
E-mail: az20042004@mail.ru

Annotation. The article is devoted to the philosophical analysis of the problem of socialization of young people on the basis of a civilizational model of the historical process. It examines the problem of socialization, inculturation, formation of social responsibility and patriotism in connection with determination peculiarities of the Russian civilization.

Keywords: socialization, enculturation, education, education, civilization, social responsibility, values, philosophy.

Аннотация. Статья посвящена философскому анализу проблемы социализации молодежи на основе цивилизационной модели исторического процесса. Анализируется проблема социализации, инкультурации, формирования социальной ответственности и патриотизма в связи с определением особенностей российской цивилизации.

Ключевые слова: социализация, инкультурация, образование, воспитание, цивилизация, социальная ответственность, ценности, философия.

Формирование мировоззрения молодежи тесно связано с общими вопросами образования. Одной из основ формирования мировоззренческой позиции молодого человека является сочетание объективного, научного понимания современных социально-политических реалий, национальной культурной традиции с ясно выраженной этической и патриотической позицией по отношению к прошлому, настоящему и будущему российского общества.

Именно это сочетание науки и этики должно прийти на смену идеологическим подходам к социальной практике (советский догматизированный марксизм, «перестроечный» либерализм, романтический консерватизм), во многом искажавшими наше видение социально-политического мира во имя умозрительно заданных схем и тем самым затруднявшим определение личностью своей мировоззренческой позиции в силу дезориентирующего влияния этих схем.

Важной философской проблемой, связанной с социализацией и инкультурацией молодежи в современных условиях является разнонаправ-

ленность этих процессов в западной и российской традициях образования и воспитания. Западная модель социализации и инкультурации основана на принципах постмодернистского либерализма и представляет собой стратегию радикальной индивидуализации, включающую следующие основные принципы:

- ◆ освобождение индивида от традиции;
- ◆ освобождение индивида от государства;
- ◆ освобождение индивида от общества;
- ◆ освобождение индивида от пола.

Либеральный постмодернизм представляет собой современную форму номинализма, который отказывает в реальности любой целостности, включая личность, государство, нацию, цивилизацию, во имя атомизированных, лишенных пола и родины, индивидов (фактически, частей индивидов — «дивидов»). Сегодня соглашаться с этими принципами уже нельзя. Российская традиция образования ставит своей целью воспитание личности, а не изолированной индивидуальности. Человек же приобретает личностные качества не через изоляцию от реальности во имя абстрактной свободы, а через восхождение и приобщение ко всем уровням реальности, включая сверхиндивидуальные реальности, такие, как семья, общество, государство, цивилизация, культура.

Для того чтобы человек получил возможность сформировать личностные качества, он должен приобрести способность к оценке происходящего с точки зрения, выходящей за пределы частного взгляда на мир, способность подниматься к общему и всеобщему. От природы человек не является тем, кем он должен быть, и поэтому нуждается в образовании. Сущность образования состоит в том, что человек делает себя во всех отношениях духовным существом. Тот, кто необразован, тот предается частностям, у того изначально отсутствует способность к абстрагированию, он не может относиться к объективности в ее свободе и без своекорыстных интересов.

Субъект, обладающий способностью суждения, может рассматриваться как перспектива и цель всей социальной, образовательной и правовой политики. Поскольку способность суждения по своему составу — это не только способность к критическому мышлению, но и способность, основанная на чувстве, отчасти — на интуиции, то, очевидно, напрашивается вывод, что выработка и совершенствование такой способности предполагает двусторонние усилия — со стороны индивида, его воли, и со стороны общества.

«Только свободно человек мыслит, — писал И.А. Ильин в своей работе «Борьба за Россию», — потому что истинное мышление — это самостоятельное мышление, т.е. собственная, внутренняя сосредоточенность личностного созерцания, обдумывания, прозрения. Тот, кто навязывает мысль силой, парализует ее. Кто воспитывает молодежь в духе тоталитарного мышления, отбивает у нее охоту мыслить. Вмененное в обязанность мировоззрение уже не мировоззрение, предписанные убеждения — мертвый груз, звук пустой, ханжество и фальшь; духовно они бессильны; они никого не связывают, ни к чему не обязывают»¹.

Любая государственная власть должна работать над воспитанием в гражданах способности суждения, ибо она составляет основу государства, источник его силы, залог его несокрушимости. Способность суждения нельзя привить человеку насильно. Человек, достойный права, должен сам принимать решения и нести ответственность за это решение. Формирование способности суждения — первоочередная задача философии.

Быть гражданином в истинном смысле этого слова означает обладать, в первую очередь, самостоятельными суждениями относительно основных нравственных определенностей: добра и зла, справедливости и несправедливости. Обладающий способностью суждения, т.е. совершеннолетний человек, должен знать, в чем состоит сущность человека, что такое право и государство, каковы их цели. Он должен иметь самостоятельные суждения по вопросам текущей политики. Подавленная и угнетенная личность неспособна устроить ни свою собственную, ни государственную жизнь.

Патриотическая позиция современного человека должна исходить из понятия интеллектуальной и нравственной зрелости личности, а результатом воспитания должно стать зрелое патриотическое сознание. Любые проявления национализма и шовинизма не могут рассматриваться как основа патриотизма. Опыт современной Украины показывает опасности националистической истерии, ставшей основой государственной политики. Российский патриотизм должен иметь зрелый, разумный харак-

тер. Быть патриотом — значит, быть духовно зрелой личностью — первооснова патриотического сознания, пренебрежение к которой таит в себе серьезную опасность. «В философском осмыслении содержания понятия «патриотизм», — справедливо отмечает А.П. Хаврак, — необходимо исходить из того, что этот феномен, являющийся одним из составляющих нашей духовности, теснейшим образом связан с национальным сознанием и самосознанием»²

Современный российский патриотизм в своей основе должен содержать не принцип нации, а принцип российской цивилизации. Мировоззренческое воспитание в настоящее время должно осуществляться на основе честного понимания реальности и признания фундаментального значения цивилизационных координат человеческой деятельности.

Вместе с тем проблема цивилизаций остается одной из важнейших проблем современной науки. «Цивилизационные исследования, — справедливо отмечает В.Ю. Бельский, — становятся мейнстримом научной жизни не только в современной России, но в мире в целом»³. Оздоровление, модернизация и достижение успешного развития России требуют воплощения в жизнь цивилизационных ценностей российского общества и их синтеза, объединения в единую четко осознаваемую и ясно выражаемую концепцию.

Дело в том, что партнеры и конкуренты России на мировой арене — не государства, но цивилизации. Китай и США / ЕС предлагают миру не только свою версию глобального политического и экономического порядка, но и свою философию мироустройства. И Китай, и Запад предлагают миру универалистскую имперскую идеологию. В Китае это традиционная культура хань, на Западе — американский «плавильный котел». Таким образом, играть на равных на мировой арене Россия может только в том случае, если предложит адекватную универалистскую идеологию, опирающуюся на соответствующий культурный базис. И такая идеология есть. Это идеология Русского мира.

Одни оппоненты Русского мира утверждают, что его не существует в виде оформленной системы взглядов. Другие рассматривают его как идеологию агрессивного русского национализма, пытающегося восстановить империю в границах СССР, обеспечив стабильность насильственной русификацией окраин.

Следует учитывать, что цивилизационная универалистская идеология не может быть националистической. Она сохраняет имперскую идею, для которой принцип крови для империи не действует, для империи действует принцип гражданства, юридического равенства. Кроме того, культурное единство российской цивили-

лизации достигается не подавлением альтернативных культур, но культурной конвергенцией – сближением, взаимопроникновением и взаимодополнением культур.

От начала своего существования до наших дней Россия как государство есть результат творческих усилий далеко не одного лишь русского народа. Конечно, его государствообразующую роль невозможно ни отрицать, ни преуменьшать, но без добровольного, творческого содействия иных народов и племен русский народ ничего бы не создал.

Русский мир является русским и православным лишь постольку, поскольку включенные в его орбиту народы признают ведущую роль русского православного народа и русской культуры в формировании справедливого общежития, в котором все этносы имеют шанс уцелеть и развиваться, обогащаясь достижениями соседей и делаясь с соседями своими достижениями. Однако подобный вектор цивилизационного развития не совпадает ни с Китаем, ни с США, ни с европейским мультикультурализмом.

Разумеется, указанные выше принципы Русского мира не являются лишь самыми общими. Для обеспечения устойчивого развития обновленная российская цивилизация должна опираться на синтез таких неотъемлемых ценностей российского общества, как:

1. социальная справедливость;
2. всеобщая ответственность, и в первую очередь ответственность государства перед гражданами как доминанта общественной жизни;
3. честность;
4. патриотизм;
5. права личности, в той степени, в которой они не подрывают и не ущемляют общих прав;
6. позитивно ориентированная терпимость, уважение различий ценностей и образа жизни представителей разных народов и культур.

Патриотическое воспитание молодежи, формирование социальной ответственности должно иметь фундаментальный характер как в научном, так и в этическом аспектах, оно не может ограничиваться лишь адаптацией к существующим, возможно, временным, особенностям социально-политического развития. Но и критическая позиция должна быть крайне взвешенной, иначе социализация молодежи будет осуществляться в абстрактную или же альтернативную цивилизацию.

Фундаментальная проблема заключается в том, что Россия очень часто стремилась построить культуру, которая во имя абстрактных ценностей противоречит цивилизационным основаниям ее существования. В частности, российская государственность и правовая традиция реальны в том смысле, что имеют свои исторические особенности сравнительно с западноевропейской политико-правовой и культурной традицией⁴. Эти особенности во многом определяются цивилизационной парадигмой. Поэтому теория социализации не может рассматриваться как формальная дисциплина, а представляет собой способ познания человеком и народом своей исторической судьбы⁵. Уже русские мыслители XIX в. осознали специфику цивилизационного развития России⁶.

Мировой контекст соотношения цивилизаций также нуждается в существенном пересмотре. Современная либеральная глобализация представляет собой антипод ноосферной концепции единства цивилизаций, разработанный русской философией и наукой⁷. Это различие следует глубоко осмыслить применительно к комплексу проблем, связанных с воспитанием молодежи. Путь к культурному единству человечества может мыслиться только через диалог цивилизаций⁸, а не через распространение западноевропейских культурных принципов на все человечество.

¹Ильин И.А. Борьба за Россию // Собр. соч. в 10 т. М., 1999. Т. 9—10. С. 407.

²Хаврак А.П. Философско-политические аспекты формирования патриотических ценностей // Социально-гуманитарное обозрение. 2016. № 2. С. 80.

³Бельский В.Ю. Антропоцентрический подход в цивилизационных исследованиях // Социально-гуманитарное обозрение. 2016. № 1. С. 10.

⁴Галанина Н.В. Самоуправление как механизм социальной организации // Философские исследования и современность: Вып. 4. М., 2015. С. 65.

⁵Золкин А.Л. Эволюция философских воззрений И.А. Ильина и проблема методологии теории права // Вестник Моск. ун-та МВД России. 2015. № 5. С. 183–186.

⁶Золкин А.Л. Философия права российского консерватизма // Философские исследования и современность: Вып. 3. 2014. С. 91–101.

⁷Шашурина Г.В. Философские аспекты современной научной картины мира // Философские исследования и современность: Вып. 3. М., 2014. С. 268.

⁸Фролова Т.Н. Диалог как форма межкультурного взаимодействия // Философские исследования и современность: Вып. 1. М., 2012. С. 211–223.

Youth and religion

Молодежь и религия

Irina Vladimirovna Polozova,
doctor of philosophical science, professor of the
Department of Sociology and Political Science of
Moscow University of the MIA of Russia named
after V.Ya. Kikot
E-mail: office@unity-dana.ru

Ирина Владимировна Полозова,
доктор философских наук, профессор кафе-
дры социологии и политологии Московского
университета МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: office@unity-dana.ru

Annotation. The article deals with modern problems of participation of the Christian religion in the spiritual socialization of young people associated with the search for the meaning of life, values. It reveals the essence of the spiritual values of Orthodoxy, its system of values and their hierarchy, as well as their role in correct life orientation of youth.

Keywords: young people, the Christian religion, spiritual socialization of youth, the meaning of life, love and hate.

Аннотация. В статье рассматриваются современные проблемы участия христианской религии в духовной социализации молодежи, связанные с поиском смысла жизни, ценностных ориентиров. Раскрывается суть духовных ценностей православия, система его ценностей и их иерархия, а также их роль в правильной жизненной ориентации молодежи.

Ключевые слова: молодежь, христианская религия, духовная социализация молодежи, смысл жизни, любовь и ненависть.

Молодежь является особой группой общества, наиболее чувствительной к исканию смыслов и ценностей, в силу того, что ее мировоззрение находится в процессе активного становления. Молодой человек постоянно находится в поиске себя самого и смысла собственной жизни. Обладающий разумом, свободой и нравственностью, он приходит к осознанию своей безусловной ценности, выходящей за пределы мира вещей.

Можно предположить, что ценностные искания молодежи способны привести ее к религии, являющейся носителем основополагающих смыслов человеческого бытия и фундаментальных ценностей. Данные смыслы нельзя найти в эмпирической действительности, они лишь частично присутствуют в историко-культурной среде, и в полной мере могут быть обретены лишь на пути осознанной религиозной веры.

В связи с этим отметим, что исследователями-социологами отмечается неуклонный рост религиозности российской молодежи. Если в первой половине 80-х годов XX в. среди молодых был самый низкий показатель религиозности (1 — 2%) среди всех возрастных групп (среди взрослых — около 10%), то в конце 90-х возрастные различия

не оказывали уже сколько-нибудь заметного влияния на религиозность населения. В этом можно убедиться по ответам респондентов всех мировоззренческих групп. Так, верующих в Бога среди опрошенной молодежи оказалось 32,1%, а среди взрослых — 34,9%; колеблющихся между верой и неверием — соответственно 27% и 27,6%; безразлично относящихся к религии — 13,9% и 14,7%; неверующих — 14,6% и 13,5%¹. В 2000-х годах уже 44,5% молодежи считают себя верующими².

Для молодежи вера в Бога является, в первую очередь, смыслообразующей ценностью, т.е. неким жизненным стержнем, опираясь на который, молодой человек способен мыслить, действовать, строить взаимоотношения с другими людьми. Молодые люди остро способны ощущать отсутствие смысла в их текущей, повседневной жизни, ведь человеческая жизнь, представляющая собой круговорот рождений и смертей, простую смену поколений, нередко обнаруживает подчинение человеческого духа биологическому началу и превращается в пустую видимость, непрерывную борьбу за существование. Неосознанное ощущение бессмысленности повседневной действительности нередко приводит молодых людей к бунту и протесту по отношению к заведенному порядку вещей, лежащему в основе многих молодежных субкультур.

Молодой человек, как правило, не удовлетворен окружающей его действительностью, поскольку, как и все люди, он имеет смутное представление о благе жизни, которому действительность не соответствует, и не желает от него отказаться. Люди зрелого возраста, напротив, способны более спокойно воспринимать подмену высшей цели человеческого существования практическими, насущными целями. Молодежь остро понимает, что утилитарная трактовка смысла жизни, состоящая в стремлении к жизненному благополучию, не может быть оправдана. Об этом свидетельствуют направленные против буржуазного комфорта и благополучия молодежные движения хиппи и др. Поэтому можно предположить, что молодые люди в принципе способны проделать подобный путь, сделать шаг в направлении Высшего Смысла.

Религия способна дать ответ на вопрос, в значительной степени волнующий молодежь, пусть даже и не всегда явно, вопрос о смысле жизни, смысле человеческого существования. Речь идет о том, обладает ли жизнь положительной ценностью, причем ценностью всеобщей и безусловной, обязательной для каждого. В указании на смысл человеческого существования возможности религии не уступают, а зачастую и превосходят возможности науки и философии.

Во-первых, религия способна дать понять молодому человеку, что само искание смысла жизни уже говорит о его предварительной данности человеку. Очевидно, что существо, абсолютно лишённое смысла, не могло бы даже осознавать свою бессмысленность³. Такой смысл, с одной стороны, не отделим от человеческого сознания, имманентен ему, что говорит о предварительном обладании сознания человека истиной. А, с другой стороны, он трансцендентен сознанию, что показывает лишь на частичное обладание человеческим сознанием смыслом и его стремление к чему-то превышающему его самого. Таким образом, можно увидеть, что ощущение молодым человеком бессмысленности земной жизни способно привести его к исканию Бога и убеждению в его существовании.

Во-вторых, очевидно, что жизнь обретает смысл, когда она служит какой-либо разумной цели. Жизнь человека имеет смысл, когда она отвечает своему истинному назначению. Назначение жизни находится за пределами человеческой жизни, поэтому для решения вопроса о смысле жизни необходима вера в существование абсолютной цели, которая осуществляется за пределами человеческой жизни. Таким образом, чтобы жизнь имела смысл, необходимо стремление к высшему благу, отдача человеком своей жизни чему-то высшему, что оправдывает само себя. И только религия способна показать, что содержанием этой разумной цели может быть служение Высшему Абсолютному благу, причем в этом благе должен участвовать каждый человек. Абсолютное благо должно быть одновременно благом и в объективном, и в субъективном смысле. Благо в объективном смысле представляет собой самодовлеющую ценность, которая уже ничему не служит и стремление к которой оправдано ее внутренним достоинством. Таким высшим может являться благая жизнь, живое бытие, любовь, истина.

Условием возможности веры в вопросе смысла жизни является существование смысла жизни за пределами человеческого существования и личное бессмертие человека. Утверждать, что это назначение лежит не в границах нашей жизни, а находится вне ее, мы можем только на основе веры. Вера же является фундаментом отношения к Абсолюту. Так же, как с помощью чувств человек познает мир, с помощью веры он познает Бога.

Религия способна показать молодежи, что смысл жизни находится за ее пределами, и это и есть вопрос веры. Для такого познания главной силой является не «ум», но «сердце». Кажущаяся бессмыслица жизни может быть преодолена в «акте сердечного знания». Вместе с тем молодым людям необходимо примирить земную действительность с надмирной, осмыслить свою земную жизнь, внести смысл в нее, «объединить две жизни» в целое. И без веры это осмысление осуществить невозможно.

Путь молодого человека к постижению смысла жизни происходит, таким образом, в контексте веры. Поиски смысла — это укрепление в себе веры, которая есть напряженное внутреннее действие по преобразованию нашей жизни. Мера смысла и познания определяется мерой веры. Человек способен приобщиться к Божеству и заполнить Им свою жизнь, которую можно рассматривать как путь к абсолютному совершенству и служению Богу. Этот путь и есть путь борьбы «смысла жизни против ее бессмысленности»⁴.

Молодой человек в полной мере осознает, что вопрос о смысле жизни находит разрешение только в религии. Вера несет в себе живое самосознание, она открывает человеку возможность достижения желаемого человеком счастья. Смысл, напрямую связанный с верой и истиной, оказывается также соотносимым с христианской идеей спасения. Вера в смысл человеческой жизни обновляет человека, поскольку данный смысл уже фактически осуществлен в лице Христа. Таким образом, вера человека в новую счастливую жизнь и определяет собой смысл человеческой жизни.

Для описания смысла жизненного пути человека может быть использован предложенный русским философом Е.Н. Трубецким образ креста. «Во всякой жизни есть неизбежное скрещивание этих двух дорог и направлений, этого стремления вверх и стремления прямо перед собой в горизонтальной плоскости»⁵. Именно образ креста может привести человека к правильному пониманию смысла жизни.

Горизонтальная и вертикальная линии жизни в своей отдельности несостоятельны. Поэтому «полнота всемирного смысла может явиться только в объединении земли и неба»⁶. Поиск смысла жизни относится именно к скрещиванию жизненных линий, так как объект смысла жизни должен быть всепобеждающей силой и на земле, в земных делах человека (горизонтальная линия), и на небе (вертикальная линия).

Вопрос о всеильном и всепобеждающем смысле — это вопрос о Боге, потому что Бог есть жизненная полнота. Несмотря на то что мы видим много примеров бессмыслицы, мы ищем высшее Божоявление, которое ее опровергает. Его мы находим только в христианстве, ибо только «оно одно утверждает полное объединение обоих начал

— божественной полноты и мира стремящейся, страждущей твари»⁷. Доказательством этого является Богочеловечество Христа, в лице которого мы видим нераздельное и неслиянное единство Божеского и человеческого. Человек имеет возможность выйти из порочного круга бессмыслицы жизни путем обожения, приобщения к совершенству.

В грядущем царстве смысла всякая телесность будет озарена духовным светом, и этим оправдывается вся наша земная жизнь (горизонтальная линия). Небо для христианина наполнено красками и образами, взятыми с земли, чем оправдывается и осмысливается духовная жизнь человека (вертикальная линия). А раз и вертикальная, и горизонтальная линии оправданы в своем целом и скрещении, в невозможности быть отдельно одна от другой, значит, оправдан крест. На кресте упраздняется грань между посюсторонним и потусторонним. Сердце человеческое как выражение всей земли открывается для благодати, что происходит благодаря крестной жертве Христа и Его Воскресению. «Человеку открылись небеса и высшая тайна мирового смысла, явленной на земле. Обе линии человеческой жизни разом преисполнились божественной силы — Крест стал животворящим»⁸. «Горизонтальная и вертикальная линии жизни находят друг друга в одном «жизнесозидательном скрещении». Вертикальный процесс требует победы над самостью и невозможен без страдания»⁹. Это крест Христов. Тем самым в понимании смысла жизни становится центральным Халкидонский догмат: «нераздельное, неслиянное единство Божеского и человеческого»¹⁰. Таким образом, положительное решение вопроса о смысле жизни состоит в том, что здесь соединяются Бог и человек.

Человек по существу является ограниченным и «отравленным злом существом», поэтому сам не может достигнуть искомого пути к смыслу совершенства и торжества добра. Отчасти в искуплении Христовом это торжество достигнуто, но требуется еще от человека уничтожить в себе все противоречия по отношению к добру. Символом снятия этого противоречия служит «Крест, приятие которого есть достижение истинной жизни».

«Появление христианства в мире открыло людям новое основоположение жизни и дало полное объяснение всей внутренней истории древнего человечества. Оно именно объяснило, что люди сбились с пути, что они потеряли смысл своей жизни»¹¹. По христианскому учению, цель человека — вечная жизнь на небе в Божием Царстве света и истины, полное восстановление всего человеческого существа в воскресении от мертвых.

Молодой человек должен в полной мере осознать, что человек призван, благодаря внутренней духовной работе, подняться над земной жизнью, и жизнь земную приспособить к жизни вечной. Это возможно только в результате нравственной борь-

бы «внутреннего-идеального человека с внешним-эмпирическим, и борьба эта должна вестись человеком не один какой-нибудь период жизни, а в течение всей его жизни до самой последней минуты ее»¹². Непременным условием такого самоотвержения может быть его выполнение во имя смысла жизни, т.е. человек может отвергнуть себя в наличной жизни в интересах своей высшей жизни. Только в таком самоотвержении человек может осуществить свою свободу, что, в свою очередь, раскрывает в человеке образ и подобие Божие, его подлинный смысл жизни. Вера или неверие в конечном счете определяют собой разные образы существования человека.

Социологические исследования также показывают ориентацию верующей молодежи на моральные ценности¹³.

Действительно, в религии молодой человек приобретает возможность упорядочить мир своих ценностей, выстроить их правильную иерархию, ибо жизнь каждого человека основывается на системе его ценностных оценок и ценностных предпочтений, под влиянием которой находятся его мировоззрение, поступки и действия. Верная направленность жизни человека во многом будет определяться наличием объективно правильного порядка движения его предпочтений, его «ordo amoris» (строга (порядка) любви — лат.). Душа человека в этом смысле представляет собой некоторое отражение мирового порядка, являясь микрокосмосом мира ценностей.

Известно, что у современного молодого человека ценностная иерархия нарушена, зачастую он опирается на заведомо ложные и искаженные ценности, в числе которых модели и образцы поведения, диктуемые обществом потребления.

Мирской человек обычно живет в своем особом мире, представляющем собой ограниченную выборку из состава вселенской действительности, он выхватывает из него только ничтожные обрывки, годные для его эгоистического использования. Он живет не всеми ценностями, а только их небольшим кругом, его характеризует узость сознания ценностей. В маленьком мирке обычного человека, составленном из обрывков вселенной, нарушена перспектива для правильной оценки вещей: одни элементы переживаются в связи с мощными телесными реакциями и страстями, а другие отесняются на задний план, одним приписывается преувеличенная ценность, другим — неправомерно уменьшенная. Если учитывать еще обилие ошибок знания, а также неполноту выводов и предвидения следствий, то отсюда станет ясно, что обычный человек обречен на совершение множества ошибок в оценке вещей и при предпочтении одной ценности другим.

Кроме того, современное общество потребления навязывает человеку деформированный, искаженный до неузнаваемости ценностный порядок,

в котором материальные ценности безоговорочно ставятся выше подлинных, духовных ценностей.

Вместе с тем, приобщаясь к православной традиции, молодой человек открывает для себя, что ценности имеют не субъективный, но объективный характер. Ценности возможны лишь в том случае, если основы бытия являются идеальными и притом духовными. В противном случае существование ценностей остается совершенно необъяснимым. Можно принять в качестве исходного определение ценности, трактующее ее следующим образом: «положительная ценность есть бытие в его значении для приближения к Богу и к Божественной полноте бытия»¹⁴.

Подлинной конечной целью всякой деятельности всякого существа служит абсолютная полнота бытия. Но она дана лишь в Боге и только Бог являет собой абсолютную полноту бытия, следовательно, всякое существо стремится к участию в Божественной полноте бытия и к обожению. Условиями абсолютной полноты бытия и предельного совершенства являются любовь и свобода.

Высокое место в иерархии ценностей занимают абсолютные «частичные самодовлеющие ценности», к которым относятся любовь, истина, свобода, красота. Данные ценности обладают свойствами Абсолюта, такими, как открытость, непричастность враждебному противоборству, совместимость, сообщаемость, бытие для себя и для всех, самоотдача.

Объективным является также и порядок ценностей; очевидно, что абсолютные ценности стоят выше относительных, самодовлеющие ценности выше служебных. Ступенчатое царство ценностей объективно состоит в единстве законов его строения, упорядочивающим данный мир соответственно сущностным ценностям. «Среди абсолютных ценностей главными являются всеобъемлющие ценности, само Божественное Бытие, как таковое, стоит выше частичных самодовлеющих ценностей...»¹⁵.

Обозначим иерархию ценностей. По своей архитектонике иерархия образует качественные ряды ценностей, расположенных в порядке их возрастания. По отношению к человеческому бытию низший уровень составляют гедонистические ценности приятного и неприятного, с ними соседствуют утилитарные ценности полезного; следующий уровень образуют жизненные, витальные ценности; к более высокому уровню относятся духовные ценности, в числе которых выделяются этические, эстетические и ценности познания; самый же высокий уровень занимают религиозные ценности, ценности святых.

Постижение ценностного порядка принадлежит не разуму, но сердечному познанию. Сердце также имеет аналог логики, не заимствованный из логики рассудка, так называемый «порядок серд-

ца» или, по-другому, «порядок любви», который способен отражать ценностную иерархию мира.

Понятие «ordo amoris», «порядка любви», используемое Августином Блаженным, Б. Паскалем и М. Шелером, имеет два значения: нормативное и фактическое. Значение термина является нормативным в том смысле, что оно означает познание субординации ценностей с точки зрения установленной Богом иерархии, в соответствии с их внутренними свойствами, подобающим им местом. Высшей способностью человека является отношение к вещам с точки зрения подобной, установленной Богом иерархии. В данном случае можно говорить о совпадении Божественного и человеческого действия в одной и той же точке ценностного мира. Объективно правильный «порядок любви» становится нормой человеческой жизни, если он соотносится с волей и желаниями человека.

В фактическом значении понятие «порядка любви» имеет также фундаментальную ценность. Данный порядок обнаруживает за различными фактами человеческих действий и желаний структуру целесообразно действующего ядра личности, основную нравственную формулу, по которой живет этот субъект. Таким образом, все, что в человеке является существенным с нравственной точки зрения, может быть сведено к строению актов его предпочтений, к господствующему над ними, выражающемуся во всех действиях личности ее «порядку любви».

Любовь может быть представлена как вектор или действие, направляющее каждую вещь в сторону свойственного ей ценностного совершенства. По словам преподобного Максима Исповедника, «любовь есть благое расположение души, по которому она ничего из существующего не предпочитает познанию Бога»¹⁶. В динамическом отношении любовь является становлением, ростом вещей в направлении первообраза, Бога, и любовь человека служит особой разновидностью этой универсальной, действующей во всем силы. Всякая любовь является незавершенной, нередко замирающей или отклоняющейся любовью к Богу. Если человек любит некую вещь, некую ценность, например истину, природу, человека, это всегда означает, что он выступает за пределы своей личности и что соучаствует в стремлении другого предмета утверждать собственное совершенство, содействует ему, поощряет его, благословляет его.

Любовь представляет собой проявление присутствия всеблагого Бога, который является личностным центром космоса. И порядок любви, «ordo amoris», является сердцевинной миропорядка как порядка Божьего, в котором находится и человек. Человек, прежде чем он что-либо познает или чего-либо желает, является способным к любви существом. И именно полнота и направленность его любви устанавливает пределы полноты его контакта с универсумом. Не те вещи и их свой-

ства, которые способен познать человек, определяют и ограничивают его ценностный мир, но мир его ценностей устанавливает пределы и определяет доступное его познанию бытие. Его нравственный кодекс, т.е. правила предпочтения одних ценностей и отодвижения на задний план других, определяет структуру и содержание его мировоззрения, его познание мира, его волю.

Для порядка любви важна возможность продвигаться от ценности к ценности, от вершины к более высокой вершине. Пусть даже наша фактическая способность любви ограничена, но мы знаем и чувствуем, что эта граница не пролегает в конечных объектах. Любовь смотрит в процессе любви несколько дальше, чем на то, что у нее в руках, чем она владеет. Это движение сердца, составляющее ее сущность, может принимать принципиально разные формы на различных высотах ценностных сфер. Движение любви, в предельном случае любви личностной — безгранично разворачивает личность именно таким образом в свойственном ей направлении идеальности и совершенства.

Такая по сути бесконечная любовь требует для своего удовлетворения бесконечного блага. Итак, уже из-за этой сущностной особенности всякой любви в основе тезиса об *ordo amoris* лежит предмет идеи Бога как Абсолютного Блага и бесконечной формы бытия. По словам блаженного Августина, «Неспокойно сердце наше, покуда не успокоится в тебе». Только Бог может быть вершиной ступенчатого строения царства того, что достойно любви, истоком и целью целого одновременно. Восстановлению подобной иерархии ценностей, вершиной которой является Бог, служит религия.

С точки зрения Божественной любви, все, достойное любви, создается актом этой любви и носит на себе ее печать. Любовь человека, в свою очередь, должна подчиниться существующей субординации достойного любви. Именно в этом подчинении или неподчинении и состоит различие между любовью подлинной и ложной. Любовь, характеризуемая как подлинная и ложная, имеется лишь потому, что фактические склонности человека могут согласоваться с субординацией достойного любви или же противоречить ей, они могут ощущать и сознавать себя в единстве или противоречии с той любовью, какую Бог заложил в основу миропорядка. Если человек в порядке строения своих актов любви, в предпочтении и небрежении ниспровергает этот существующий порядок, он одновременно ниспровергает, по интенции, Божественный миропорядок. И где бы он его не разрушал, всюду с необходимостью рушился следом и его мир как поле действия, воздействия и воли.

Каждый предмет, если рассматривать его подобно его сущности, занимает в этой иерархии совершенно определенное и единственное в своем роде место, которому соответствует совершенно

определенное движение души к этому предмету. Если мы «попадаем» в это место, мы любим правильно и упорядоченно; если места путаются, если под влиянием страстей и влечений иерархия значимостей рушится, наша любовь оказывается неправильной и неупорядоченной.

Сфера Абсолютного необходима духовному центру человека. Ибо если она отсутствует, то самосознание личности заполняется квазиабсолютами, т.е. идолами и фетишами, в качестве которых могут функционировать, например, деньги, нация и другие «идолы». Но тогда опустошается духовный центр самопознания личности, разрушается ее «сердце». И только путем очищения самосознания от «идолов» человек становится способным к созерцанию сферы Абсолютного, становясь полноценной личностью.

Если же человек обнаруживает на месте Абсолюта в своем фактическом ценностном сознании, месте, необходимо наличествующем у каждого, ценность некоего конечного блага или рода благ, такое благо, абсолютизированное ослеплением, мы будем называть (формальным) кумиром. И, напротив, об относительном увлечении мы станем говорить, если человек, сообразно свойственной ему фактической структуре любви, а также способу предпочтения одних ценностей и небрежения другими, нарушает объективную субординацию достойного любви.

Наша душа пребывает в метафизическом заблуждении, если некий предмет, который относится к предметам относительной ценности, она любит так, как следовало бы любить лишь предмет абсолютной ценности, т.е. если человек производит такую ценностную идентификацию духовного ядра своей личности с этим предметом, что оказывается, по существу, в отношении веры и поклонения ему, т.е. ложно обожествляет его, точнее же — творит из него кумира. Далее, на определенной ступени ценностной относительности (которая, как таковая, правильно ощущается и оценивается) предметом более высокой ценности могут все-таки пренебречь в пользу предмета более низкой ценности. Любовь к предмету может быть, правда, правильного рода, но любим он будет так, что для духовного ока не откроется или откроется не целиком, от нуля до высшей степени, вся полнота того, что достойно в нем любви. Тогда любовь не адекватна предмету — и тут возможны ступени увеличения адекватности, начиная от слепой любви и кончая вполне адекватной или совершенно ясновидящей любовью.

Противоположный любви акт ненависти или эмоционального отрицания ценности, а потому также и эмоционального отрицания наличного бытия, является лишь следствием в некотором смысле неправильной и хаотичной любви. Основой всякого акта ненависти является акт любви, без которого первый терял бы смысл. Общим для

любви и ненависти является момент сильной заинтересованности в предмете как носителе ценности вообще, в противоположность зоне безразличия, и всякая заинтересованность есть изначально позитивная заинтересованность, или состояние любви. Ненависть, ощущаемая относительно какой-либо вещи, происходит только от любви, питаемой к другой вещи: я ненавижу болезнь только потому, что люблю здоровье.

Любовь и ненависть представляют собой противоположные эмоциональные способы поведения, но они не являются равнозначными. Наше сердце первично предопределено любить, а не ненавидеть: ненависть есть лишь реакция на ложную любовь. Ненависть всегда и повсюду есть восстание нашего сердца и души против нарушения *ordo amoris*. Человек ненавидит, обнаруживая, что носитель негативной ценности занимает или притязает на то место, которое согласно объективному порядку подобает носителю ценности, или же что благо низшего разряда занимает место блага высшего разряда, или наоборот.

Религия способна помочь молодым людям разрушить ложные идолы и ложные ценности, восстановить истинный ценностный порядок в соответствии с установленной Богом иерархией.

Религия развенчивает также ложные пути ориентации человека в мире ценностей. Так, стремление к абсолютной полноте бытия может быть связано у человека с большей любовью к себе, чем к Богу и к другим существам. Мирской человек обыкновенно испытывает предпочтительный интерес к себе, он всецело сосредоточен на своих переживаниях и невнимателен к чужой жизни, не испытывает к ней никакого интереса. Следствием такого земного эгоизма является обособление людей друг от друга, их разъединенность, опустошенность и ненужность самому себе. Из всех подобных усилий вместо полноты жизни возникает полное самоубийство.

Религия же направляет человека к Богу как к Абсолютной полноте бытия и делает его открытым для других людей. Она освобождает человека от эгоистической замкнутости в себе, расширяет его жизнь путем усвоения интересов группы единомышленников, интересов Церкви и общества так, как если бы они были его собственными интересами.

Молодой человек должен уяснить себе, что стремление личности к заповеданному Богом совершенству с необходимостью предполагает ее возрастание в добродетелях. Для достижения совершенства важность имеют все добродетели: аскетические, нравственные и религиозные.

Процесс совершенствования личности в ее постепенном восхождении к благу реально означает ее продвижение в системе ценностей, составляющих большой и многообразный мир добродетелей. Приобретение добродетели и обладание ею выражает степень причастности личности к объективному и безусловному благу, оно является важным результатом утверждения человека в его высоком достоинстве и необходимым условием его конечного оправдания перед Богом.

Добродетели образуют иерархически стройную систему, завершенную как с точки зрения нравственного достоинства человека, так и с точки зрения объективного и абсолютного блага. Молодой человек призван открыть для себя существующий в христианском миросозерцании с апостольских времен идеал добродетели с особенным указанием на нравственно-аскетический подвиг, на любовь, смирение и самоотречение, которые не заслоняют таинственной цели всего пути, но, напротив, приближают эту цель. Достижение этой конечной и высшей цели и обуславливает иерархическую соподчиненность всех добродетелей, образующих единую ценностную систему.

¹Мчедлов М.П. О религиозности российской молодежи // Социологические исследования. 1998. № 6. С. 107—110.

²Мчедлов М.П. Религиозны ли молодые россияне // Мониторинг общественного мнения. 2005. № 2.

³Франк С.Л. Смысл жизни. С. 64 // https://azbyka.ru/otechnik/Semen_Frank/smysl-zhizni/

⁴Там же. С. 92.

⁵Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. С. 45 // <http://predanie.ru/trubeckoy-evgeniy-nikolaevich/book/78443-smysl-zhizni/>

⁶Там же. С. 47.

⁷Там же. С. 48.

⁸Там же. С. 59.

⁹Лосский Н.О. Ценность и бытие. Бог и царство Божие как основа ценностей. С. 204 // <http://www.runivers.ru/lib/book6200/138464/>

¹⁰Василенко Л. Краткий религиозно-философский словарь. С. 161 // http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/vasil/22.php

¹¹Несмелов В.И. Наука о человеке. С. 75 // <http://forum.rozamira.org/index.php?showtopic=2589>

¹²Там же. С. 80.

¹³См.: Мчедлов М.П. Религиозны ли молодые россияне...;

Ткаченко А.В. Отношение московской молодежи к религии и нравственности // Системная психология и социология. 2012. № 5.

¹⁴Лосский Н.О. Ценность и бытие... глава 1.

¹⁵Там же. Глава 3.

¹⁶Максим Исповедник. Главы о любви // Добротолюбие. Т. 3.

The concept of vocational guidance in the professional formation of youth categories system

Понятие профессиональной ориентации в системе категорий профессионального становления молодежи

Vitaliy Urievich Belskiy,

doctor of philosophical science, professor,
the head of the department of sociology and
political science of Moscow University of the MIA
of Russia named after V.Ya. Kikot

E-mail: v.belskiy@bk.ru

Виталий Юрьевич Бельский,

начальник кафедры социологии и
политологии Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор философских наук, профессор

E-mail: v.belskiy@bk.ru

Catherine Mihailovna Inozemtseva,

senior inspector of department of methodical
maintenance of educational work URLs of
Moscow University of the MIA of Russia named
after V.Ya. Kikot

E-mail: office@unity-dana.ru

Екатерина Михайловна Иноземцева,

старший инспектор отделения методического
обеспечения отдела воспитательной работы
УРПС Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

E-mail: office@unity-dana.ru

Annotation. The article explains the place of the concept of «professional orientation» in the system of categories of professional formation of youth. It is shown that the real role of professional orientation as a factor of professional self-identity and professional orientation of young people.

Keywords: youth, youth professional orientation, professional self-determination, professional development

Аннотация. В статье обосновывается место понятия «профессиональная ориентация» в системе категорий профессионального становления молодежи. Показана реальная роль профессиональной ориентации в качестве фактора профессионального самоопределения и профессиональной направленности личности молодых людей.

Ключевые слова: молодежь, профессиональная ориентация молодежи, профессиональное самоопределение, профессиональное становление

Профессиональная ориентация играет важную роль в выборе молодыми людьми жизненной стратегии. От нее во многом зависит также протекание и результат процесса социализации личности, возможности и способность к социальной адаптации и ресоциализации в меняющихся жизненных условиях.

Изучение профессиональной ориентации предполагает первоначально определить круг понятий, так или иначе с ней связанных. Центральным понятием здесь выступает понятие «профессия». Е.А. Климов предлагает четыре подхода к определению данного термина.

Первый связан с областью приложения сил человека, т.е. с областью, в которой осуществляется его трудовые функции.

Второй — с выделением общности людей, занятых определенного рода трудовыми функциями.

Третий подход раскрывает подготовленность к выполнению определенных трудовых функций (знания, умения, навыки).

Четвертый характеризует профессию как деятельность, т.е. распределенный во времени процесс реализации трудовых функций¹.

Профессия существует в виде множества трудовых постов, или должностей. Трудовой пост (должность) — одна из форм существования профессии, ограниченная вследствие разделения труда и тем или иным образом зафиксированная область приложения сил человека, рассчитанная на удовлетворение общественных потребностей посредством создания ценностей — вещей, информации, полезных обслуживающих действий, функциональных полезных эффектов, эстетических впечатлений, общественного настроения, упорядоченного протекания общественных процессов². Существует множество классификаций профессий, строящихся на различных основаниях: по отраслям народного хозяйства, по степени развития психофизиологических функций, по степени тяжести и т.п.

В Российской Федерации в 1996 г. создан Общероссийский классификатор профессий рабочих, должностей служащих и тарифных разрядов. Кроме того, существует Международная стандартная классификация профессий, созданная совместно ООН, ЮНЕСКО и ВОЗ.

Следующими понятиями, связанными с понятием профориентации, являются понятия «оптация» и «оптант». Оптация — это принятие решения о выборе пути профессионального развития³ и, соответственно, оптант — это человек, принимающий такое решение.

Важную роль для понимания сущности профориентации играет понятие «профессиональное самоопределение». Профессиональное самоопределение — это длительный и многоступенчатый процесс выбора про-

фессии личностью, отражающийся в ее профессиональных планах⁴. Существуют следующие подходы к изучению профессионального самоопределения:

- ◆ теории типов профессиональной жизни (структурные концепции);
- ◆ мотивационные теории;
- ◆ теории индивидуальности⁵.

В структурных теориях признается, что профессиональное развитие индивида происходит в течение всей жизни. Представители данных концепций выявляют общие типы, образцы и схемы профессиональной жизни человека. Основным положением данных концепций можно считать то предположение, что окончательный профессиональный выбор индивид делает в достаточно зрелом возрасте, а, соответственно, выбор молодого человека не является окончательным.

Мотивационные теории предполагают, что при профессиональном самоопределении человек руководствуется определенными потребностями. Э. Ро полагает, что в основе профессионального выбора лежат взаимоотношения родителей и ребенка, т.е. содержание потребностей индивида обусловлено тем, какие из первичных потребностей родители удовлетворяли или фрустрировали⁶.

Теории, относящиеся к последнему типу, посвящены изучению формирования профессиональной зрелости и индивидуальному выбору сферы труда. Дж. Холланд, который является представителем данного направления, считает, что индивид, выбирая себе профессию, в первую очередь выбирает себе окружение, которое совпадает с его личностной ориентацией и типом личности.

Успешность профессионального самоопределения определяется психологической готовностью учащегося к выбору профессии. Эта готовность может быть связана с формированием профессиональной направленности личности, ее адекватной самооценкой, достаточной информированностью и устойчивыми профессиональными намерениями, т.е. человек должен знать достаточно хорошо свои интересы, когнитивные способности и личностные особенности. Кроме того, он должен быть знаком с профессиями и требованиями, которые они предъявляют, а также уметь соотносить эти требования со своими личностными особенностями. Профессиональному самоопределению, как правило, предшествуют определенные события. Такими событиями могут быть: окончание учебного заведения, увольнение с работы, повышение квалификации, смена места жительства и т.д.

Профессиональное самоопределение можно рассмотреть как процесс: осознания ценности общественно-полезного труда и необходимости профессиональной подготовки; ориентировки в социально-экономической ситуации и прогнозирования престижности выбираемого труда; общей ориентировки в мире профессионального труда и выделения профессиональной цели; определения ближних профессиональных целей как этапов и путей к дальней цели; информирования о профессиях, специальностях, профессиональных учебных заведениях и местах трудоустройства; как представление о препятствиях к достижению профессиональных целей, о своих достоин-

ствах, способствующих реализации намеченных планов и перспектив; как наличие системы резервных вариантов выбора на случай неудачи по основному варианту самоопределения; как начало практической реализации личной профессиональной перспективы и постоянной корректировки намеченных планов⁷.

Еще одним ключевым понятием является «профессиональная направленность личности». Профессиональная направленность — это интегральная характеристика мотивации профессиональной деятельности, определяемая всеми побуждениями в мотивационной сфере и в особой мере выражающаяся в интересах, отношениях, целенаправленных усилиях⁸. Она основывается на широком круге потребностей, интересов, идеалов и установок человека. Профессиональная направленность характеризует единство интересов и особенностей личности в системе профессионального самоопределения.

Следующим ключевым понятием является понятие «профессиональное становление личности». Оно характеризует процесс прогрессивного изменения личности под влиянием социальных воздействий, профессиональной деятельности и собственной активности, направленной на самосовершенствование и самоосуществление⁹. Детерминацию профессионального развития можно представить следующим образом: во время профессионального становления личности могут возникать противоречия двух видов: между личностью и внешней средой, а также внутриличностные противоречия.

Существует множество классификаций стадий профессионального становления личности. Как представляется, наиболее подробной и обоснованной является классификация, предложенная Э.Ф. Зеером. В ней выделяются следующие семь стадий профессионального становления личности:

1. Аморфная оптация (0 — 12 лет), на этой стадии основными психологическими новообразованиями являются: профессионально ориентированные интересы и склонности.
2. Оптация (12 — 16 лет): профессиональные намерения, выбор пути профессионального образования и профессиональной подготовки, учебно-профессиональное самоопределение.
3. Профессиональная подготовка (16 — 23 года): профессиональная подготовленность, профессиональное самоопределение, готовность к самостоятельному труду.
4. Профессиональная адаптация (18 — 25 лет): освоение новой социальной роли, опыта самостоятельного выполнения профессиональной деятельности, приобретение профессионально важных качеств.
5. Первичная профессионализация: вырабатывается индивидуальный стиль деятельности, человек начинает заниматься квалифицированным трудом.
6. Вторичная профессионализация: происходит повышение квалификации, выработка профессионального менталитета, стабилизируется уровень профессиональной активности.
7. Профессиональное мастерство: на эту стадию переходят лишь те работники, которые обладают творческим потенциалом и развитой потребностью в самореализации¹⁰.

Немаловажную роль в системе профессиональной ориентации играет профессиональное развитие. Профессиональное развитие — это длительный, обычно необратимый процесс, имеющий вполне определенную «регулярную» структуру, складывающийся из серии непрерывных выборов, достигающих стабилизации лишь в зрелые годы, направленный на присвоение им различных аспектов мира труда, в частности, профессиональных ролей, профессиональной мотивации, профессиональных знаний и навыков¹¹.

Д. Сюпер выделяет основные стадии профессионального развития; здесь будут рассмотрены те стадии, которые проходит молодой человек:

1. Стадия роста или пробуждения (от рождения до 14 лет): выбор профессий происходит под влиянием фантазий с 4 до 10 лет, интересов с 11 до 12 лет и способностей с 13 до 14 лет.

2. Разведка, или исследование (15 — 24 года): включают временное занятие (15 — 17 лет), переходный период (18 — 21 год), в котором ненадежные решения переносятся на реальный мир работы или учебы, и «опробование» (22 — 24 года), когда выбор проверяется в реальном труде.

3. Стадия упрочнения, в которую входит «пробная» подстадия (25 — 30 лет)¹².

Еще одним немаловажным понятием является понятие «профессиональной пригодности». Профпригодность — это соответствие личностных характеристик обследуемого требованиям профессиограммы, его способность овладеть данной профессиональной деятельностью¹³.

Е.А. Климов выделяет такие основные компоненты профессиональной пригодности, как: гражданские качества, отношение к труду, профессии, склонности и интересы к данной области деятельности, общая дееспособность, единичные, частные и специальные способности, а также навыки, знания и опыт¹⁴.

Кроме того, важную роль в профессиональной ориентации молодежи играют профессиограммы. Профессиограмма — это характеристика профессии, включающая описание условий труда, прав и обязанностей работника, необходимых знаний, умений и навыков, профессионально важных качеств, а также противопоказаний по состоянию здоровья¹⁵. Она дает возможность определить профессиональную пригодность человека, а также позволяет оптанту больше узнать о профессии и, соответственно, снижает шанс сделать неправильный выбор. Профессиограмма направлена на создание целостного восприятия содержания и особенностей конкретного вида труда.

Существует множество определений понятия профессиональной ориентации. Наиболее распространенными среди них являются связанные с пониманием профессиональной ориентации,

во-первых, как системы научно обоснованных психолого-педагогических и медицинских мероприятий, направленных на подготовку молодежи к выбору профессии с учетом индивидуально-психологических особенностей личности и потребностей общества;

во-вторых, с научно обоснованным распределением людей по различным видам профессиональной деятель-

ности в связи с потребностями общества в различных профессиях и способностями индивидов к соответствующим видам деятельности;

в-третьих, с совокупностью педагогических и психологических мер и комплексом разного рода информации, направленных на принятие решения по приобретению оптантами той или иной профессии (специальности), а также на выбор оптимального для достижения этой цели пути дальнейшего профессионального образования.

В процессе профориентации предусматривается комплексный подход к оптанту как к индивиду, личности и т. п. Если профориентацию рассматривать как систему государственных мер, то в этом случае ее основная цель заключается в решении задач, связанных с рациональным использованием кадров.

Таким образом, понятие профессиональной ориентации раскрывается посредством круга смежных понятий. Данными понятиями являются: профессия, оптация, профессиональное самоопределение, профессиональные становление и развитие, профессиональная направленность и пригодность и профессиограмма.

Профессиональная ориентация молодежи в ее широком понимании — это система научно обоснованных психолого-педагогических и медицинских мероприятий, направленных на подготовку молодежи к выбору профессии с учетом индивидуально-психологических особенностей личности и потребностей общества. Она выступает неотъемлемой частью молодежной политики государства, а также его социальной политики в области занятости и образования населения.

¹¹Климов Е.А. Введение в психологию труда: Учебник. М.: ЮНИТИ, 1998. С. 182.

¹²Там же. С. 64.

¹³Зеер Э.Ф. Психология профессий: Учеб. пособие. М.: Академич. проект, 2005. С. 323.

¹⁴Тарасюк О.А. Профориентационная карта учащихся как форма психологического сопровождения в выборе профессии // <http://gerom.edu.by>

¹⁵Диагностика профессиональных способностей, система профессионального отбора социальных педагогов и социальных работников. М., 1994. С. 18.

¹⁶Цит. По: Диагностика профессиональных способностей, система профессионального отбора социальных педагогов и социальных работников... С. 22.

¹⁷Зеер Э.Ф. Указ. соч. С. 106.

¹⁸<http://slovari.yandex.ru>

¹⁹Зеер Э.Ф. Указ. соч. С. 29.

²⁰Там же. С. 46—47.

²¹Диагностика профессиональных способностей, система профессионального отбора социальных педагогов и социальных работников... С. 19.

²²Там же. С. 18—19.

²³Зеер Э.Ф. Указ. соч. С. 324.

²⁴Климов Е.А. Указ. соч. С. 101—102.

²⁵Зеер Э.Ф. Указ. соч.

Radicalism and extremism as factors of de-socialization of youth

Радикализм и экстремизм как факторы десоциализации молодежи

Lada Yaroslavovna Smirnova,

Deputy Head of the Department of Socio-economic Sciences and Humanities of the Moscow regional branch of the Moscow University of the MIA of Russia named V.Ya Kikot, candidate of economic sciences

E-mail: smirnov_0303@mail.ru

Лада Ярославовна Смирнова,

заместитель начальника кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат экономических наук

E-mail: smirnov_0303@mail.ru

Annotation. The article deals with topical issues of youth involvement in various terrorist, radical and extremist structures. Analyzes the current methods of influence on the attitudes of young people and the way of political and social control over attempts to destabilize the political institutions.

Keywords: youth, terrorism, radicalization, political extremism, «a demographic bubble», information and cognitive war, «youth bubble», recruiting, «transhumanism».

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы вовлечения молодежи в различного рода террористические, радикальные и экстремистские структуры. Анализируются современные способы влияния на мировоззрение молодежи и пути политического и социального контроля над попытками дестабилизации политических институтов.

Ключевые слова: молодежь, терроризм, радикализация, политический экстремизм, «демографический пузырь», информационно-когнитивная война, «молодежный пузырь», рекрутинг, «трансгуманизм».

В последние годы зарубежные и российские исследователи проблем политического экстремизма все чаще отмечают рост актуальности и масштаба названной проблематики, а также такие новые тренды в развитии системы международного терроризма, как его омоложение — вовлечение в различные радикальные и экстремистские структуры и виды деятельности не просто отдельных молодых людей, но значительную часть нового поколения граждан целого ряда стран и регионов.

Максимализм, радикализм взглядов на те, или иные процессы и подходы к решению назревших проблем и, следовательно, политический, религиозный и иной экстремизм — все это имманентные черты всякого нового поколения; в особенности — в странах так называемого «третьего мира», где физиологические, в первую очередь, возрастные предпосылки радикализма (эмоциональность, иррационализм, безответственность и т.п.) подчас сочетаются не только с некоторыми национальными традициями тех или иных стран, но и с нарастающими социокультурными, экономическими и иными обусловленностями, вызванными растущей массовой безработицей, системной секуляризацией традиционных обществ, конкурентной борьбой за рынки и ресурсы.

Вместе с тем в XXI в. радикализм, экстремизм и терроризм приобретают все менее эмоциональный и все более рациональный и даже утилитарный характер. Выражается это, прежде всего, в том, что разного рода радикально-экстремальные виды деятельности (в том числе в политике) становятся профессиональным занятием молодых, своего рода новой и растущей индустрией, вовлекающей в свои ряды не только маргиналов, но также «продвинутую» в образовательном и социальном смысле молодежь — представителей так называемого «креативного класса».

Еще одна особенность экстремизма и терроризма XXI в. состоит в том, что радикальные идеологии и практики все настойчивее выходят за пределы стран «третьего мира» и становятся глобальной, трансрегиональной и транснациональной характеристикой современного социума, в котором различные экстремальные занятия и взгляды тех или иных молодежных элит Запада вполне сочетаются с пещерной политической архаикой разночинной молодежи и деклассированных низов афро-азиатских стран.

«21-й век был ознаменован резким ростом масштаба и степени интенсивности террористических атак в самых разных частях света», — пишут авторы статьи «Терроризм как инструмент борьбы с суверенными государствами и цивилизациями» российские философы В.Ю. Бельский и В.А. Лепехин. «Похоже, что никогда в истории человечества на планете Земля не действовало такого количества радикальных групп и организаций, терроризирующих население и правительства не просто отдельных стран, но и целых континентов».

Действительно, сам факт прагматизации и «профессионализации» экстремизма и терроризма, а также трансформации правого, левого и иного (например, конфессионального) радикализма из прецедента в обыденность становится предпосылкой роста в обществе нацистских, расистских и других крайних взглядов и политической деятельности. Актуализация же молодежной проблематики — в той ее части, которая касается вышеперечисленных феноменов, — требует пересмотра специалистами в области исследований проблем терроризма устоявшихся представлений о содержании и характере различных типов и направлений экстремистской деятельности, а также о способах и методах противодействия этому явлению.

Большинство российских и зарубежных авторов отмечают четыре основные причины появления и нарастания в мире экстремизма и терроризма нового, профессионального типа, в который рекрутируются сегодня значительные массы молодежи.

Первая группа причин связана с кризисным состоянием так называемых «левых» сил, которые, будучи загнанными в подполье в большинстве стран и Западе, и Востока, оказались в ситуации, когда могут реализовать свой протест и потенциал исключительно в экстремальных форматах. В отличие от исследователей «правой» ориентации, связывающих девиантные формы поведения молодежи и относящих повышенную «революционность» среднестатистического молодого человека к одному из проявлений естественной и биологически обусловленной девиантности, исследователи «левых» взглядов связывают склонность молодых людей к радикальным формам поведения, в первую очередь, с социальными и экономическими факторами и предпосылками.

В частности, одна из самых популярных «левых» концепций описывает современный молодежный протест в категориях, связанных с феноменом, получившим название «демографического пузыря». «Демографический пузырь» — это растущий излишек в социуме социальной массы конкретного возраста, деформирующий в традиционную структуру занятости. Например, на Ближнем Востоке и в Африке южнее Сахары (где более 20% населения — это молодежь от 15 до 24 лет) в настоящее время надувается так называемый «молодежный пузырь». В свою очередь, в Восточной Азии и Латинской Америке наблюдается формирование «пузыря трудоспособного возраста», а в Японии и Европе общество столкнулось со «старческим пузырем».

Считается, что впервые этот феномен описал немецкий демограф Гуннар Хайнзон в 2003 г. в книге «Сыновья и мировое господство: роль террора в подъеме и падении наций»². В названной книге немецкий исследователь называет раздувающийся демографический пузырь на стыке Ближнего Востока и Северной Африки афро-американским молодежным пузырем и считает, что «950 миллионов африканцев и арабов окончательно похоронят Европу к середине 21-го века». Именно избыток в названном регионе невостребованной обществом и неудовлетворенной своим статусом молодежи трудоспособного возраста стал основной причиной захлестнувшей ряд арабских стран волны исламистского террора — считают Гуннар Хайнзон и многие другие российские и западные философы и социологи.

Вторую группу причин, способствующих повсеместному нарастанию в мире молодежного экстремизма и терроризма, составляют политически обусловленные факторы, связанные с целенаправленным формированием ТНК и различными западными олигархическими структурами управляемых радикальных группировок в тех или иных регионах мира.

Ни для кого не секрет, что, например, «Талибан» в Афганистане получил в свое время поддержку со сторо-

ны американских спецслужб. Радикальные исламистские группировки региона в 80-е годы XX в. активно использовались Западом в его борьбе против СССР, а с момента системного входа в Афганистан американских военных (после известных событий 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке) призваны обеспечивать в регионе целый ряд вполне утилитарных функций и задач: контролировать производство и пути доставки на Запад опиума, содействовать экспорту в страны центральной Евразии американских вооружений, контролировать транзит углеводородов и проч.

В современной научной литературе и СМИ достаточно подробно описаны взаимосвязи и взаимообусловленности интересов западных спецслужб, Пентагона и НАТО с действиями таких экстремистских группировок, как, например, запрещенные в России террористические группировки «Аль-Каеда» и «Исламское государство». Поэтому мы не считаем важным останавливаться на описании аргументов в пользу данного тезиса. Сегодня более важно и вполне очевидно, что мировым центром подготовки террористических организаций, а также планирования различных актов насилия, например на том же Ближнем Востоке, давно стали некоторые мусульманские страны с проамериканскими режимами (Саудовская Аравия, Катар, до недавнего времени Турция). Именно в этих странах происходит основной рекрутинг молодых людей региона в ряды террористов.

Более того, названный рекрутинг приобрел такие масштабы и так оброс современной инфраструктурой вербовки сторонников тех или иных радикальных движений и их интеграции в различные террористические группы, что сегодня можно говорить уже о формировании такой «особой» профессии, как «террорист».

Названные выше социально-экономические и утилитарно-политические причины роста мирового влияния международного терроризма и его омоложения — не единственные.

Так, в трудах упомянутых выше известных российских специалистов в области исследования проблем современного терроризма и политического экстремизма В.Ю. Бельского и В.А. Лепехина³ описаны, как минимум, еще два фактора, способствующих распространению в современном мире радикальных идей и соответствующих стереотипов поведения. Один из факторов (назовем его ментально-идеологическим) роста в современном обществе экстремальных настроений и состояний связан с таким понятием, как «трансгуманизм», обозначающим современную западную субидеологию, рассчитанную, в первую очередь, на молодежь.

По мнению специалистов, исследующих антропологические основания современных социокультурных трансформаций, контроль над сознанием молодежи нужен властвующим олигархиям не только с целью минимизации возможностей и предпосылок для разного рода незапланированных социальных революций. По их мнению, «серия «цветных» революций в арабских странах в 2011 — 2012 гг. была лишь пробой пера... Контроль за сознанием молодежи позволяет мировой

элите постепенно избавиться от «избыточной» части человечества путем изменения репродуктивного поведения масс. Вот почему важнейшим пунктом любой прозападной «демократизации» становится изменение гендерной политики в стране-жертве. Культ ЛГБТ-движения, гомосексуальные семьи и браки, фричайлд, половое «воспитание» (развращение) детей в раннем возрасте и прочие технологии продвижения «новой» семейной, социальной и образовательной политики направлены именно на то, чтобы массовый (молодой) человек утратил способность к самосохранению и неконтролируемому размножению»⁴.

После известных событий февраля 2014 г. на Украине и особенно после размещения в Сирии российских ВКС осенью 2015 г, новый, системный и идеологически обусловленный тип политического экстремизма, опирающийся на манипулятивные техники и передовые методы управления различными категориями молодежи, был легализован в целом ряде специальных терминов, вброшенных в западные СМИ и закрепленных в результате в массовом сознании.

До названных выше событий для легализации и легитимации тех или иных видов правого экстремизма и терроризма, а также их носителей в западных СМИ использовались такие понятия, как «борцы за свободу», «повстанцы» и проч. Сегодня это еще и «умеренная оппозиция». В статье «Глобальный терроризм как главное секретное оружие межцивилизационных войн»⁵ современный терроризм определяется авторами как «новый вид современного сверхсистемного экстремизма, целью которого является содействие процессам глобализации насильственными мерами».

Еще одна причина роста в молодежной среде целого ряда стран радикальных настроений и взглядов кроется в особенностях эволюции западной системы ценностей.

Полагаем, что названный тип факторов (ценностный) — одна из важнейших причин омоложения международного терроризма. Фактически с уходом с мировой политической сцены нынешнего поколения и приходом к власти и управлению мировой политикой и экономикой нового поколения, воспитанного в условиях и по законам информационного общества, мир меняется радикально. Причем меняется он не в пользу тех, кто придерживается традиционных ценностей. И здесь возникает некий парадокс, когда поколение «компьютерных технологий и виртуальной реальности» получает как бы двойное подкрепление — со стороны «передовой» идеологии трансгуманизма и одновременно со стороны сил и факторов, способствующих архаизации западного (передового) общества.

Сегодня в научный обиход и в цивилизационный контекст входит такое понятие, как «вторичная дикость». Связано оно, в первую очередь, с фактом «возвращения» некогда передовых западных держав в пе-

риод «варварства», характеризующегося разложением традиционных ценностей, культуры и иных признаков цивилизованности, снижением адаптивных способностей к новым вызовам.

«Специфическая адаптация» в данном случае представляет собой не просто отказ от традиционной морали, но и, как следствие, предполагает снятие табу на совершение насилия в отношении других людей. Терроризм становится своего рода «бизнесом — и ничего личного», способом заработка, образом жизни и т.п.

Известно, что для успешной борьбы с каким-либо явлением, нужно это явление хорошо знать. Предупреждение международного терроризма и политического экстремизма требует хорошего знания предмета, в том числе путем доступа к информации оперативного назначения, а также ее профессиональной обработки. Современная информационно-когнитивная война предполагает опору противоборствующих сторон не только на научные знания, но и на понимание последствий совершения тех или иных действий. В частности, необходимо понимать, что молодежный экстремизм — феномен разрушительного характера, угрожающий не только и не столько архаическим обществам, сколько, напротив, высокоорганизованным государствам, как показали события в Ираке, Ливии и Сирии.

С нашей точки зрения, исследование содержания глобальных процессов, в результате которых формируются предпосылки возрастания масштабов и интенсивности молодежного экстремизма, становится все более актуальной задачей. Причем особая роль в исследовании названных процессов и предупреждении молодежного экстремизма отводится сегодня правоохранительным органам, все чаще оказывающимся на передовой противостояния общества и государства различным экстремистским группировкам.¹

¹Бельский В.Ю., Лепехин В.А. Терроризм как инструмент борьбы с суверенными государствами и цивилизациями // Вестник экономической безопасности. 2016. № 1. С. 23—29.

²Gunnar Heinsohn. *Sohne und Weltmacht Terror im Aufstieg und Fall der Nationen*. 2003.

³Бельский В.Ю., Бороздин А.В., Сацута А.И., Лепехин В.А. и др. Глобализм как социально-политическое явление. Противоположение в современных условиях. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. См. также: Бельский В.Ю. Радикализация современной Европы как угроза социальному прогрессу // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2015. № 6. С. 8—12; Бельский В.Ю. Технологии противодействия молодежному экстремизму в условиях глобализации // Журнал «Alma mater (Вестник высшей школы)». 2016. № 5. С. 26—29.

⁴Лепехин В.А. Футбол как элемент глобальной фабрики по производству нового человека // <http://ria.ru/analytics/20160615/1448094385.html>

⁵Бельский В.Ю., Лепехин В.А. Глобальный терроризм как главное секретное оружие цивилизационных войн // http://inst.eurasec.com/aktual_tem/4584/

УДК 342

The role of legal education of minors and its impact on the prevention of juvenile delinquency

Роль правового воспитания несовершеннолетних и его влияние на профилактику подростковой преступности

Anatoly Vasilevich Bogdanov,
associate professor of the department of
operational-investigative activity
and special equipment of Moscow
University of the MIA of Russia named after V.Ya.
Kikot, candidate of law, associate professor

Анатолий Васильевич Богданов,
доцент кафедры оперативно- розыскной дея-
тельности и специальной техники Московского
университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

Sergey Alekseevich Egorov,
candidate of law, associate professor
deputy head of the constitutional and municipal
law of Moscow University of the MIA of Russia
named after V.Ya. Kikot

Сергей Алексеевич Егоров,
заместитель начальника кафедры конституци-
онного и муниципального права Московского
университета МВД России имени В.Я. Кико-
тя, кандидат юридических наук, доцент

Eugene Nikolaevich Khazov,
doctor of law, professor, head of department of
constitutional and municipal law of Moscow
University of the MIA of Russia named after V.Ya.
Kikot

Евгений Николаевич Хазов,
начальник кафедры конституционного и
муниципального права Московского универси-
тета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

Annotation. The article examines the legal and moral education of minors as one of the major problems of our society; the causes and conditions that generates it.

Keywords: moral ideals, legal education of minors, neglect, impunity, the prevention of crimes

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы правового и морально-нравственного воспитания несовершеннолетних как одной из острых проблем нашего общества; причины и условия, ее порождающие.

Ключевые слова: морально-нравственного идеалы, правовое воспитание несовершеннолетних, безнадзорность, безнаказанность, предупреждение преступлений

Криминальная среда на фоне социально-политической нестабильности в стране и кризиса в хозяйственно-экономической сфере приобрела достаточно высокий профессионализм и организованность, многоцелевую и крупномасштабную ориентацию, захватывая в сферу влияния новые слои и категории населения в основном из числа безработных и малоимущих, учащейся молодежи и несовершеннолетних¹.

В Конституции Российской Федерации, в ст. 2², закреплено, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства; в ст. 17 также записано, что права и свободы человека и гражданина неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения³. Важнейшим приоритетом общества и государства остается предупреждение правонарушений и преступлений среди несовершенно-

них. Преступное поведение несовершеннолетних имеет свою специфику, обусловленную особенностями физического, психического, культурного и нравственного развития молодых людей, их социальной незрелостью. Неопровержимые факты, показывающие, что огромный процент преступлений совершается в настоящее время несовершеннолетними, заставляют серьезно задуматься о причинах этого печального обстоятельства⁴.

Преступность несовершеннолетних, как и вся преступность в целом, относится к числу хронических, «вечных» социальных болезней общества, и поэтому никогда не перестанут быть актуальными попытки найти средства для минимизации преступности несовершеннолетних и ее общественно значимых последствий. Чем сложнее криминогенная обстановка, тем больше страдают самые уязвимые — несовершеннолетние. Не обязательно быть детским психологом, педагогом, чтобы видеть, как много забот у сегодняшних родителей и в каком печальном состоянии находятся несовершеннолетние: как они агрессивны, развинчены, безответственны, как откровенно неуважительны к старшим, к своим сверстникам; как, проявляя полное равнодушие к шедеврам искусства и литературы, истории России, жадно потребляют молодежную субкультуру; как они заиклены на достатке, деньгах, атрибутах материального успеха. Но, пожалуй, самое печальное — это чувство обреченности, которое в связи с уродствами подрастающего поколения охватило взрослых. Глядя на сегодняшних несовершеннолетних, запросто можно прочесть особенности нашего времени — времени потребления, неуважения, пустоты.

Перераспределение собственности, имущественное расслоение населения вызвали негативные процессы в обществе. Наиболее остро на такие изменения реагирует молодое поколение. Преступность существенно «помолодела»⁵. Это особенно беспокоит, поскольку преступность несовершеннолетних всегда рассматривалась как питательная среда для организованной и профессиональной преступности⁶. Наибольшую тревогу государства и общества вызывают неблагоприятные трансформации в имущественной преступности несовершеннолетних⁷.

В связи с усилением целого ряда негативных тенденций в экономической, социальной, демографической и других сферах жизни нашего общества проблема преступности несовершеннолетних приобретает в последнее время все большую остроту и актуальность, создавая реальную угрозу молодому поколению в целом, а вместе с этим и угрозу перспективам нормального развития общества⁸.

В Конституции Российской Федерации (ст. 38, п. 2) закреплено, что забота о детях, их воспитание — равное право и обязанность родителей⁹. Условия жизни и воспитания несовершеннолетнего, уровень психического развития и иные особенности его личности — условия, под воздействием которых возникли установки на совершение антиобщественных поступков. Это, в частности, длительное отсутствие занятости подростков и непринятие необходимых мер по ее обеспечению родителями и лицами, в чьи обязанности входит решение вопроса об определении подростка на учебу либо его трудоустройство¹⁰. Как правило, неработающие и не учащиеся подростки чаще совершают правонарушения и преступления. В 2015 г. число лиц, совершивших преступления, — 1 075 333, в том числе несовершеннолетних — 55 963 (+2,4%), каждое двадцатое преступление (4,9%) совершено несовершеннолетними или при их участии¹¹.

Одним из серьезных криминогенных факторов является нравственно разрушающая деятельность современных средств массовой информации. Интернет, СМИ играют отрицательную роль в воспитании детей и молодежи, как правило, это псевдокультура — культ насилия, жестокости, агрессии¹². Ежедневно телевидение, Интернет демонстрируют фильмы, игры, сайты, содержащие десятки сцен самого жестокого, извращенного насилия, жестокости, агрессии¹³.

В настоящее время охарактеризовать точно ситуацию с подростковой преступностью крайне сложно, хотя бы потому, что, прежде всего, нет объективной статистики — преступление учитывается как совершенное несовершеннолетним, когда установлено лицо, которое его совершило, а по нераскрытым преступлениям мы не знаем, кем они совершены¹⁴.

Изучение преступной деятельности несовершеннолетних, совершивших преступления по различным мотивам и различными способами, имеет практическое значение для разработки оперативно-розыскной характеристики этих преступлений¹⁵. Это позволит

выдвинуть обоснование версий и использовать их для проверки.

К вопросам преступности несовершеннолетних необходим общегосударственный подход, который на сегодняшний день отсутствует¹⁶.

Непоправимый вред делу борьбы с преступностью в Российской Федерации был нанесен ни чем не оправданным демонтажем системы профилактики правонарушений, свертыванием многомиллионного движения общественности за укрепление правопорядка в стране¹⁷.

Анализ состояния преступности несовершеннолетних свидетельствует, что основными факторами, влияющими на нее, по-прежнему остаются социально-экономические. В 2013 г. в России впервые за последние десять лет было зарегистрировано увеличение количества преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии, на 4,6%, а числа лиц, их совершивших, — на 2,2%. Рост данных показателей произошел в 49 субъектах Российской Федерации¹⁸.

Ни одна официальная служба в России не располагает подлинными данными о количестве безнадзорных детей и подростков. При живых родителях они часто вовлекаются в такие виды деятельности, как попрошайничество, проституция, наркомания, воровство. И никакая активная борьба с этой проблемой не дает должного эффекта. Все улучшения показателей статистики в подразделениях по делам несовершеннолетних (ПДН) — «кочующие» цифры. Дети, которых инспекторы ПДН забирают с улицы и помещают в специальные учреждения, через некоторое время возвращаются на свое поприще вновь. И это — замкнутый круг.

Возраст несовершеннолетних считается в психологии кризисным. В это время развивается конфликт между тем, как несовершеннолетний представляет свое будущее, и тем, какую социальную роль навязывает ему окружение (учителя, родители, сверстники и т.д.). С одной стороны, несовершеннолетние хотят быть самостоятельными в выборе цели в жизни, а с другой — они вынуждены считаться с мнением педагогов, родителей, сверстников и вообще с объективными обстоятельствами. На самом деле у несовершеннолетних происходит серьезнейший ценностный конфликт. Подростки стоят каждый день перед серьезным нравственным выбором. Пока мы живем в такой ситуации, очень важно подумать о том, как обезопасить подростков, не дать им отдалиться от семьи, не допустить трагедии, когда несовершеннолетним станет глубоко противно то, что дорого нам.

Предотвращение правонарушений и преступлений несовершеннолетних является одним из ответственных участков профилактической, педагогической, воспитательной и организаторской работы нашего государства.

За последние годы в преступности несовершеннолетних стали проявляться некоторые особо тревожные тенденции (употребление наркотиков, вандализм, объединение подростков в группировки с антиобществен-

ной направленностью, экстремистские проявления и т.д.).

Безусловно, большую роль играют личностные особенности несовершеннолетних, но тогда и меры к ним должны приниматься с учетом этих особенностей. Предупреждение и выявление преступлений, совершенных несовершеннолетними, невозможно без глубокого комплексного изучения психологических свойств личности подростка, установления фактических мотивов совершения им преступления. Особенности поведения подростков во многом определяются противоречивостью их возрастного положения: с одной стороны, это уже не дети, а с другой — еще не взрослые. Именно в подростковом возрасте формируется чувство взрослости. Подросток начинает идентифицировать себя со взрослыми, но пока не может наладить с ними полноценного сотрудничества. Это связано с еще не полностью сформированной психофизиологической основой взрослости, а также с тем, что взрослые продолжают смотреть на него, как на ребенка. Отсюда — конфликтность, стремление к самоутверждению, в том числе и ценой подражания асоциальным формам поведения, упрямство, негативизм (неприятие воспитательных мероприятий).

На наш взгляд, в основе проблемы детской преступности лежит по большей части дурное влияние окружающей среды, а не личная предрасположенность подростка к девиантному поведению. Помимо не самой лучшей атмосферы в семье, школе, многие дети подвержены влиянию негативного информационного поля. Все это оказывает большое влияние на неокрепшие умы несовершеннолетних¹⁹.

Преступное поведение несовершеннолетних имеет свою специфику, обусловленную особенностями морально-нравственного, психического и физического развития подростков, их социальной незрелостью. Реалии сегодняшнего дня — это увеличение числа социальных сирот, обездоленных и беспризорных детей на улицах, рост преступности и криминализации несовершеннолетних. Подростковая преступность регистрируется только на основании данных о раскрытых преступлениях. Поэтому снижение количества раскрытых преступлений несовершеннолетних может свидетельствовать не только о сокращении в стране подростковой преступности, но и о недостаточной работе правоохранительных органов по раскрытию преступлений, совершенных этими лицами, и о демографической составляющей. В 2013 г. в России впервые за последние десять лет было зарегистрировано увеличение количества преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии, на 4,6%, а числа лиц, их совершивших, — на 2,2%. Рост количества преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии, произошел в 49 и 46 субъектах РФ соответственно.

Анализ состояния подростковой преступности дает основание прогнозировать дальнейшее усиление негативной тенденции, обусловленной обострением социально-экономических, нравственно-правовых проблем,

ослаблением семейного надзора, системы организации досуга, а также социального контроля за поведением детей²⁰.

Преступность несовершеннолетних отличается крайней жестокостью и цинизмом. Поэтому для достижения наиболее эффективных результатов профилактической работы оперативным сотрудникам необходимо уметь использовать весь комплекс как оперативно-розыскных, процессуальных, так и не процессуальных профилактических мер.

Практика борьбы с преступностью несовершеннолетних показывает, что подростки с антиобщественной направленностью поведения, оказавшись вне контроля и надзора взрослых, стихийно могут сплываться сначала в социально нейтральные неконтролируемые группы общения для свободного проведения досуга, а затем и в криминальные группы для совершения правонарушений и преступлений.

Предупреждение преступлений среди несовершеннолетних — важное направление профилактической деятельности органов внутренних дел, так как правонарушающее поведение подростков не только влияет на общеуголовную преступность в настоящее время, но и во многом определяет преступность будущего, в связи с чем правильному выбору организации этой работы следует уделять особое внимание²¹.

Противоправное поведение несовершеннолетних качественно изменилось, стало носить более дерзкий и изощренный характер. Правоохранительные органы все чаще сталкиваются с фактами вовлечения подростков в организованную преступную деятельность. Имеются случаи создания банд несовершеннолетних, специализирующихся на совершении тяжких преступлений и успешно конкурирующих с преступными группировками взрослых.

Вызывает большую тревогу возросшее число несовершеннолетних, совершивших преступления в состоянии наркотического и алкогольного опьянения. Наркомания, алкоголизация, проституция, экстремистские проявления несовершеннолетних являются важнейшими проблемами современного общества. Необходимо непрерывное социальное сопровождение несовершеннолетних, находящихся в конфликте с законом.

Противоправная деятельность становится для некоторых групп несовершеннолетних своеобразным способом проведения досуга. Существуют и объективные условия, способствующие реализации несовершеннолетним подростком преступных намерений — это безнадзорность и безнаказанность, в результате чего несовершеннолетние, осознавая свою безнаказанность, идут на еще более значимые правонарушения и, наконец, на преступление.

Причиной безнадзорности может быть занятость родителей, их антиобщественное поведение или анти-социальный образ жизни, безразличное отношение к судьбе ребенка и т.д.

Следует понимать, что несовершеннолетние правонарушители — это прежде всего дети, как правило, поддающиеся воспитанию, но попавшие в сложную

жизненную ситуацию либо в определенную криминальную среду.

Причинами этого могут быть внешняя легкость, простота достижения преступного результата, возможность скрыться либо скрыть следы преступления, отсутствие моральных барьеров к совершению противоправных поступков в силу возрастных особенностей несформировавшейся психики, негативное влияние средств массовой информации, порой откровенно пропагандирующих преступный образ жизни с элементами лжеромантики, что вызывает у подростка желание подражать противоправному поведению взрослых с криминальным опытом.

Для достижения положительных результатов по морально-нравственному воспитанию несовершеннолетних необходимо уделить внимание эффективной профилактической работе, умело использовать весь механизм профессиональных профилактических мер.

Наибольшая результативность предупреждения преступлений несовершеннолетних может быть достигнута только на основе комплексного подхода и объединения усилий субъектов профилактики на всех уровнях государственного управления.

Однако в настоящее время наиболее востребованным инструментом пресечения преступной деятельности несовершеннолетних еще остается применение к ним мер государственного принуждения в виде уголовных наказаний (чаще всего лишения свободы в реальной или условной форме).

¹Богданов А.В., Волченков В.В., Воронцов А.В., Ефимкин М.С., Завьялов И.А., Иванцов С.В., Ильинский И.И., Любан В.Г., Михайлов Б.П., Турбина О.В., Хазов Е.Н., Хромов И.Л., Чикова Я.Н., Эриашвили Н.Д. Криминальная среда: понятие, генезис, оперативно-розыскное воздействие: Монография / Под ред. Б.П. Михайлова, Е.Н. Хазова. Сер. Научные издания для юристов. Ч. I. М., 2015.

²Конституция Российской Федерации (ред. от 21.07.2014 г.) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398 // <http://www.pravo.dov.ru>

³Алексеев И.А., Виноградов В.А., Егоров С.А., Зинченко Е.Ю., Зубов И.Н., Кирнос А.В., Кирсанов А.Ю., Миронов А.Л., Олимпиев А.Ю., Осавелюк А.М., Павлов Е.А., Проценко Е.Д., Прудников А.С., Скрипкин Г.Ф., Трофимов М.С., Хазов Е.Н., Чертова Н.А., Чихладзе Л.Т., Эриашвили Н.Д. Конституционное право России: Учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / Под ред. И.Н. Зубова, А.С. Прудникова, Е.Н. Хазова. Сер. Юриспруденция для бакалавров. М., 2013.

⁴Богданов А.В., Комахин Б.Н., Хазов Е.Н. Преступность несовершеннолетних: новые решения и новые проблемы // Вестник Моск. ун-та МВД России. 2013. № 4. С. 34—38.

⁵Богданов А.В., Хазов Е.Н. Основные направления деятельности полиции по профилактике безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних // Вестник Моск. ун-та МВД России. 2015. № 1. С. 140—144.

⁶Богданов А.В., Назаров В.Ю., Хазов Е.Н. Преступность несовершеннолетних и ее влияние на общую криминогенную обстановку в современной России // Вестник Моск. ун-та МВД России. 2013. № 3. С. 47—51.

⁷Богданов А.В., Хазов Е.Н. Карманные кражи: история и реальность // Вестник Моск. ун-та МВД России. 2014. № 3. С. 20—22.

⁸Богданов А.В., Хазов Е.Н. Основные направления деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел по выявлению и предупреждению преступлений, связанных с мошенничеством // Вестник Моск. ун-та МВД России. 2014. № 10. С. 276—279.

⁹Конституция Российской Федерации...

¹⁰Эриашвили Н.Д., Габричидзе Б.Н., Белоновский В.Н., Хазов Е.Н., Чихладзе Л.Т., Кальгина А.А., Прудников А.С., Алиев Я.Л., Маюров Н.П., Кирсанов А.Ю., Газлов Д.В., Галузо В.Н. Органы государственной власти в России. Конституционно-правовой аспект: Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлениям подготовки «Юриспруденция», «Политология», «Государственное и муниципальное управление». 4-е изд., перераб. и доп. М., 2016.

¹¹Стояние преступности в России за январь — декабрь 2015 г. // ФКУ ГИАЦ МВД России // mvd.ru

¹²Богданов А.В., Завьялов И.А., Закурдаев А.Н., Ильинский И.И., Михайлов Б.П., Хазов Е.Н., Чикова Я.Н., Шаламов Р.Г., Яковец Е.Н. Противодействие органов внутренних дел киберпреступности: Учеб.-методич. пособие / Под ред. Б.П. Михайлова. М., 2015.

¹³Богданов А.В., Хазов Е.Н. Основные причины и условия, способствующие росту преступности среди несовершеннолетних в Российской Федерации // Вестник Моск. ун-та МВД России. 2015. № 12. С. 47—51.

¹⁴Абакумов О.Б., Богданов А.В., Воронцов А.В., Завьялов И.А., Ильинский И.И., Михайлов Б.П., Хазов Е.Н. Криминальная среда как объект оперативно-розыскной деятельности (теоретический и прикладной аспекты) М., 2014.

¹⁵Богданов А.В., Волченков В.В., Воронцов А.В., Ефимкин М.С., Завьялов И.А., Иванцов С.В., Ильинский И.И., Любан В.Г., Михайлов Б.П., Турбина О.В., Хазов Е.Н., Хромов И.Л., Чикова Я.Н., Эриашвили Н.Д. Указ. соч.

¹⁶Богданов А.В., Комахин Б.Н., Хазов Е.Н. Преступность несовершеннолетних: новые решения и новые проблемы // Вестник Моск. ун-та МВД России. 2013. № 4. С. 34—38.

¹⁷Богданов А.В., Назаров В.Ю., Хазов Е.Н. Преступность несовершеннолетних и ее влияние на общую криминогенную обстановку в современной России // Вестник Моск. ун-та МВД России. 2013. № 3. С. 47—51.

¹⁸Состояние преступности в России за январь — декабрь 2015 г.

¹⁹Богданов А.В., Комахин Б.Н., Хазов Е.Н. Преступность несовершеннолетних: новые решения и новые проблемы...

²⁰Богданов А.В., Хазов Е.Н. Основные причины и условия, способствующие росту преступности среди несовершеннолетних в Российской Федерации...

²¹Богданов А.В., Хазов Е.Н. Основные направления деятельности полиции по профилактике безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних...

Formation of ecological culture of young people: sociological aspect of the problem

Формирование экологической культуры молодежи: социологический аспект проблемы

Alexander Valerievich Boyko,
candidate of sociological sciences

Александр Валерьевич Бойко,
кандидат социологических наук

Annotation: discusses the ecological culture as a type of human activity that reflects the level of human interaction with the environment, the ability to responsibly accept the consequences of anthropogenic impact on the ecosystem. The author stresses the relationship of ecological culture and consciousness, and also focuses on the need to influence the minds of young people with the purpose of formation of an ecocentric culture.

Keywords: patriotism, education, anthropocentrism, ecocentrism, ecological culture, ecological consciousness.

Аннотация. Рассматривается экологическая культура — как тип жизнедеятельности человека, который отражает уровень взаимодействия человека с окружающей средой, способность ответственно воспринимать последствия антропогенного воздействия на экосистему. Автор подчеркивает связь экологической культуры и сознания, делает акцент на необходимости воздействия на сознание молодежи с целью формирования экоцентрической культуры.

Ключевые слова: патриотизм, воспитание, антропоцентризм, экоцентризм, экологическая культура, экологическое сознание.

Текущий исторический момент характеризуется высокой политизированностью не только общественных, но и межличностных отношений. В ситуации ухудшения внешнеполитической обстановки общество требует, а государство всемерно поддерживает усиление процессов национальной и культурной самоидентификации граждан, выражающейся в том числе и через осознание своей национальной принадлежности. В обществе переосмысливается содержание понятия «патриотизм», которое напрямую связывают с понятием «любовь к Родине». В ситуации фактической глобальной разобщенности патриотизм выступает цементирующим элементом в системе социальных ценностей и установок.

Однако, на наш взгляд, отношение к содержанию понятия «патриотизм» в обществе является излишне политизированным, при этом упускается его очень важная сторона — отношение к природе как к универсальному и самому ценному дару, который дан человеку. Понимание этого возможно только через глубокое осознание себя как ее неотъемлемой части, необходимости гармоничного взаимодействия с природной средой, бережного отношения к природным богатствам и разумного их использования. Это и есть проявление

истинного чувства любви к Родине, патриотического отношения к земле, на которой человек живет. Формирование уважительного отношения к природе охватывается понятием «экологическая культура».

Экологическая культура отражает уровень взаимодействия человека с окружающей средой, способность ответственно воспринимать последствия антропогенного воздействия на экосистему. В последние годы все громче звучат заявления со стороны ученых, общественности о том, что если человечество не пересмотрит свое отношение к природной среде обитания, то его ждет постепенное вымирание, связанное с ухудшением условий жизни [1]. На фоне природно-климатических изменений, которые становятся очевидными даже простым обывателям, проблема взаимоотношений человека с природой является одной из наиболее актуальных исследовательских тематик многих научных дисциплин.

Мысль о том, что человек — составная часть природы, разрабатывалась отечественными философами Н.А. Бердяевым, В.С. Соловьевым, Н.Ф. Федоровым.

Особое значение в науке имеют исследования В.И. Вернадского, создавшего учение о ноосфере и выдвинувшего концепцию «биосферы» как социоприродного организма. Социология также не стоит в стороне и вносит свой посильный вклад в изучение антропологического влияния на экосистему, а также старается предложить свои пути решения проблемы негативного воздействия человека на природное окружение.

Современные социологические воззрения на проблему сознательного и ответственного отношения к природе сформировались на основе концепций, разработанных Ф. Знанецким, Р. Парком, Л. Виртом, Д. Гэл-лапом, Н. Реймерсом.

У истоков отечественной экологической социологии стоят Д.С. Ермаков, С.П. Баньковская, В.Л. Глазачев, Д.В. Ефременко, Е.С. Шомина, О.Н. Яницкий.

Проблемы экологической культуры населения и роли сознания в ее формировании затрагиваются в работах И.Д. Зверевой, В.Б. Калинина, Д.Ж. Марковича, Ю.П. Петрова, И.Т. Суравегиной, В.А. Ясвина и других авторов.

В отечественной социологии в настоящее время превалирует мнение о ярко выраженном утилитарном характере экологической культуры современного россиянина. Культура общего обустройства среды обитания вытесняется культурой потребительской, что

формирует негативные тенденции в общем контексте развития социума. Трансляция социального опыта и утилитарных установок особенно сказывается на подрастающем поколении, которое оказывается беспомощным перед массивным воздействием общества с его культурой тотального потребления.

В связи с этим в обществе возникает запрос на разработку модели экологического воспитания молодежи, в образе жизни и поведении которых новое отношение к окружающей среде стало бы неотъемлемой чертой. Экологическое воспитание — это организованный и целенаправленный процесс формирования системы научных знаний о природе и обществе, взглядов и убеждений, обеспечивающих становление ответственного отношения молодежи к природе, реальным показателем которого являются практические действия по отношению к природной среде, соответствующие нормам человеческой нравственности [1, 2].

Проблемой повышения экологической культуры молодежи в отечественной науке занимаются В.М. Захаров, И.Д. Зверева, В.Б. Калинина, Д.Ж. Маркович, Ю.П. Петрова, Н.А. Рыкова, И.С. Семененко и другие ученые. Некоторые исследователи заявляют о необходимости учитывать проявления глобального экологического кризиса при разработке концепций экологической культуры [3].

Одной из основных задач экологического воспитания является целенаправленное воздействие на сознание человека. Формирование экологического сознания можно определить как процесс познания законов системной целостности природы и законов, определяющих взаимодействие общества и природы, которые должны учитываться на пути общественного прогресса и глобального управления природными компонентами.

Экологическое сознание молодежи имеет ряд особенностей, которые, в свою очередь, обуславливают специфику его функционирования в общей структуре общественного сознания. К таким особенностям следует отнести:

1) комплексный характер, учитывающий особенности объекта отображения; экологически мыслящий человек должен демонстрировать умение не только осознавать взаимосвязь отдельных явлений природы и последствий преобразующей деятельности человека, но и анализировать характер взаимосвязей с другими явлениями, выходящими за рамки социального взаимодействия;

2) способность видеть не только ближайшие последствия изменений, осуществляемых в природе, но и последствия более отдаленного порядка; видеть не только прямые, но и обратные связи процессов и явлений, происходящих в природе и обществе.

Д.С. Дерябко и В.А. Ясвин важнейшей характеристикой экологического сознания называют субъектное восприятие природных объектов [6]. Формирование субъектного отношения к природе у взрослых сопряжено с определенными трудностями, а в условиях временных ограничений это сделать становится практически невозможно. Поэтому стратегическую работу

в рассматриваемой сфере необходимо начинать с молодого поколения, сознание которого не отягощено в такой мере, как у взрослых, антропоцентрическими и технократическими установками.

Налицо имеется противоречие между потребностью в формировании экологического сознания у молодого поколения, способного реализовывать экоцентрический подход во взаимоотношениях с другими членами социума и природными объектами, и отсутствием достаточно результативного подхода к организации такого образования и воспитания. Данное положение вещей находит свое подтверждение и в результатах социологических исследований, одно из которых было проведено автором в г. Симферополь в мае 2016 г.

Исследование было направлено на изучение отношения учащихся высших учебных заведений г. Симферополь к проблемам защиты окружающей среды, в ходе которого выяснялся также уровень понимания содержания основных понятий, характеризующих экологическую культуру человека. Основным методом исследования был выбран анкетный опрос с использованием случайной выборки, составившей 293 человека возрастной категорией от 17 до 22 лет. Вопросы анкеты касались содержания понятия «экологическая культура», оценки текущей экологической ситуации в городе и регионе, приоритетности экоцентрических установок и мотивов и их места в системе ценностных ориентаций личности, связи экоцентрического подхода с понятиями «патриотизм» и «любовь к Родине», готовности к участию в мероприятиях по улучшению экологической ситуации в городе.

Анализ полученных данных позволил говорить о том, что для большинства молодых людей (67,5% респондентов) понятие экологической культуры носит в основном эклектический характер, связанный с общим пониманием термина «культура», а также представлениями о конкретных экологических проблемах, о которых респонденты осведомлены непосредственно, либо которые активно обсуждаются в средствах массовой информации. Достаточно прогнозируемыми были результаты ответов на вопрос об отношении к природе в целом: 98,0% респондентов крайне позитивно оценивают свое отношение к окружающей среде и необходимости ее защиты. В меньшей степени молодые люди стремятся целенаправленно получать дополнительную информацию экологического и природоохранного характера — 72,3% молодых людей положительно ответили на вопрос о наличии интереса в получении дополнительной информации об экологических проблемах региона и проблемах глобального характера.

Однако для более чем половины респондентов дело сохранения окружающей среды имеет чисто созерцательный характер. Это также выражалось и в отсутствии интереса к эколого-ориентированной информации. Лишь 37,0% респондентов участвовали в природоохранных мероприятиях, основная часть которых организовывалась и проводилась в рамках плановой деятельности образовательных учреждений. В то же время более половины респондентов либо не принима-

ли участия, либо затруднялись ответить о собственном участии в экологических акциях, программах, мероприятиях. Более двух третей участников опроса дали конкретный ответ о своем желании участвовать в сохранении природы: высаживать деревья, убирать мусор и т.п.

В целом результаты опроса выявили пассивно-выжидательную позицию в отношении сохранения окружающей среды, а для значительной части молодежи готовность к активным действиям по защите природы сформировалась не далее, чем на этапе осознания необходимости ценить природу. Большинству не хватает активности, целеустремленности, конкретности в деле защиты природных условий обитания.

И если недостатки экологического воспитания молодежи можно оценивать как проявление кризиса социализации, то вполне справедливы рекомендации по его преодолению путем непосредственного участия молодежи в общественной жизни, в природоохранной деятельности, в конкретных мероприятиях по восстановлению экосистемы.

Библиографический список

1. *Захарова Е.Ю.* Экологическая культура соционатурэкосистемы: Автореф. дис. ... д-ра философ. наук. Чита, 2012. 39 с.
2. *Магар О.И.* Экологическая культура в современном российском обществе: Автореф. дис. ... д-ра соц. наук. М., 2012. 33 с.
3. *Раенко Е.Ф.* Ключевые проблемы формирования экологической культуры населения России // *Культура и образование*. 2015. Апр. № 4 // URL: <http://vestnik-rzi.ru/2015/04/3369> (Дата обращения — 15.10.2016)
4. *Ханай Н.А.* Экологическая культура молодежи современной России: социологический анализ: Дис. ... канд. соц. наук. Майкоп, 2009. 158 с.
5. *Шпанёва И.В.* Экологическая культура подрастающего поколения в современном обществе // *Молодой ученый*. 2014. № 2. С. 390—393.
6. *Ясвин В.А.* Психология отношения к природе. М.: Смысл, 2000. 456 с.

The education of youth on examples of event personality and history: social and philosophical aspectually

Воспитания молодежи на примерах события личности и истории: социально-философский аспект

Nataliy Viktorovna Galanina,
associate professor of the department
of philosophy Moscow University of the
MIA of Russia named after V.Ya. Kikot,
candidate of philosophy
E-mail: Natgal2411@rambler.ru

Наталья Викторовна Галанина,
доцент кафедры философии
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат философских наук
E-mail: Natgal2411@rambler.ru

Annotation. Examines the problem of youth education in the spirit of the consciousness of his identity with the historical era and cultural environment.

Keywords: youth, socialization, the process of education, the event, personality, humanism.

Аннотация. Анализируется проблема воспитания молодежи в духе сознания своей идентичности с исторической эпохой и культурной средой.

Ключевые слова: молодежь, социализация, процесс воспитания, событие, личность, гуманизм.

Процесс социализации протекает на протяжении всей человеческой жизни, но на ранних этапах формирования личности он имеет особое значение. В периоды детства, юности и молодости закладывается основной фундамент потенциала личности, который влияет на все ее дальнейшее существование. Социализация является длительным процессом усвоения индивидом всей совокупности имеющихся в обществе социальных ценностей, норм и стереотипов поведения.

Особенность молодежи проявляется в том, что она принимает участие во всех сферах жизнедеятельности современного общества, значительно острее, чем другие группы, чувствует и воспринимает перемены в социально-экономической, политической и духовной жизни, при этом значительно больше других расположена к политическим и социальным новациям в обществе¹. Молодежь XXI в. в большинстве своем готова к принятию конструктивной информации, направленной и ориентированной на социальную адаптацию и интеграцию.

К сожалению, сегодня в условиях господства либеральной идеи эгоцентризма молодежь подвержена общественной деморализации. Слова А.И. Солженицына верно характеризуют изменения в русском менталитете в новом Российском государстве: «...Рублево-долларовый удар 90-х годов по-новому потряс наш характер: кто сохранял еще прежние добрые черты — оказались самыми неподготовленными к новому виду жизни, беспомощными, негодными неудачниками, не способ-

ными заработать на прокормление. «Нажива» стала новой идеологией. Разгромная, разрушительная переделка густо дохлая распадаем в народный характер»².

В связи с этим нельзя недооценивать важную роль в процессе обучения и воспитания молодежи гуманитарных дисциплин, количество которых сокращается из года в год. Становление и развитие личности, ее ценностные установки, мировоззренческие принципы активно формируются именно на базе высшей школы. В сложный современный период, особенно в России, необходимо объяснять молодежи пути развития общества, истории и человека. Известный российский философ, политолог и общественный деятель А. Дугин утверждал, что для того чтобы понимать свою идентичность с народом, недостаточно знать историю страны, важно понимать логику исторического процесса, последовательность этапов, перспективы развития и направление движения³.

В рамках современной социальной философии укоренилось мнение, что формационная модель развития общества в современную эпоху работает недостаточно эффективно с точки зрения понимания целостности мирового пространства. История же все более раскрывается в событийности различных социальных образований. Их встреча и взаимозависимость (событий) в текущем настоящем и в надвигающемся будущем оказываются важнее их классификации в прошлом и ранжированию по степени важности. Сейчас в международном пространстве меняются не только масштабы и порядки выстраивания стран и народов в исторический ряд, но и сама логика неких общих правил, представлений и понятий отходит на второй план. Необходимы новые стандарты для описания события исторической реальности.

С точки зрения представителей философии жизни и постмодерна, в гуманитарных науках необходимо рассматривать процессы диалогического, полифонического, мультикультурного характера. Многовариантность такой трактовки исторической реальности предполагает и некий особый тип рациональности, ориентированной на связывание различий, на согласование их в особой логике взаимодействий субъекта и системы. Этим намечается и особая методология выработки средств перехода от одних стандартов к другим для объединения в некую мультипарадигмальную систему. Выработка конкретных схем социальных взаимодействий не упраздняет стандарты, а проясняет значение их форм, существующих в границах и возможностях деятельности определенных субъектов. В результате такой критической переоценки наращивается многообразие определений социального бытия, оказываются возможными сочетания разных представлений историчности, рациональности, нормативности.

Задача каждого педагога, в первую очередь гуманитария, — объяснить единство объективных и субъективных компонентов исторического бытия, продемонстрировать слияние индивида и истории, их единство и взаимосвязь. Данная задача весьма сложна для педагога, если он не сможет коснуться восприятия аксио-

логического материала через духовный потенциал обучающихся.

В рамках преподаваемой дисциплины гуманитарного блока преподаватель вступает в коммуникации с обучающимися на предмет их мировоззренческих установок. Используются различные средства — образы для установления обратной связи между этическим посылом учителя и душой молодого человека.

Одним из лучших средств воспитания является пример личности, связанной с мировым историческим бытием. Эта персона широка и многогранна как сама жизнь, она поднимается не только над своим временем, но и над пространственными, национальными границами, она понятна всем жившим ранее и живущим сейчас. Социальный субъект, который отражает целостное мировое существование через себя как истину, эталон для понимания мироздания как самого себя. Если попытаться ранжировать типологию предлагаемых примеров, то перечень разновидностей будет условным и открытым. Основания для типологий могут быть различными: по жанрам сообщения; по социальной ориентации обучаемых; по содержанию отобранной информации; по уровням проблем и актуальности и по ряду других. Преподаватель, как правило, выбирает те персоналии, которые прошли проверку временем, закрепились в социально-историческом опыте в форме узнаваемой и устойчивой традиции.

Затрагивая духовную составляющую молодежи, необходимо привести примеры жизни и деяний тех, кого можно назвать учителями человечества. Это — Конфуций, Будда, Моисей, Иисус Христос, Мухаммед. Они были основоположниками нравственных основ культур и религий, дали начало и имя целым цивилизациям. Они отличаются от моралистов-философов (Сократа, Канта и др.) масштабом, глубиной воздействия на человеческую жизнь, но и способом мысли, которая становилась делом, была непосредственно задействована в реальный процесс обновления нравственных устоев жизни общества и человека.

Ответом на то, как прожить жизнь, были сами деяния учителей человечества. Ими был предложен ряд разных ответов. В основе каждого из них была единая суть — это жизнь, прожитая в соответствии с проповедуемым учением.

Заповеди Моисея были выстраданы им и поняты в течение долгих и тяжелых странствий по пустыне, когда он защищал и наставлял свой народ, творил справедливость. Десять заповедей Моисея содержат самые общие религиозные, нравственные, и юридические принципы поведения. Благодаря им Моисей приобрел значение, выходящее далеко за пределы еврейско-иудейской культуры.

Мудрейший учитель и политический деятель Конфуций всей своей жизнью подтверждал свое же учение о благородном муже. Будда отказался от богатства и праздности ради познания истины и поиска счастья для человечества. Учение Будды нацелено на прекращение человеческих раздоров через внутреннее совершенствование личности; это учение, которое сам Буд-

да подтвердил всей своей жизнью. Для Мухаммеда вера — это не только настрой души, это определенный образ жизни. Обосновав высокое религиозное предназначение своего народа, Мухаммед упорно спланировал арабов в духе исламского образа жизни, обнаружив выдающиеся дипломатические способности и полководческий талант. Он предпочитал добиваться целей мирно, путем компромиссов, но там, где считал необходимым, брался за оружие.

Включение Иисуса Христа в ряд великих деятелей-моралистов неоспоримо, хотя и может вызвать внутренний протест у верующих. Вся жизнь Иисуса от зачатия до смерти протекала по человеческим законам. Иисус дал новую заповедь о любви к Господу Богу в сердце и о любви к ближнему как к самому себе. Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих. Он столько же был Богом, сколько был человеком. Можно рассматривать его жизнь и учение, не выходя за рамки человечески достоверных и логически допустимых суждений.

Затрагивая философский мировоззренческий уровень, тот который непосредственно представлен в высшей школе, преподаватель неминуемо касается личности великих мыслителей, чей внутренний мир вошел органично в их учения. Через яркость рассказа о личности, ее жизненном пути, человечности во всех смыслах молодые люди лучше могут понять смысл и значение идей философов и ученых. Чаще всего в пример приводится жизнь философов-моралистов: Сократа, который сводил добродетель к знанию и мудрости, жил, не стяжая материальных благ, и умер достойно в кругу своих учеников; Эпикура с его пониманием счастья как добродетели и самодостаточности индивида, когда человек должен жить умеренно, незаметно, свернуть свое бытие до безмятежного покоя, так прожил и сам Эпикур, добродетельный образ жизни которого документирован многими достоверными свидетельствами; Канта, разработавшего учение о долге как законе и посвятившему себя профессиональному призванию ученого и философа в Кёнигсберге, отвергшего выгодные в материальном плане предложения и т.д.

Интересными и поучительными для молодежи являются судьбы мыслителей XX в.: Л. Толстого, Л. Гумилёва, Ф. Ницше, А. Швейцера, Э. Фромма и др. Обращая внимание на специфику правоохранительной специализации учащихся, полезным был бы рассказ о людях воинского сословия, о самурайской этике, о рыцарских кодексах, об офицерской чести.

Достойные люди и великие деятели-гуманисты, будучи известными молодежи, так или иначе фигурируют в сознании в качестве определенных культурных символов. А многие из них и сегодня дают

миллионам последователей сознание своей идентичности в качестве христиан, буддистов, мусульман и т.д. Их влияние, однако, не ограничивается кругом непосредственных сторонников, оно приобретает более широкий, всеобщий характер. Сегодня не нужно быть христианином, китайцем, мусульманином или философствующим интеллектуалом для того, чтобы признать духовное величие Иисуса Христа, Конфуция, Мухаммеда или Сократа.

Изучение взглядов и жизнедеятельности названных и других персоналий позволит молодым людям разобраться с экзистенциальными проблемами в их жизни, социализацией и усвоением моральных норм и принципов. В любом случае молодые люди смогут выделить то общее, что присуще различным религиозно-культурным и философским позициям, а именно, приоритет добра, выраженного в золотом правиле нравственности и категорическом императиве И. Канта, возведение их до абсолютного приоритета, практически задающего порядок человеческой жизни.

Д.С. Лихачев, выдающийся ученый, публицист и общественный деятель XX столетия, рассуждая о будущем, сказал: «Я мыслю себе XXI век как век гуманитарной культуры, культуры доброй и воспитывающей, закладывающей свободу выбора профессии и применения творческих сил. Образование, подчиненное задачам воспитания, разнообразие средних и высших школ, возрождение чувства собственного достоинства, не позволяющего талантам уходить в преступность, возрождение репутации человека как чего-то высшего, которой должно дорожить каждому, возрождение совестливости и понятия чести — вот в общих чертах то, что нам нужно в XXI в. Не только русским, конечно, но особенно русским, потому что именно это мы в значительной мере потеряли в нашем злополучном XX веке»⁴.

Приведенное высказывание в полной мере отражает главные воспитательные задачи в современной системе российского образования. Внимание современного педагога должно переключиться с определений социальности как преобразования человеком внешнего мира на ее трактовку как самоизменения человека.

¹ Орлова В.В. Социализация молодежи: потенциал регионального социума // Социум и власть. 2011. № 1. С. 23—27.

² Солженицин А.И. Русский вопрос к концу XX века // Ориентир. 1996. № 12. С. 31.

³ Дугин А.Г. Угрозы для России и поиск идентичности // URL: km.ru. С. 3.

⁴ Лихачев Д.С. Диалоги. М., 1988.

Methodological problems of integrated education of young people as a specific socio-demographic community

Методологические проблемы интегративного изучения молодежи как особой социально-демографической общности

Nikolay Nikolaevich Gusev,
Ph.D, docent, docent of the department of sociology and political science of Moscow University of the MIA of Russia named after V.Ya. Kikot
E-mail: office@unity-dana.ru

Николай Николаевич Гусев,
кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социологии и политологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: office@unity-dana.ru

Annotation. The article with the methodological position of sociology integrative reveals the basic features of youth as a social community. Substantiates the view that youth is not a social group by virtue seldom shows a tendency of young people to the group solidarity based on common or similar age indicators.

Keywords: methodology, youth, social and demographic community, community forming signs, social stratification, integrative learning.

Аннотация. В статье с методологических позиций интегративной социологии раскрываются основные признаки молодежи как социальной общности. Обосновывается точка зрения, что молодежь не является социальной группой в силу редко проявляемой склонности молодых людей к групповой солидарности на основе общих или сходных возрастных показателей.

Ключевые слова: методология, молодежь, социально-демографическая общность, общность образующие признаки, социальное расслоение, интегративное изучение.

Возрастающая интенсивность социальных процессов в современном обществе, распространение кризисных явлений на все подсистемы социума, с особой остротой поставившие вопросы преемственности поколений и социальных новаций, обусловили общественную потребность в исследовании молодежи.

В изучении молодежи накоплен значительный опыт, который нашел отражение в многочисленных научных публикациях. Вместе с тем нельзя не обратить внимание на присущее многим исследованиям отсутствие методологической четкости. Она проявляется, в частности, в определении возрастных границ молодежи, особенностей молодого возраста по степени физической зрелости индивидов, в выделении внутрипоколенческих возрастных страт в значительной мере по субъективным критериям, а также в некой размытости содержания понятия «социальная группа», применяемого к молодежи в целом. Объяснение этому можно традиционно отнести к сложности объекта исследования, а также увлеченности исследователя и его приверженности определенным методологии и методике.

Действительно, причиной методологической нечеткости является изначальная неопределенность границ объекта исследования, порождаемая акцентированием на возрастном аспекте. Очевидно, что для людей шестидесятилетнего возраста сорокалетние являются молодыми. Поэтому верхняя граница молодого поколения иногда распространяется до 35-40 лет. Можно предположить, что при использовании поколенческого подхода к молодежи следует ожидать, что представители старшего поколения будут младшее поколение считать молодым. Вместе с тем остается нерешенной проблема возрастных границ самого поколения (10, 15, 20 лет). Подобная неопределенность приводит в методологический тупик, выход из которого, как и из любого тупика, предполагает возврат к исходным позициям.

Преодоление абсолютизации возрастного (демографического) подхода к пониманию молодежи посредством рассмотрения ее в качестве социального явления во многом снимает проблему.

Стремление исследователей молодежи использовать научный инструментарий, дающий возможность оперативного использования и получения нетривиальных результатов, как представляется, лежит в основе мотивации применять по отношению к молодежи понятие «социальная группа»¹. При этом оказывается, что на всю совокупность молодых людей распространяются в том числе такие групповые показатели, как совместная деятельность, общность целей, единая система норм, ценностей, образцов поведения, что не соответствует эмпирическим данным. Скорее всего, эти характерные черты свойственны некоторым объединениям молодежи внутри социальной общности.

Как представляется, распространение их на всю молодежь недопустимо. Кроме того, в отношении молодежи «не срабатывает» и такой важный групповой признак, как наличие внутригрупповой солидарности на основе социального чувства единства, выражающегося в его осознании «мы — молодежь!». В связи с этим целесообразно рассматривать молодежь в качестве социальной общности, которая объединяет молодых людей на основе более или менее одинаковых условий и образа жизни, общих черт массового сознания. Естественно, «чисто» социальный анализ молодежи без

учета возрастных характеристик и сопутствующих им особенностей социального поведения молодых людей будет иметь ограниченный характер. Поэтому адекватным реальности будет употребление по отношению к молодежи в целом понятия «социально-демографическая общность» с указанием на массовый характер данного социального явления.

Не вступая в дискуссию о возможности существования единой науки о молодежи (ювенологии, ювентологии), можно предположить, что наиболее последовательный исследователь молодежи, позиционирующий свою принадлежность к социально-гуманитарным наукам, будет так или иначе использовать некий комплекс познавательных методов и методик, состав которого определяется предметом исследования и ориентирован на получение более полного представления как об общих проблемах молодежи, так и особенных и частных проблемах различных молодежных образований. Такой комплекс познавательных методов и методик, условно называемый «интегративным», предназначен для получения наиболее полной картины жизни молодого поколения, раскрытия закономерных связей и отношений в молодежной среде, а также взаимодействия молодежи с окружающим социальным миром. Он включает методы различных наук: философии, социологии, философской и социальной антропологии, культурологии, психологии, этнологии и других наук об обществе и человеке ².

В самом общем виде решение проблемы соотношения социального и демографического подходов предложено С. Фрисом (S. Frith), рассматривавшему молодежь как некое социальное образование, которому присущ переход от детства к взрослости и от безответственности к ответственности. При этом взрослость может трактоваться и в социальном ключе, понимаемая как социальная зрелость, нарастающая в процессе социализации молодых индивидов и завершающаяся приобретением ими самостоятельности и качеств социально зрелого члена социума.

Наличие в обществе явлений экономической, социальной, культурной деприваций в первую очередь сказывается на молодежи как объективно в силу возраста наиболее социально незащищенном слое, изначально находящемся в физической, материальной, культурной и психологической зависимости от родителей, воспитателей и учителей, сверстников и старших.

Выделение этой сущностной особенности молодежи как социально-демографической общности позволяет характеризовать ее с точки зрения, по крайней мере, трех подходов социального анализа.

Во-первых, ресурсного, выявляющего у молодежи отсутствие собственных материальных ресурсов, собственных социальных гарантий.

Во-вторых, институционально-функционального подхода, указывающего на обладание молодежью социальными качествами не в полной мере — недостижение социальной зрелости, недосоциализированность, не всегда адекватное восприятие общественных ролей,

стандартизированных образцов поведения и связанные со всем этим протестные настроения и поведение.

В-третьих, стратификационного подхода, позволяющего определить место молодежи в системе социальной стратификации общества, а также выявить ее неоднородность. С позиций этого подхода можно рассматривать данные и выводы ресурсного и институционально-функционального подходов. В частности, использовать их для раскрытия черт маргинальности, присущих как молодежи в целом, так и отдельным ее слоям и проявляемых во многих областях жизнедеятельности: уже не дети, но еще не взрослые, уже половозрелые, но не способные обеспечивать семью, уже имеющие образование, но не обладающие практическим опытом, и т.п.

На базе обозначенных выше подходов к изучению молодого поколения как специфической социально-демографической общности выделяются ее общность образующие признаки, проявляемые во всех сферах ее жизнедеятельности.

Среди них в качестве наиболее существенных можно назвать следующие.

Экономические признаки. Прежде всего, это остро выраженная экономическая зависимость. Она связана с отстраненностью от отношений собственности и права принимать в отношении нее самостоятельные решения или со значительными ограничениями в этой области.

Социальные признаки. Они во многом определяются отношениями зависимости, которые в социальных науках принято рассматривать в единстве с отношениями господства. Для молодых людей, только вступающих на путь самостоятельной жизни, это означает господство чуждых экономических сил, которые они застали в данный период своей жизни, на которые не могут повлиять и которым требуется подчиняться. Эти силы персонифицируются в социальных субъектах — родители, начальство, социальная группа.

Социальные признаки определяются также включенностью молодых людей в качестве социального слоя в разнообразные социальные группы — классовые, этнические, профессиональные. В них молодежь проходит групповую социализацию, воспринимает характерные для группы черты, признаки, нормы, ценности, поведенческие стереотипы и воспроизводит их. Тем самым принимаются социальный статус группы и ее роли.

В соответствии с разнообразными основаниями выделяются основные виды стратификации молодежи: по признаку биологического пола (тендеру) — юноши и девушки (мужчины и женщины); по социальной половой принадлежности (гендерному признаку); по общим социальным стратификационным основаниям (богатство, власть, престиж, образование); по занятости; по профессиональной принадлежности; по социальному происхождению и т.д.

Каждый из видов стратификации обуславливает особенности социализации молодых людей, позволяет выделять значимые для работы с молодежью групповые черты.

Политические признаки молодежи связаны с самоопределением по отношению к государству и политике в целом. При отсутствии или недостаточности собственного опыта политическая социализация осуществляется в первичных формах. Происходит некритичное копирование чужого, действующего авторитетно отношения к политическим институтам и политической деятельности, а также манеры политического поведения. Здесь встречаются зачастую противоположные проявления — от полной пассивности и неприятия политики до идейно-политической ангажированности и авантюризма.

Духовно-нравственные признаки. Эти признаки в значительной степени также обусловлены незавершенностью процесса социализации, усвоения системы культурно-эстетических и нравственных ценностей. В силу небольшого жизненного стажа молодых людей они не могли овладеть ими в полной мере. Многие из этих ценностей существуют для них в виде знаний, принимаются в различной, в зависимости от индивидуальности, степени. При этом сами знания имеют по большей части фрагментарный характер, им еще предстоит сложиться в целостную систему, составляющую интеллектуально-нравственную основу личности.

На их основе формируется так называемая «культура внутреннего плана» — базовые личностные представления о прекрасном и уродливом, добре и зле, а также основанные на них отношения к окружающему миру, старшим и младшим, сильным и слабым, представителям различного пола, социально зависимым и господствующим. Ее вершину закономерно венчает личная ответственность индивида, характеризующая его социальную зрелость.

У значительной части молодежи выявляется мозаично-эклетикий псевдоменталитет, т.е. отсутствие какой-либо более или менее четкой картины мира, системы ценностей, норм и установок, явные противоречия в сознании. Эти противоречия во многом порождаются и воспроизводятся на основе собственного негативного опыта отражения в сознании молодых людей объективных противоречий современного общества. Кроме того, существенную роль здесь играет явный разрыв между нормами и установками, осваиваемыми в детстве и реальной практикой начинающейся взрослой жизни в условиях аморальных отношений отечественного нецивилизованного рынка, роста преступности, коррупции во властных структурах, отсутствия культуры досуга, пропаганды насилия в средствах массовой информации, вопиющего социального неравенства.

Социально-психологические признаки молодежи обусловлены ее предписанными и приобретаемыми статусами, а также соответствующими им ролями. Эти признаки являются носителями противоречий, присущих транзитивным социальным образованиям. Среди них можно выделить следующие:

- некритичное восприятие стереотипов мышления и поведения;
- критическое, вплоть до нигилизма, отношение к опыту предшествующих поколений;

- ♦ конфликтность, проявляемая на базе разрушения социальной реальностью идеалов, привитых в детстве;

- ♦ трудности социальной адаптации при включении в новые социальные группы, особенно в социально-профессиональные;

- ♦ конформизм, детерминированный недостатком жизненного опыта и соответствующим стремлением «быть как все»;

- ♦ склонность к девиантному поведению в связи с недоосвоением социальных норм и протестными настроениями в отношении неблагоприятной социальной среды и т.д.

На фоне действия этих признаков развивается когнитивный диссонанс, превращающий молодежь в возможный фактор социальной дестабилизации.

Психологические характеристики молодежной среды. Они выступают своего рода результирующими для всех приведенных выше, дающими на уровне индивида типичные черты всей молодежной социальной общности. Среди них выделяются следующие основные психологические характеристики:

- ♦ субъективная ориентация на успешную жизненную карьеру;

- ♦ осознание недостатка ресурсов для правильно-практического выстраивания жизненной стратегии;

- ♦ наличие личностных установок на будущее и мотивации успешной деятельности;

- ♦ неустойчивость мотивации на успех при столкновении с трудностями;

- ♦ завышенная самооценка и связанные с ней претензии к окружающим;

- ♦ трудности в волевых проявлениях — самоорганизации, самоограничении, самоконтроле и т.п.;

- ♦ повышенная внушаемость, ориентация на яркие образцы, склонность к подражательству;

- ♦ проявления инфантильности — излишняя доверчивость, наивность, боязнь ответственности;

- ♦ рецидивы детской психологии (в сферах мотиваций и реакций);

- ♦ «клиповое» сознание (в отличие от детского «мультяшно-диснеевского» сознания и в развитие его, когда внутренний мир оказывается как бы соткан из разнородных представлений, не четко определенных, изменчивых ориентиров) и др.

Деятельностные признаки. К ним относятся незначительный опыт самостоятельной индивидуальной деятельности и работы в коллективе, «команде» или полное отсутствие такового, а также связанных с этим недостатков, проявляющихся во всех элементах деятельностного комплекса: в постановке цели, оценке обстановки, принятии решения, знаниях, умениях, навыках, мотивациях, установках, выборе средств и методов деятельности и т.д.

Следует отметить, что названные признаки молодежи, как и вся ее жизнь, имеют возрастной физиологический аспект. Он проявляется в наличии у данной возрастной группы высокого гормонального фона, что сказывается на ее социальном поведении.

Приведенный выше комплекс отличительных черт молодежи как социальной общности, конечно, содержит характеристики достаточно общего плана. Речь здесь идет, скорее всего, об определенных типических чертах. Поэтому в молодежной среде всегда будут встречаться исключения как на индивидуальном, так и на групповом уровнях. Кроме того, предложенная «модель» весьма упрощенно характеризует молодежь, и большинство признаков представлено в некоем негативном ключе, в виде набора недостатков, которые могут быть присущи молодым людям на длительном пути взросления и формирования личности. Она лишь предполагает выявление тенденций нарастания позитивных социально и личностно значимых качеств по мере биологического взросления и в процессе социализации.

В связи с этим необходимо выделять социально-возрастную стратификацию молодежи. Ее основанием является распределение признаков «зрелости» по возрастам. Так, некоторые исследователи выделяют следующие особые слои в молодежной общности: ранние подростки (9/11 — 13 лет), поздние подростки (14 — 17 лет), собственно молодежь (18 — 22 лет), молодые взрослые (23/25 — 28 лет). Такая зрелостно-возрастная стратификация молодежи не является единственно возможной. Тем более, что в соответствии с ней, как оказывается, в вооруженные силы призываются отнюдь не взрослые люди. Вместе с тем подобная группировка позволяет исследователям молодежи в каждом отдельном случае выделять специфические черты того или иного возрастного слоя.

Как представляется, интересные результаты дает стратификационный анализ молодежной среды по комплексу оснований стратификации, фиксирующий на данный момент статусно-ролевые особенности отдельных слоев молодого поколения в связи с возможностями их жизненной карьеры. Он позволяет вычленивать такие слои в современной российской молодежи, как «золотая молодежь», «элита», «знающие себе цену специалисты», «середняки при деле», «лузеры».

«Золотая молодежь» - это слой молодежи с высоким социальным статусом, полученным, как правило, от родителей, для которого фактически все главные проблемы повседневного бытия решены и которые могут позволить себе жить по принципам: «все решено», «все включено» и «все дозволено».

«Элита» - молодежный слой, включающий наиболее успешных людей, имеющих высокие результаты в разнообразных сферах деятельности. Сюда относятся как отличники учебы, так и преуспевающие в практическом освоении профессий. Конечно, известную часть этого слоя составляют и молодые люди, обладающие высоким предписанным статусом, полученным ими от родителей.

«Знающие себе цену специалисты» — это люди, обладающие необходимыми качествами для выстраивания успешной карьеры, пробивающие себе дорогу в

жизни преимущественно самостоятельно и не имеющие, как правило, достаточных условий и возможностей воспользоваться престижными лифтами социальной восходящей мобильности.

«Середняки при деле» — наиболее мощный слой молодежи, представленный людьми с условно достаточной подготовкой для исполнительских видов деятельности.

«Лузеры» — часть молодежи, лишенная условий и возможностей воспользоваться лифтами социальной восходящей мобильности. Это молодые люди социально и духовно дезориентированные. Зачастую это нигилисты, включенные в протестные группы без реальных перспектив выхода из них и дальнейшей успешной социализации.

Эти, а также иные социальные слои и группы, которые можно выделить в системе молодежной стратификации позволяют исследовать их методами прикладной социологии, изучать их существенные черты, жизненные ориентации и предпочтения, принимаемые и отвергаемые карьерные стратегии, нормы, ценности, образцы поведения. Это позволяет в каждом конкретном случае на предметной основе создавать социологический портрет каждой молодежной общности.

Следует отметить важную особенность молодежи как социальной общности в целом, так и общностей, сложившихся внутри нее, заключающуюся в том, что молодые люди редко склонны к групповой солидарности на основе общих или сходных возрастных показателей. Эта солидарность как основа социального взаимодействия проявляется не внутри «единства по возрасту», а в рамках данной социальной общности, в том числе в группе, включающей людей иных возрастов. Следовательно, молодежь сознательно или подсознательно стремится к получению важных социальных статусов в более сложной и дифференцированной социальной среде, чем молодежная.

Таким образом, в интересах социального управления молодежь должна исследоваться, прежде всего, как стратифицированная социальная общность, что позволяет выделять в ней специфические объекты и осуществлять с учетом их особенностей адресную государственную молодежную политику.

¹См., напр.: Добрынин В., Емчура Т. Молодежь как социально-демографическая группа в транзитивном обществе. М.: ИЧРАН, 2004; Ланцова Л.А. Молодежь как социально-демографическая группа (на примере России) // В обществе мысли. СПб., 2008. Вып. 2. С. 141—155; Сергеев Р.В. Молодежь и студенчество как социальные группы и объект социологического анализа // Вестник Адыгейского гос. ун-та: сетевое электрон. науч. изд. 2010. № 1 // URL: http://www.vestnik.adygnet.ru/files/2010.2/948/sergeev2010_2.pdf (01.03.2013)

²Увенология в XXI веке: комплексное междисциплинарное знание о молодом поколении / Под ред. Е.Г. Слущкого и В.В. Журавлева. СПб.: ООО ИД «Петрополис», 2007.

Socio-political conditioning of extremism in the youth environment of modern russian society

Социально-политическая обусловленность проявлений экстремизма в молодежной среде современного российского общества

Irina Vladimirovna Likhanova,
candidate of political sciences

Ирина Владимировна Лиханова,
кандидат политических наук

Annotation. The article is devoted to consideration of the socio-political nature of extremism in the youth environment of modern Russian society, the specifics of the manifestations of youth extremism at the present stage, determination of its internal structure and main trends in the development of youth extremism.

Keywords: extremism in the youth environment (youth extremism), the socio-political factor, deviation, deviant behavior, destructive in nature, illegitimate violence, «Internet extremism».

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению социально-политической природы экстремизма в молодежной среде современного российского общества, особенностям проявления молодежного экстремизма на современном этапе, определению его внутренней структуры, а также основных тенденций развития молодежного экстремизма.

Ключевые слова: экстремизм в молодежной среде (молодежный экстремизм), социально-политический фактор, девиация, девиантное поведение, деструктивный характер, нелегитимное насилие, «интернет-экстремизм».

Актуальность исследования экстремизма в молодежной среде современного российского общества в контексте детерминирующих его социально-политических факторов обусловлена значимостью той угрозы, которую экстремизм представляет национальным интересам и безопасности России. Так, согласно ст. 43 обновленной Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года деятельность террористических и экстремистских организаций, а также деятельность радикальных общественных объединений и группировок, использующих националистическую и религиозно-экстремистскую идеологию, рассматривается как угрожающий фактор государственной и общественной безопасности [1].

Экстремизм в молодежной среде как тип девиации представляет собой сложный и многоплановый социально-политический феномен, имеющий тенденцию к саморазвитию. В настоящее время уже не вызывает сомнения социально-политическая природа молодежного экстремизма, не сводящаяся только к психолого-физиологическим особенностям данного возрастного периода. Среди социально-политических факторов, выступающих в качестве одних из главных источников молодежного экстремизма в России, можно

назвать следующие: кризис социально-политической и экономической системы; социокультурный дефицит и криминализация массовой культуры; распространение социальных проявлений «ухода из жизни»; отсутствие доступных альтернативных форм проведения досуга; кризис школьного и семейного воспитания, нарастающие проблемы пассионарности молодежи и т.д.

Основной круг проблем, с которыми приходится иметь дело молодежи в России, лежит в сфере конфликтных отношений, прежде всего в семье и в отношениях со сверстниками. Участниками экстремистских молодежных объединений сегодня являются молодые люди, которые не смогли или не захотели интегрироваться в нестабильный социум страны, переживавшей кризисы инновационных социально-политических трансформаций. Повышению политической протестной активности молодежи способствовало также то обстоятельство, что определенная часть ее привыкла к экстремальным обстоятельствам повседневной, обыденной жизни и проявляла склонность к политической активности экстремистского свойства, втягиваясь в этнонациональные, религиозные, социокультурные и иные общественно-политические конфликты в регионах ее проживания.

В связи с этим интересным, на наш взгляд, является исследование причин и особенностей экстремизма в молодежной среде, проведенное О.В. Поповым и О.О. Поповой [2, с. 110—111], использующих в своей работе называемую теорию поколений, разработанную американскими социологами Нейли Хоув и Уильямом Штраусом.

В соответствии с данной теорией важнейшими факторами, определяющими мышление, действия поколений, являются не возраст, а среда, в которой человек рос до 10—12 лет, и нормы воспитания в семье, воспринимаемые ребенком как абсолютно адекватные. В этом момент у человека формируются базовые ценности, которые неосознанно проявляются в течение всей его последующей жизни и влияют на его поведение.

В рамках заявленной проблематики авторы рассматривают три поколения: X (1963—1983 г.р.), Y (1983 г.р. и младше) и Z, где Z — так называемое переходное, или эхо-поколение (это люди, родившиеся на стыке — плюс-минус три года от границы поколений).

Представители поколения X воспитывались в годы «холодной» войны и смены коммунизма на перестрой-

ку, потом на — демократию (для них характерны гибкость, индивидуальность).

Представители поколения Y заботятся о здоровье, для них важна возможность выбора, их детские годы ознаменованы распадом СССР, терактами в прямом эфире.

Понимая условность предложенных характеристик, стоит все же отметить право на существование такого системного взгляда на поколение. Руководствуясь этой теорией, можно объяснить появление экстремизма в молодежной среде исходя из особенностей исторического периода, в процессе которого происходило становление и развитие этих групп населения. Важным здесь является тот факт, что последние десятилетия для России — это время исторического слома, концентрации нескольких «эпох», время перманентной конфронтации. Молодежь в такие исторические реалии привыкла к состоянию борьбы, воспринимает его как нормальное, и это напрямую отразилось на их формировании как индивидуумов, членов общества, граждан. Преобладание в СМИ негативной информации, сцен насилия, вербальной и визуальной агрессии в репортажах, фильмах, программах и передачах, засилье пошлой культуры и низкого вкуса — через все это, к сожалению, прошли поколения X, Y, Z. В этом видятся авторам теории истоки современного экстремизма в молодежной среде.

Похожая точка зрения наблюдается и у доктора философских наук, профессора, вице-президента криминологической ассоциации И. Сундиева, обозначенная им в одном из выступлений.

И. Сундиев отмечает, что «благодаря технической оперативности электронных средств массовой коммуникации и смещения приоритетов информационной политики (от гуманизма к прагматизму) экстремальные события (войны, катастрофы, стихийные бедствия) становятся постоянным компонентом социальной действительности каждого человека. В результате происходит визуальное привыкание к насилию, катастрофам и их последствиям, сопереживание блокируется, но внутренняя напряженность растет. Требуется релаксация и она предоставляется теми же СМИ в виде «мыльных опер», телеконкурсов, спортивных соревнований, ток-шоу, реалити-шоу... В обществе подсознательно формируется устойчивая установка: все, что не связано с развлечениями, связано с катастрофами, т.е. с негативными переживаниями»[3].

Ученый рассматривает это в качестве главного условия успешной манипуляции социально-политическими пристрастиями граждан, которая связана с неизбежной деформацией общественного сознания, доминированием в нем тревожности и инфантилизма, утратой культурных традиций. Все это приводит к примитивизации нормативно-ценностных и моральных ориентиров молодежи до схемы «свой—чужой». Таким образом, напрашивается вывод, что молодежный экстремизм в России выступает как следствие легитимации насилия в культуре в целом, разрыва преемственности ценностных и нравственных установок

различных поколений, снижения показателей гражданской ответственности и патриотизма, криминализации сознания в условиях социально-экономического кризиса и политической неопределенности.

Проблема экстремизма в молодежной среде и протестных движений молодежи в XXI в. занимает заметное место в социально-политической практике многих стран, затрагивает интересы всех граждан. Сегодня экстремизм в молодежной среде можно определить как негативное социально-политическое явление, выражающееся в нелегитимном использовании насилия или угроз его применения молодежными объединениями для достижения выдвигаемых ими целей. Применение нелегитимного насилия как сущностная черта экстремизма в молодежной среде обуславливает деструктивный характер данного явления, его повышенную социальную опасность, несовместимость с морально-нравственными основами современного демократического общества. При этом следует обратить внимание на использование неадекватных способов, к которым прибегают молодежные объединения экстремистской направленности для разрешения социально-политических противоречий, возникающих в области классовых, межэтнических, религиозных и иных социальных отношений, а также на агрессивность их действий. Агрессивность выражается в бескомпромиссности деятельности субъектов молодежного экстремизма, порождается нетерпимостью, а нередко и фанатизмом последних. Она обуславливает пренебрежение к интересам и правам противоположной стороны, полное отсутствие или крайне малый диапазон готовности идти на поиск путей разрешения противоречий на основе компромиссов и соглашений.

В развитии современного молодежного экстремизма в России прослеживается ряд общих для этого деструктивного социально-политического явления тенденций, к которым можно отнести такие, как: формирование устойчивых социальных групп, поддерживающих идеологию экстремизма; формирование в обществе убеждения о допустимости использования насилия для разрешения любых конфликтов; рост числа «национальных» религиозных групп; повышение уровня организованности экстремистских групп, создание своеобразной системы преемственности и «подготовки» кадров; слияние экстремистских объединений с транснациональной, общеуголовной и экономической организованной преступностью; институционализация, легализация экстремистских организаций, их лидеров, проникновение таких организаций и их лидеров в политическую элиту; глобализация экстремизма; использование традиционных религиозных институтов для распространения радикальных идей; использование конституционных прав и свобод (например, права на свободу слова) для пропаганды идей экстремизма; применение для распространения своей идеологии и координации действий новейших информационных и коммуникационных технологий. Остановимся чуть подробнее на последней из указанных тенденций.

В статье 12 Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года отмечается, что «информационно-телекоммуникационные сети, включая сеть Интернет, стали основным средством коммуникации для экстремистских и террористических организаций, которое используется ими для привлечения в свои ряды новых членов, организации и координации совершения преступлений экстремистской направленности, распространения экстремистской идеологии» [4]. На сегодняшний день так называемый «интернет-экстремизм» является как важным фактором культивирования скрытого экстремизма, так и средством организации и мобилизации прямых экстремистских действий, а также функционирования экстремистских виртуальных организаций (пример — антиглобалисты).

Интернет-пространство позволяет получить беспрецедентную степень свободы в выборе объектов экстремистских действий и культивирования объектов ненависти. Основная сложность в противодействии указанной разновидности экстремизма со стороны правоохранительных органов заключается в том, что информационное пространство сети Интернет является наднациональным (международным). Многие ресурсы сети (сайты, блоги, новостные ленты), хотя и ориентированы на российскую целевую аудиторию, физически и юридически размещены вне пределов Российской Федерации (хостинг за границей, доменное имя зарегистрировано на иностранца не через российскую систему регистрации доменных имен и т.п.); современные технологии беспроводного доступа в сеть (например, Wi-Fi), имеющиеся в свободной продаже сетевые платы с динамическим IP-адресом и т.п. фактически исключают обнаружение лица, разместившего в сети экстремистский материал; сложность, а порой и невозможность, идентификации лица как автора или издателя экстремистского материала, а не просто как владельца средства вычислительной техники, посредством которого в сети размещен материал, и т.д.

В такой непростой ситуации акцент правоохранительным органам, с нашей точки зрения, стоит делать не только на борьбу с размещением в сети экстремистских материалов, но и на минимизацию возможности доступа к ним целевой аудитории. В Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года среди основных источников угроз экстремизма в современной России отмечается также деятельность лидеров экстремистских организаций, ориентирующихся преимущественно на молодежь, при этом повышенное внимание они проявляют к неформальным объединениям националистов, организациям футбольных болельщиков, отличающихся высокой степенью организованности [4, ст. 21].

В данном контексте стоит также отметить привлекательность для некоторых молодых россиян такой современной субкультуры, как «стрейтэдж» (straightedge, от англ. — четкая грань; впервые появляется эта субкультура в 90-е годы прошлого столетия в США и Канаде), имеющей в своей структуре ультра-

правое направление национал-социалистов — «нстрейтэдж», основной задачей которого выступает борьба за сохранение «славяно-арийской расы»; целями направления являются: насильственный захват власти и полное переустройство общества и государства, а главные принципы, на которых должно базироваться российское общество, это — национализм, автономность и социализм.

В качестве методов решения основной задачи и достижения своих целей представители радикального крыла данной субкультуры используют призывы к совершению резонансных политических убийств, взрывов, рассчитанных на максимальное количество жертв; создание паники в обществе, формирование у людей чувства смертельной опасности.

Еще одним из способов увеличения численности своих сторонников лидерами и активистами радикальных политизированных структур выступает вербовочная работа среди студентов как славянских, так и неславянских национальностей, проводимая ими в высших учебных заведениях, особенно в столичном регионе. Результатом такой работы является в том числе и то, что в настоящее время отмечается рост количества российских граждан, воюющих на Ближнем Востоке в составе террористических группировок.

Экстремизм в молодежной среде как деструктивное социально-политическое явление характеризуется достаточно сложной структурой. Его основными составляющими, при относительно высоком уровне развития данного явления, выступают идеологический, деятельностный и организационный аспекты.

Идеологический аспект молодежного экстремизма выражается в тех или иных теориях, концепциях экстремистской направленности, предназначенных для идейно-политического объединения экстремистски настроенных лиц, обоснования выдвигаемых ими целей борьбы и необходимости использования для их достижения противоправных форм и методов деятельности, а также приобретения единомышленников и завоевания поддержки со стороны общества.

Организационный аспект молодежного экстремизма служит для организационно-политического объединения сил определенной экстремистской ориентации, предполагает выработку стратегических и тактических основ их деятельности, управление ими, финансовое и материально-техническое обеспечение такого рода деятельности.

И, наконец, деятельностный аспект молодежного экстремизма выражается в непосредственном экстремистском воздействии на противников путем совершения широкого комплекса экстремистских акций.

Все перечисленные структурные элементы молодежного экстремизма при их взаимодействии призваны обеспечить реализацию целей и задач его субъектов.

В заключение следует отметить, что разрушительный потенциал молодежного экстремизма сегодня успешно используется в политических целях мировыми державами, и прежде всего США, направляющими его на подрыв основ государственности Украины, Рос-

сии, стран Европейского Союза, Ближнего Востока. Технология разрушения основ государственного строя опирается, в первую очередь, на молодежный экстремизм, который становится эффективным инструментом для проведения в этих странах «цветных революций», создания ситуации «управляемого хаоса».

Сегодня, в условиях невозможности полного предотвращения распространения экстремизма силовыми средствами, необходимо использовать, помимо силовых, меры информационно-пропагандистского, политического и социально-экономического характера. Реализации такого подхода к противодействию экстремизму вообще и молодежному экстремизму, в частности, будет способствовать проведение последовательного курса Российского государства на ликвидацию социально-политической базы возникновения экстремистских настроений, связанной с серьезной социальной дифференциацией современного общества,

приводящей к маргинализации значительной части населения.

Библиографический список

1. Указ Президента РФ № 683 от 31.12.2015 г. «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации // URL: www.scrf.gov.ru (Дата обращения— 06.10.2016)
2. Попов О.В., Попова О.О. Причины и особенности экстремизма в молодежной среде. Меры противодействия молодежному экстремизму // Научные ведомости. БелГУ. 2008. № 4 (44).
3. Сундиев И. Экстрим и экстремизм современной России // URL: <http://www.dynacon.ru/content/articles/375/> (Дата обращения— 07.10.2016)
4. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утв. Президентом РФ 28.11.2014 г., Пр-2753) // URL: <http://rg.ru>>nac-bezopasnost-site-doc (Дата обращения— 07.10.2016)

Youth radicalism in modern russian society

Молодежный радикализм в современном российском обществе

Dmitry Georgievich Loschakov,
Ph.D, docent, docent of the department of sociology and political science of Moscow University of the MIA of Russia named after V.Ya. Kikot

Дмитрий Георгиевич Лощаков,
кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социологии и политологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: office@unity-dana.ru

Annotation. The article examines the conditions and forms of radicalization process of mass consciousness and behavior of modern Russian youth in the main areas of its activity, taking into account the social consequences of the reforms of the 1990s. and the general trend of reducing the share of the younger generation in the population.

Keywords: youth, radicalism, radicalization of mass consciousness, the reforms of the 1990s in Russia, youth as a social base radicalism and extremism, delinquent youth subcultures.

Аннотация. В статье рассматриваются условия и формы проявления процесса радикализации массового сознания и поведения современной российской молодежи в основных сферах ее жизнедеятельности с учетом социальных последствий реформ 1990-х годов и общей тенденции сокращения доли молодого поколения в составе населения.

Ключевые слова: молодежь, радикализм, радикализация массового сознания, реформы 1990-х годов в России, молодежь как социальная база радикализма и экстремизма, делинквентные молодежные субкультуры.

Общей тенденцией Новейшей истории является рост радикальных настроений среди различных слоев населения. Эта тенденция затрагивает не

только полумаргинальные регионы третьего мира, но и вполне благополучные страны индустриального Запада. Главную движущую силу радикальных движений и стихийных выступлений радикалов составляет молодежь, которая в силу своего транзитивного характера наиболее остро ощущает на себе кризисные явления современного общества.

В 1960 — 1970-е годы прошлого века, когда западный мир переживал волну молодежных выступлений и осознавал необходимость проведения грамотной молодежной политики как условия поддержания своей национальной безопасности, советская страна продолжала гордиться самой образованной и патриотичной молодежью в мире и преимуществами своего социалистического строя. Видимо, с тех советских времен у нас и сохранилась привычка воспринимать любые формы молодежного протеста как нечто чуждое и нетипичное для нашей культуры. В нашем обществе до сих пор многие отождествляют молодежный радикализм с теми карикатурного вида молодыми националистами, которых мы иногда видим на митингах и шествиях несистемной оппозиции и которые, по весьма распространенному мнению, «не пользуются никаким влиянием в обществе и существуют лишь благодаря финансовой поддержке из-за океана».

Но так ли все обстоит в действительности? Не тешим ли мы себя мнимым благополучием?

К анализу проблемы молодежного радикализма в России можно подойти с двух основных позиций. Если рассматривать молодежный радикализм в институциональном плане, как организованную и целенаправленную деятельность политизированных групп молодежи, то такого рода радикализм пока не имеет значительных масштабов и не представляет угрозу национальной безопасности страны. Если же взглянуть на молодежный радикализм как на форму массового сознания и поведения, то ситуация начинает выглядеть совсем по-другому: на протяжении последних 10 — 15 лет наблюдается нуклонный рост протестных настроений и противоправных действий со стороны российской молодежи.

Российская молодежь испытала на себе все перипетии реформ 1990-х годов. В этот период она оказалась одной из наименее защищенных социальных групп общества и выживала, как могла. Разочарование в идеалах и поиски себя в условиях неблагоприятного социального окружения неизбежно сопровождались ростом девиантного, противоправного и протестного поведения самой различной направленности.

Борьба между группами политической элиты и сопутствующая им многократная смена парадигм исторического сознания¹ ввергла молодежь в состояние глубокой социальной аномии и вызвала у ее значительной части агрессивное неприятие любых идущих извне идей и концепций. Тем самым был перекрыт один из важных каналов социализации молодого человека, и результаты этого процесса стали полностью зависимы от его непосредственного социального окружения.

Самостоятельные «поиски себя» в условиях радикальной перестройки всех общественных отношений не могли привести ни к чему хорошему, и не удивительно, что поколения молодежи, сформировавшиеся за прошедшие три десятилетия, оказались плохо адаптированными к условиям российского социума.

Социологи насчитывают три таких поколения, которые, будучи предоставлены сами себе, прошли за годы реформ путь от разочарования в идеалах, пустоты и потерянности ... к радикализму и экстремизму.

Первые два поколения времен перестройки и начала 2000-х годов в большинстве своем не смогли найти себя в новой российской жизни и выбраться из состояния социально-политической инфантильности и неустроенности. Третье, последнее поколение, процесс становления которого происходит у нас на глазах, демонстрирует ясный рост как лево-, так и праворадикальных настроений антисоциальной направленности², которые не ограничиваются радикальными взглядами и убеждениями, а находят свое продолжение в реальных экстремистских действиях, в том числе организованных.

В современной России именно молодежь образует социальную базу радикализма и экстремизма. По экспертным оценкам, молодые люди в возрасте до 30 лет составляют в среднем 80% членов экстремистских организаций³.

Как объяснить подобную ситуацию? Казалось бы, современное российское общество разительно отличается от себя самого «образца 1990-х», да и данные официальной статистики говорят о наличии устойчивой тенденции снижения молодежной преступности на протяжении последних 12 — 13 лет.

Однако посмотрим на эту статистику более внимательно. Действительно, на протяжении всего первого десятилетия 2000-х годов абсолютное число молодежных правонарушений в России снижалось. Исключение составил лишь 2006 г., когда был зафиксирован небольшой подъем молодежной преступности. На момент переписи 2010 г. доля молодежной преступности сократилась примерно до 50% от уровня 2000 г. и сегодня должна быть еще ниже.

Вместе с тем необходимо учитывать, что снижение общего числа преступлений, совершаемых молодежью, происходило на фоне сокращения численности самой молодежи: на протяжении 2000-х годов доля молодежи в составе населения постоянно снижалась и в абсолютном, и относительном выражении. За последние десять лет эта доля сократилась примерно на 34%: с 39,4 млн человек (27,3% населения) в 2003 — 2004 гг. до 29,4 млн человек (20,5% населения) в 2014 г.⁴

Таким образом, если брать в расчет не общее количество совершаемых молодыми людьми правонарушений, а удельный вес этих деяний, приходящийся на одного представителя молодого поколения, то общая картина уже не будет выглядеть столь радужно.

Картина молодежной преступности станет еще ближе к реальности, если перестать оперировать общими цифрами и понятиями. «Молодежь вообще» — это чисто статистическая категория, которая в силу своей абстрактности обладает ограниченной познавательной ценностью и во многих случаях маскирует происходящие процессы.

Реальная молодежь неоднородна в социально-демографическом, социально-классовом и во многих других отношениях. Применительно к рассматриваемой проблеме важно помнить, что молодежь состоит из двух больших социально-возрастных групп: 14 — 17 лет и 18 — 29 лет, которые находятся на разных стадиях социализации и проявляют себя по-разному в одних и тех же условиях.

Динамика преступлений несовершеннолетних (14 — 17 лет) действительно имеет устойчивую тенденцию к снижению на протяжении последних 10 — 15 лет. Однако в группе 18 — 29 лет наблюдается прямо противоположный процесс — при сокращении общего числа противоправных деяний молодежи удельный вес этих деяний, приходящийся на одного представителя молодого поколения возрастной группы 18 — 29 лет, только возрастает.

Так выглядит картина молодежной преступности с более близкой, социологической дистанции, которая подтверждается не только результатами социологических исследований, но и данными уголовной статистики. Стоит ли говорить, что эта картина не внушает особого оптимизма.

Сегодня мы живем в другом обществе, но многие тенденции, заложенные в 1990-е годы, продолжают действовать и в России «образца 2000-х». Да и само российское общество не стоит на месте, в его жизни появляются новые факторы и обстоятельства, которые способны не только поддерживать, но и усиливать степень и темпы радикализации молодежи.

Речь идет о сокращении доли молодежи в составе населения, об изменении ее положения на рынке труда, о процессах классовой дифференциации в российском обществе, о взаимоотношении коренного населения с мигрантами из ближнего зарубежья и т.п. Все названные и подобные им факторы выглядят достаточно нейтрально в политическом отношении, однако в своей совокупности способны вести к обострению социальной напряженности в среде молодежи, способствуя росту в ее рядах радикализма и экстремизма.

Современная Россия живет в условиях ежегодного сокращения доли молодого поколения в составе населения и, согласно прогнозу, оно будет продолжаться как минимум ближайшие десять лет. Названный процесс сопровождается общим снижением потенциальной величины человеческого капитала и молодого поколения, и нации в целом в связи с уменьшением доли молодежи в детородном и трудоспособном возрасте.

Эти последствия на первый взгляд никак не могут стимулировать рост радикализма в молодежной среде, скорее, наоборот, — стоит ожидать снижения его уровня в связи с общим сокращением численности российской молодежи. Однако в региональном разрезе все выглядит несколько иначе: сокращение молодежи происходит крайне неравномерно.

И сегодня, и в ближайшие десять лет лидерами по удельному весу молодежи остаются республики Северного Кавказа, где главными проблемами молодого поколения являются получение качественного профессионального образования и трудоустройство. Нерешенность этих проблем является источником социальной напряженности в регионе уже сейчас, и в будущем она будет только возрастать. Переизбыток трудоспособной молодежи в Северо-Кавказском регионе будет неизбежно стимулировать ее миграцию в другие регионы, способствуя созданию в них очагов межэтнической напряженности.

Уменьшение удельного веса молодежи в составе населения имеет еще одно негативное последствие: ухудшается соотношение численности молодежи и пенсионеров, в результате чего возрастает нагрузка на работающую часть молодежи, которая вынуждена обеспечивать возрастающую долю пенсионеров.

Это обстоятельство негативно влияет на положение российской молодежи на рынке труда, которое и так не отличается стабильностью. Возрастные группы 20 — 24-х и 25 — 29-летних удерживают лидерство в составе безработных на протяжении всех 2000-х годов⁵ а с момента последней переписи населения, при абсолютном сокращении общего числа безработных, доля молодежи в их составе даже возросла с 42,5% в 2010 г. до 43,1% в 2012 г.⁶

Планируемое увеличение возраста выхода на пенсию до 65 лет должно привести к еще большему сокращению числа рабочих мест, доступных для молодежи, поскольку их будут продолжать занимать представители старшего поколения. Эти проблемы коснутся, прежде всего, слаборазвитых регионов, в числе которых Северный Кавказ и ряд районов Сибири, и станут дополнительным стимулом для миграции местной молодежи в регионы с нехваткой рабочей силы.

Таким образом, простое сопоставление тенденции сокращения доли молодежи в составе российского населения и ее положения на рынке труда позволяет назвать несколько факторов радикализации ее сознания и поведения в ближайшем будущем. Это, прежде всего, рост социальной напряженности и криминализация молодежной среды в регионах с переизбытком трудоспособной молодежи; это неизбежное усиление противостояния местной и приезжей молодежи в регионах с дефицитом рабочих мест, и, наконец, это общий рост националистических и ксенофобских настроений в регионах с недостатком рабочей силы.

Процессы классовой дифференциации российского общества, сопровождавшие преобразования в ее экономической и политической сфере, также несут в себе скрытый «потенциал» усиления радикальных настроений в молодежной среде.

Несмотря на либеральные рыночные реформы и общий рост уровня жизни основной массы населения, который наблюдался последние 10 — 15 лет, в российском обществе продолжается процесс глубокого социального расслоения — разрыв в доходах 10% самых богатых и 10% самых бедных слоев населения продолжает увеличиваться. Поляризация доходов сопровождается дезинтеграцией общества и проявляется в росте аномии, озлобленности, массового девиантного и противоправного поведения, особенно среди молодежи.

Попытки российского среднего класса выйти за рамки 25 — 27% неизменно оканчивались неудачей. В обществе действуют мощные факторы, сдерживающие его рост: коррупция и возрастающая поляризация доходов. По сравнению с развитыми западными странами, где средний класс составляет более половины населения, мы имеем как бы «перевернутую» социальную структуру общества, большинство в которой (примерно 70%) представлено различными слоями бедных и малообеспеченных слоев населения. То обстоятельство, что не менее 70% молодежи современного российского общества не принадлежит к обеспеченным слоям населения, во многом объясняет общий уровень ее криминальной и протестной активности.

Согласно концепции делинквентных молодежных субкультур, разработанной еще в начале прошлого века в трудах Альберта Коэна, Ричарда А. Кловарда, Ллойда Е. Олина и ряда других социологов, истоки молодежной делинквентности кроются в классовой дифференциации общества — в неравных стартовых жизненных условиях для молодежи из высшего, среднего и низше-

го классов. Суть названной концепции сводится к следующему.

Делинквентная и криминальная субкультура характерна главным образом для молодежи из низших слоев общества, которые сориентированы на жизненные стандарты среднего класса, но лишены практических средств их реализации — возможности получить соответствующее образование, работу, статус и т.п. Дети из малообеспеченных слоев общества не имеют возможности добиться богатства и жизненного успеха законными путями. Делинквентная субкультура становится для них способом компенсации недоступных жизненных стандартов среднего класса и одновременно формой отрицания этих стандартов. В местах, заселенных преимущественно представителями низших слоев общества, складывается особая делинквентная и криминальная среда со своими передающимися от поколения к поколению традициями.

Концепция делинквентной молодежной субкультуры хорошо «работает» применительно к обществу со сложившейся социально-классовой и территориально-классовой стратификацией, т.е. к обществу западного типа. Она вряд ли была применима к России 1990-х годов, когда процесс формирования ее новой классовой структуры только начинался, но по мере завершения этого процесса познавательная ценность данной концепции начала стремительно возрастать. Дело в том, что, по оценкам ряда авторитетных социологов⁷, так называемый андеркласс — самая «нижняя» составляющая малообеспеченных слоев российского общества — не только практически завершил свое формирование, но и уже начал процесс своего самовоспроизводства.

До 80% представителей российского андеркласса сосредоточено в средних и малых городах, а также в селах. Показательно, что, согласно последним криминологическим данным и социологическим опросам⁸, самый высокий уровень преступности в России приходится как раз на населенные пункты с числом жителей 50 — 250 тыс. человек, а готовность принять участие в акциях протеста в малых городах с численностью населения менее 50 тыс. человек в два — три раза больше, чем в Москве и городах-миллионниках. Не здесь ли причина продолжающегося роста молодежного экстремизма и радикализма?

Фактором, постоянно подпитывающим радикальные и экстремистские настроения в молодежной среде, является высокий, сравнительно с другими социальными слоями российского общества, уровень ее маргинализации. Российское общество до сих пор не оправилось от социальных последствий массовой маргинализации населения периода реформ 1990-х годов, и молодежь в силу своего транзитивного характера оказалась наиболее подверженной этим процессам. Сегодня доля молодежи в составе основных маргинальных групп (безработных, внутренних мигрантов, иммигрантов-гастарбайтеров, беженцев, переселенцев, освободившихся из мест лишения свободы и т.п.) значительно превышает ее долю в составе населения⁹.

Политический экстремизм и радикализм формируются преимущественно в маргинальной среде, а наиболее массовым видом радикализма в современном обществе является национал-радикализм, вырастающий на почве массового распространения этнической и религиозной ксенофобии. Именно здесь «сходятся» все объективные ограничения и недоработки молодежной политики в сфере занятости, образования, регулирования миграционных потоков и выравнивания уровня доходов различных слоев населения.

По степени распространения этнической и религиозной ксенофобии молодежь опережает все прочие слои российского общества. Здесь свою роль, конечно, играет и присущий молодому поколению возрастной максимализм и недостаток жизненного опыта, но главное состоит в том, что определенная часть российской молодежи, особенно в районах межэтнической напряженности, чувствует себя в обществе «неуютно».

В рамках тех возможностей, которые предоставляет им социальное окружение, молодые люди начинают видеть причину своих проблем в «приезжих» — представителях иных этносов, культур и религий, число которых с каждым годом растет. В современном российском обществе этническое самосознание доминирует над общегражданским, общероссийским самосознанием, вследствие чего этническое противостояние «мы — они» продолжает сохраняться, усугубляя и без того напряженные отношения между иноэтничными мигрантами и принимающим обществом.

Таковы основные факторы радикализации молодежи в современном российском обществе. Некоторые из них, подобно сложившемуся социальному расслоению, носят системный характер и не могут быть устранены в обозримом будущем. Другие, связанные с положением молодежи на рынке труда и межэтнической напряженностью, в определенной мере могут быть минимизированы, прежде всего, за счет своевременной и грамотной молодежной политики. Состояние последней, однако, оставляет желать лучшего.

По данным на 2012 г., в среднем по России расходы на молодежную политику в расчете на одного молодого человека в возрасте 14 — 30 лет составляли 1825 руб. Однако по регионам эта цифра различалась более чем в 28 раз: от 491 руб. в год в Липецкой области до 14 122 руб. в год в Ямало-Ненецком автономном округе¹⁰.

Сравнительный анализ регионов показывает, что конкретные размеры финансирования зависят не столько от уровня социально-экономического развития региона, сколько от степени осознания местными властями важности решения молодежных проблем для развития данного субъекта РФ и российского общества в целом. Существующий региональный разброс финансирования государственной молодежной политики ясно говорит о том, что характер этого осознания не соответствует реальной значимости молодежных проблем.¹¹

Такова ситуация на сегодняшний день, и если не будут предприняты эффективные меры в сфере занятости молодого поколения и его социального обеспечения, в области миграционной и национальной поли-

тики — процесс радикализации российской молодежи будет продолжаться, и вряд ли стоит ожидать в ближайшем будущем снижения ее протестной и криминальной активности.

¹Рывкина Р.В. Социальные корни криминализации российского общества // Соц. исследования. 1997. №4. С. 74—76.

²Староверова И.В. Факторы девиации сознания и поведения российской молодежи // Соц. исследования. 2009. № 11. С. 115—116.

³Методические рекомендации по профилактике и противодействию экстремизму в молодежной среде (разработаны Минспорттуризмом России совместно с МВД России и ФСБ России) URL: <http://vmo.rgub.ru/policy/act.php>

⁴URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#

⁵URL:http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_13/IssWWW.exe/Stg/d01/05-17.htm

⁶Молодежь России 2000 — 2025: развитие человеческого капитала. Ч. 1. С. 97-98//URL: <http://vmo.rgub.ru/policy/act.php>

⁷Тихонова Н.Е. Низший класс в социальной структуре российского общества // Соц. исследования. 2011. № 5.

⁸Комплексный анализ и тенденции развития преступности на территории Российской Федерации: Аналитический обзор / А.Л. Ситковский, М.М. Бабаев, М.Ю. Воронин, Н.И. Сазонова, О.В. Яковлев, В.А. Щербаков, С.В. Маликов (Библиотека криминологии). М.: ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2014. С. 22, 44.

⁹Так, молодежь в 2014 г., занимая в общей численности населения долю в 20,5%, составляла 43% безработных и 43,4% гастарбайтеров.

¹⁰Молодежь России 2000 — 2025... С. 91—92.

¹¹В 2014 — 2015 гг. расходы федерального бюджета на молодежную политику были снижены примерно до уровня 2010 г., и прямые расходы в этой области легли в основном на плечи регионов.

Values and motivation of cadets of higher educational institutions of the Ministry of internal affairs of Russia *To a question of development of the program of social research*

Ценности и мотивация курсантов высших учебных заведений
МВД России

К вопросу о построении программы социологического исследования

Igor Vladimirovitch Lyagushkin,
candidate of philosophical sciences,
associate professor of sociology and politology
department of the Moscow University of the MIA
of Russia named after V.J. Kikot
E-mail: ingmarl@mail.ru

Игорь Владимирович Лягушкин,
кандидат философских наук,
доцент кафедры социологии и политологии
Московского университета МВД России имени
В.Я. Кикотя
E-mail: ingmarl@mail.ru

Annotation. The paper substantiates the necessity of construction of sociological research, the subject of which are the values and motivation of cadets of educational institutions of the MIA of Russia. Outlines a working hypothesis, describe the methods and main guidelines of the research

Keywords: values, motivation, cadet of the institution, the program of sociological research.

Аннотация. Работа посвящена обоснованию необходимости построения социологического исследования, предметом которого являются ценности и мотивация курсантов учебных заведений МВД России. Излагается рабочая гипотеза, описываются методы и основные ориентиры исследования.

Ключевые слова: ценности, мотивация, курсант учебного заведения, программа социологического исследования

Актуальность вопроса о доверии граждан России к российской полиции отмечается отечественными средствами массовой информации, законодателями, общественными деятелями и пред-

ставителями исполнительной власти на протяжении как минимум последних пятнадцати лет. К сожалению, невысокий уровень доверия к отечественной полиции пытаются объяснить ставшими уже привычными утверждениями о низком качестве кадров и недостаточном контроле за деятельностью органов внутренних дел.

При этом за пределами сферы интересов журналистов и ученых остается ряд серьезных вопросов. Кто и зачем приходит на службу в органы внутренних дел? Как выглядят карьерные траектории сотрудников органов внутренних дел? Как служба в органах внутренних дел влияет на личностные профили сотрудников? Как должен выглядеть идеальный сотрудник органов внутренних дел? Фактически современным российским обществом не сформулирован социальный заказ на кадровую модель сотрудника органов внутренних дел.

Важным феноменом российского общественного мнения является удивительное на первый взгляд совпадение процента граждан, не доверяющих полиции, и процента граждан, допускающих нарушение

закона во имя достойных, по мнению этих граждан, целей. Еще одним феноменом российского общественного мнения является принятие идеи о необходимости усиления институционального контроля за деятельностью сотрудников полиции. И общество у нас не готово жить по закону, и уровень правосознания низкий, и контроля требуется все больше.

В настоящей работе мы предлагаем отойти от мифологизированных представлений и перейти от констатации социальной проблемы к выявлению научной проблемы.

Сущность данной научной проблемы заключается в том, что общество в настоящее время не может с достаточной степенью достоверности утверждать, насколько плохими или хорошими, адекватными или неадекватными, компетентными или некомпетентными являются сотрудники полиции.

Кроме того, социолог, оставаясь на научных позициях, обязан признать ряд сущностных ограничений.

Первое из них — социальные институты сильнее личностей. Влияние социальных институтов может нивелировать влияние личностных качеств сотрудника.

Второе — социальный институт охраны правопорядка предоставляет ограниченный набор средств адаптации и социализации, специфические адаптационные и социализационные практики. Проблему исследования можно сформулировать следующим образом: какой тип личности будет наиболее успешным в службе в полиции и какие институциональные механизмы можно задействовать для коррекции личностных факторов в процессе службы?

При формулировании предмета исследования необходимо учесть взаимодействие общества с его институтами и личностных побуждений к действию. Наилучшим образом для решения данной задачи подходит исследование ценностей и мотивации личности сотрудника полиции. Ценность служит более устойчивым ориентиром для деятельности, в большей степени связана с институтами и отражает влияние общества. Мотивация в большей степени отражает личностные факторы, определяющие поведение индивида. Еще У. Томас и Ф. Знанецкий указывали, что носителем ценности является общество, а носителем установки — личность.¹

Ценности и мотивация в процессе взаимодействия обуславливают возникновение латентных социальных структур, которые обеспечивают саморегуляцию социальных групп. Если часть членов группы стремится к адаптации в соответствии с изменением социальной среды, то сторонники иных ценностей позволяют уравновесить данную тенденцию и удержать цель группы и ее целостность. При этом в рамках реальных социальных групп возможно существование носителей разных систем ценностей и различных моделей мотивации.

Сформулировав основную проблему и предмет исследования, следует приступить к построению рабочей гипотезы.

Исходным положением будет утверждение о неоднородности сотрудников полиции как социально-профессиональной группы и возможности выделения в их среде устойчивых функциональных групп. Так, необходимыми для успешного функционирования института охраны правопорядка будут являться группы, ориентированные на удержание цели организаций и удержание целостности организаций, их функционального единства. Также необходимыми будут являться группы, предоставляющие в распоряжение организаций свои ресурсы, и группы, использующие ресурсы организаций в своих целях.

Таким образом, необходимо выделить четыре основных типа ценностей, на которые будут ориентироваться представители вышеуказанных функциональных социальных групп: ценности условных гедонистов, ориентированных на получение удовольствия от профессиональной деятельности; ценности преданных службе личностей, которые не мыслят себя вне службы; ценности условных строителей иерархий, ориентированных на личный успех, и ценности условных интеграторов, которые удерживают целостность и связность коллективов и организаций.

Далее необходимо выявить набор переменных, характеризующих поведение представителей выявленных функциональных групп и определить степень их взаимосвязи с вовлеченностью личности в службу.

Степень вовлеченности в службу следует, прежде всего, рассматривать в соответствии с формальными критериями, и в первую очередь со сроком службы.

Первой степенью вовлеченности в службу следует считать принятие решения о приобретении статуса кандидата на поступление на службу в органы внутренних дел.

Второй степенью вовлеченности в службу следует считать приобретение статуса стажера или курсанта, проходящего первоначальную подготовку.

Третьей ступенью — курсанта первого—третьего года обучения или сотрудника первого—третьего года обучения. На данной ступени завершается процесс адаптации.

Четвертая ступень связана с приобретением статуса выпускника вуза МВД или сотрудника шестого года службы. На этом этапе возможно проявление элементов профессиональной деформации личности.

Пятая ступень — статус сотрудника шестого—пятнадцатого года службы.

Шестая ступень — статус опытного сотрудника.

Седьмая ступень предполагает статус опытного сотрудника — руководителя.

Восьмая ступень — статус опытного руководителя (свыше пяти лет на руководящей должности).

Получение соответствующих статистических данных открывает перед исследователем возмож-

ность полномасштабного использования выборочно-го метода. Из числа других методов следует использовать анализ документов и формализованный опрос как средство получения первичной социологической информации.

Реальные возможности в настоящее время имеются для исследования среди сотрудников полиции первой — четвертой степеней вовлеченности. Однако даже ограниченные исследования дадут быстрый результат. Они позволят объективно оценить, носителей каких типов ценностей и приверженцев каких установок фактически отбирает система ведомственного образования в настоящее время. Кроме того, неизбежно будет выявлена динамика функциональных групп носителей определенных ценностей в процессе обучения. Система ведомственного образования в течение одного календарного года получит уникальную обратную связь.

Для характеристики выявленных выше функциональных групп (гедонисты, карьеристы, интеграторы, преданные делу) необходимо выстроить четыре пары переменных, которые характеризуют разделяемые ценности, а также четыре пары переменных, которые характеризуют установки личности.

Необходимо также обеспечить учет предпочтения опрашиваемыми личных интересов либо интересов службы.

Необходимо отметить, что оптимальным условием для исследования будет нечеткость границ выявленных функциональных групп, что позволит с наибольшей степенью адекватности отражать их динамику, а также учитывать маргиналов и безразличных, значение и роль которых, возможно, предстоит исследовать отдельно.

Приведем основные пары переменных для характеристики ценностей (см. табл. 1).

Таблица 1
Основные пары переменных для характеристики ценностей

Развитие личности, творчество, уверенность в своих силах	Успешность и эффективность деятельности коллектива (организации)
Успех, достижения, компетентность	Бескорыстное служение, сопричастность общему делу
Радость от сопричастности к общему делу, ценность личности, корпоративный дух	Оценка личного вклада в общее дело
Самореализация, профессиональная эффективность, обретение смысла в служении	Оценка профессиональных успехов и достижений

Приведем пары переменных для характеристики мотивации (см. табл. 2).

Таблица 2

Пары переменных для характеристики мотивации

Получение удовольствия от службы, достижение комфорта в профессиональной среде, достижение счастья	Стойкое преодоление трудностей, ограничений, лишений
Продвижение по службе, созидание благосостояния, требовательность к людям	Добровольное самоограничение, смирение во имя групповых и корпоративных интересов
Укрепление личных отношений (дружбы, товарищества), помощь и взаимопомощь (взаимовыручка содействие в адаптации), компенсация неполноты формальных процедур	Обеспечение личной и групповой безопасности, конкуренция, мотивирование сотрудников
Профессиональная социализация, принятие корпоративной культуры, овладение компетенций	Совершенствование формальных процедур

Далее необходимо разработать два набора утверждений — для измерения ценностей и для измерения мотиваций. В каждом из наборов достаточно будет 16 утверждений, из которых респондентам необходимо будет выбрать привычные для жителя России пять вариантов. Наборы должны содержать по четыре блока, в каждом из которых содержатся утверждения, выбор которых характеризует функциональные группы гедонистов, карьеристов, интеграторов и преданных делу. Выбор пяти утверждений, характерных для функциональной группы, будет означать безусловную принадлежность респондента к данной группе, трех — четырех — принадлежность с высокой степенью вероятности, двух — склонность к принадлежности к данной группе, слабую характеристику.

Показательным будет несовпадение у опрашиваемого ценностной и мотивационной функциональных групп, а также выявление маргиналов и безразличных. Наборы утверждений следует дополнить блоками вопросов демографического характера.

Дополнительно следует задать **три вопроса**.

Первый: считаете ли вы себя успешным состоявшимся полицейским?

Второй вопрос: если вы положительно ответили на предыдущий вопрос, считаете ли вы это вашей личной заслугой или результатом деятельности полиции?

Третий вопрос: в достаточной степени ли вы вознаграждены за вашу профессиональную деятельность?

Приводить список вопросов и утверждений не позволяет объем настоящей работы.

Не следует возлагать на данное исследование надежды как на универсальное средство решения проблемы

выяснения эффективности деятельности полицейских и оптимального кадрового отбора. В любом случае для построения даже приблизительных кадровых моделей понадобятся исследования референтных групп полицейских.

Однако данное исследование позволит дать научно обоснованный ответ на вопрос о качестве кадров, уровне эффективного контроля и позволит выстроить программу исследования для создания кадровых моделей.

Опрос, обработка данных и интерпретация представляются вполне доступными и приемлемыми по объему задействованных ресурсов.

¹William Isaac Thomas, Florian Znaniecki, Eli Zaretsky. University of Illinois Press, 1996.

²Рабочая книга социолога. / Редколлегия: Г.В. Осипов (отв. ред.) и др. 3-е изд. М.: УРСС, 2003.

³Ядов В.А. Методология и процедуры социологических исследований. Тарту: ТГУ, 1968.

About some theoretical and practical aspects of moral education of youth in modern russian society

О некоторых теоретических и практических аспектах нравственного воспитания молодежи в современном российском обществе

Anton Borisovich Moiseyev,
senior lecturer the department of sociology and political science Moscow university Ministry of internal affairs of Russia named after V.Ja. Kikot
E-mail: borisyech71@mail.ru

Антон Борисович Моисеев,
старший преподаватель кафедры социологии и политологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: borisyech71@mail.ru

Annotation. In article separate aspects of the theory and practice of moral education of youth in the conditions of a late stage of functioning of public system of «real socialism» are critically estimated at the USSR, influence of external factors of social development of society on moral education of young people is considered, reflections about the purpose and problems of moral education of youth are given, the role of work and ideology in processes of moral education reveals, offers on formation of uniform approach to moral education of the younger generation in modern Russian society are formulated.

Keywords: youth, younger generation, young man, moral education, moral imperatives, moral values, imperative and moral regulation, society, modern society, society of «real socialism», Soviet society, modern Russian society, public relations, capitalist public relations, socialist public relations, social system, social norms, ideology, ideological work, reorganization, publicity, DinaraAsanova, Mikhail Gorbachev, Boris Yeltsin, Anton Makarenko, Mao Jie-dun, Vladimir Mayakovsky, Sergey Solovyov, Joseph Stalin.

Аннотация. В статье критически оцениваются отдельные аспекты теории и практики нравственного воспитания молодежи в условиях позднего этапа функционирования общественной системы «реального социализма» в СССР, рассматривается влияние внешних факторов социального развития общества на нравственное воспитание молодых людей, приводятся размышления о цели и задачах нравственного воспитания молодежи, раскрывается роль труда и идеологии в процессах нравственного воспитания, формулируют-

ся предложения по формированию единого подхода к нравственному воспитанию молодого поколения в современном российском обществе.

Ключевые слова: молодежь, молодое поколение, молодой человек, нравственное воспитание, нравственные императивы, нравственные ценности, императивно-нравственное регулирование, общество, современное общество, общество «реального социализма», советское общество, современное российское общество, общественные отношения, капиталистические общественные отношения, социалистические общественные отношения, социальная система, социальные нормы, идеология, идеологическая работа, перестройка, гласность, Динара Асанова, Михаил Горбачев, Борис Ельцин, Антон Макаренко, Мао Цзе-дун, Владимир Маяковский, Сергей Соловьев, Иосиф Сталин.

О нравственном воспитании молодежи в советском обществе рассуждали много и охотно. Написанные в духе позднесоветского схоластического объективизма мертвым, лишенным оригинального авторского начала языком, свойственным практически всей официальной общественной мысли Советского Союза эпохи конца 60-х — первой половины—середины 80-х годов XX в., с обязательным вкраплением цитат из нетленных трудов классиков марксизма-ленинизма и мудрых мыслей генеральных секретарей, эти работы в подавляющем большинстве так и остались пылиться мертвым грузом на полках библиотек и собственных авторов, окончательно сгинув в небытие

вместе с крахом общественной системы реального социализма в СССР.

Между тем, несмотря на упорное стремление идеологов новых социальных порядков объявить все имеющиеся проблемы нормативно-ценностного регулирования социального поведения грузом тяжкого наследия советского времени, автоматически находящих свое непосредственное разрешение по факту утверждения системы ценностей либерального общества западного типа, вопросы нравственного воспитания молодежи в постсоветском обществе объективно не только не были сняты с повестки дня, но, напротив, в условиях смыслового, идеологического и аксиологического вакуума 90-х годов только обострились и умножились.

После фактического провозглашения М.С. Горбачевым официальной идеологической линией перестройки в Советском Союзе маоистского лозунга «Пусть расцветают 100 цветов»¹ средства массовой информации, а также научно-популярные и научные издания по общественно-политической тематике захлестнул вал материалов по проблемам субкультурных меньшинств в молодежной среде. Пишущие на молодежную тематику журналисты, социологи, философы и психологи, словно отыгрываясь за предшествующие десятилетия вынужденного схоластического словоблудия, на все лады принялись обсуждать вопрос «легко ли быть молодым», хотя все трудности молодого поколения того достопамятного времени в реальности сводились к отсутствию возможности свободно купить брендовые джинсы и ряду надуманных социальных запретов на личное самовыражение, наглядным примером которых служит эпизод из культового фильма режиссера С.А. Соловьева «Асса» с задержанием милиционером на Ялтинской набережной молодого человека по кличке «Бананан» за ношение серьги в ухе.

Явно параноидальные моменты в борьбе за идеологическую девственность советской молодежи, начатой преследованием стилей и поклонников твиста и завершаемой гонениями на панков и фанатов «тяжелого» рока, весьма скоро стали решающим аргументом в обосновании едва ли не исторической правомерности обиды определенной части молодежи на власть, государство, господствующую идеологию, и в умелых руках подпитываемых и поддерживаемых Западом противников существующих общественных порядков, стремительно институционализировавшихся и консолидировавшихся в условиях добровольной утраты правящей партией по воле своего высшего руководства господствующих позиций в обществе, трансформировались в уже знакомые по предреволюционной ситуации 1917 г. лозунги футуристов, сформулированные великим В.В. Маяковским в его первой поэме «Облако в штанах»: «Долой вашу любовь! Долой ваше искусство! Долой вашу религию! Долой ваш строй!»². Именно этим — стремлением к избавлению от запретов во имя некой мифической свободы — объективно объясняется высокая доля

активности молодежи в августовских событиях 1991 г.

Впоследствии та же самая страшилка запретов и ограничений будет использована в 1996 г. идеологами ориентированной прежде всего непосредственно на молодежь кампании «Голосуй или проиграешь» по переизбранию Президентом Российской Федерации на второй срок Б.Н. Ельцина. В остальное же время, свободное от выборов и иных политических баталий, молодежи сполна дадут вкосты от этих самых свобод: пасть смертью храбрых в Чечне или любой другой из многочисленных «горячих точек» на обширном постсоветском пространстве, погибнуть в бандитских разборках или пасть «случайной» жертвой размножившейся уличной гопоты, скончаться от передоза наркотических веществ или цирроза печени, а в большинстве своем — банально оказаться на обочине жизни, в вечных долгах, без надежды и ободряющих перспектив. Правды ради отметим, что утверждения современного официоза о том, будто все эти явления — суть порождение печального периода «лихих 90-х», последствия которых к настоящему времени минимизированы и составляют пресловутые пережитки тяжкого наследия правления «демократов», олигархов и прочих отрицательных персонажей, имя главного из которых по известным политико-идеологическим причинам представляет собой фигуру умолчания, являются не более чем потугами сохранить хорошую мину при плохой игре.

С наступлением в жизни современного российского общества нового этапа системного кризиса, отягченного неблагоприятной внешнеполитической обстановкой, некоторые отрицательные явления периода 90-х годов не только были зеркально повторены, но и в чем-то даже усугубились, непосредственной причиной чему стал тот неосмысленный до сих пор социальный факт, что процессы 90-х годов протекали не только в условиях социальной инфраструктуры, доставшейся в наследство от советского периода, но и при очевидном доминировании в сознании и поведении большинства индивидов, воспитанных еще в условиях социалистической системы общественных отношений, прежних нормативно-ценностных императивов.

Кризис первой половины 10-х годов XXI в. или, лучше сказать, обострение кризиса, непрекращающегося вот уже более чем 20 лет современной российской истории, проявил себя в ситуации, когда начатую в 90-х годах трансформацию общественных отношений и определяемых ими типов сознания и поведения можно считать свершившейся, и российское общество стало вполне буржуазным не только по форме, но и по сути, с присущим капиталистическим общественным отношениям императивно-нравственным регулированием по принципу «Homo homini lupus est»³.

Отношение к человеку управляющих обществом структур стало формально-правовым с упором имен-

но на свойство формальности, а сам человек лично стал окончательно никому не нужен, оказавшись при возникновении каких-либо проблем один на один с этими проблемами без перспективы какой-либо действенной помощи и поддержки не только со стороны властных структур, но и окружающих его индивидов, как правило, испытывающих в той или иной степени схожие жизненные трудности. Дело дошло до того, что даже вмешательство высшей власти, например Президента Российской Федерации, в решение того или иного частного вопроса не гарантирует его автоматического разрешения. По-настоящему значимая реакция наступает только тогда, когда негативное развитие событий приобретает уже явно очевидный неодобрительный общественный резонанс, напрямую затрагивающий общий имидж и престиж существующей высшей власти. При этом последствия негативного развития событий, которые приходится преодолевать, имеют зачастую необратимый характер.

Особенностью фона, на котором разворачивается вышеописанная коллизия в развитии социальных процессов в современном российском обществе, является то обстоятельство, что как только время неопределенности, сопутствующее переходу от одного вектора дальнейшего развития к другому, объективно подошло к своему завершению, одновременно стал уменьшаться лаг дозволенного по отношению к допустимому в нормативном регулировании общественного и частного поведения индивидов. Государство как суверенный нормативно-правовой регулятор вернулось к выстраиванию системы запретов и ограничений, только теперь уже в новых общественных условиях. Забыта риторика времен перестройки и ранней российской демократии, основанная на принципе: «разрешено все, что не запрещено законом». «Запрещено все, что законом не разрешено» — гласит теперь основной принцип российского законодателя, обнаруживая при этом явственный расчет на приобретаемую государством экономическую выгоду от устанавливаемых запретов. Нравственная сторона вопроса при этом, к сожалению, не принимается в расчет. И совершенно напрасно, поскольку ни один запрет, устанавливаемый законом, не будет действен, если его необходимость не будет осознана на уровне индивидуального нравственного сознания.

Хрестоматийно известно, что жить в обществе и быть свободным от него невозможно [1]. Запреты и ограничения как регуляторы общественного поведения, так же, как личные нравственные императивы, были, есть и будут всегда. Вопрос состоит в том, КАКИЕ ИМЕННО социальные нормы должны стать сутью нравственного воспитания молодежи и какой механизм научения указанным нормам должен быть при этом приведен в действие.

Очевидно, что наиболее действенными будут те нормативно-ценностные регуляторы общественного и индивидуального поведения, которые молодой человек примет в итоге как свои собственные, добро-

вольно разделяемые убеждения, которые станут в итоге его вторым социальным «я». Акцент при этом следует сделать на то, что указанные убеждения будут не только активироваться в условиях социального контроля извне, но и составят прочную основу внутреннего социального самоконтроля.

С этой точки зрения самой удачной формулировкой конечной цели нравственного воспитания молодежи следует считать определение, данное А.С. Макаренко в работе «Коммунистическое воспитание и поведение»: «...научить ... поступать правильно, когда никто не слышит, не видит и ничего не узнает» [2]. Там же А.С. Макаренко высказывает мысль о том, что правильное нравственное воспитание связано с формированием у молодых людей привычки поступать правильно автоматически «потому, что иначе мы не можем, потому, что мы так привыкли» [2].

Остается вопрос, каким образом конкретно следует построить нравственное воспитание, чтобы в современных условиях достичь сформулированной А.С. Макаренко цели, какие технологии следует использовать, чтобы молодой человек научился правильно поступать всегда, а не только тогда, когда его принуждают демонстрировать нормативно обусловленное поведение.

В многочисленных работах по нравственному воспитанию, вышедших в советское время, основной упор делался на воспитание трудом. Общеизвестна фраза Вольтера: «Труд избавляет человека от трех великих зол — скуки, порока и нужды»⁴, однако само по себе участие в трудовой деятельности еще не является гарантией формирования правильного нравственного выбора. Наоборот, жизнь людей труда в своем первоначальном, исходном облике предстает как бытие, лишенное какого бы то ни было нравственного начала и крайне далекое от высоких моральных идеалов, а сам труд являет собой тяжелую, изнурительную повинность, отупляющую по сути и опустошающую человеческую душу до состояния полного нравственного безразличия и абсолютной душевной апатии. Именно таким описан повседневный труд рабочих в романе А.М. Горького «Мать». Великий пролетарский писатель не понаслышке был знаком с темой труда и описывал его мрачные стороны, основываясь на личных впечатлениях от пребывания «в людях» и дальнейших скитаний по Великой Руси в самых различных ипостасях рабочего человека своего времени.

Таким образом, воспевая «третий», трудовой семестр, авторы статей и брошюр о нравственном воспитании молодежи в советском обществе подменяли содержание формой, поскольку, если следовать их логике, то получалось, что уборка картофеля, строительство коровников и разгрузка овощей на продовольственных базах в сочетании с порой достаточно тяжелыми условиями быта учащихся, занятых в качестве подсобных рабочих на сельскохозяйственных или строительных работах, автоматически, уже только по одному факту наличия некоей трудовой

деятельности, формируют нравственный облик молодого человека, хотя именно столкновение с неприглядными сторонами действительности «реального социализма» в ходе срочной армейской службы или таких вот «трудовых семестров» в позднесоветский период зачастую, напротив, порождало эрозию ценностей, изначально закладываемых на более ранних этапах нравственного созревания и социализации личности в советском обществе.

Между тем истина находилась все это время рядом: средством нравственного воспитания может быть только такой труд, в основе которого лежит идея, не только объективно социально значимая, но и личностно воспринятая в качестве таковой. Никакая воспитательная практика не достигнет поставленной цели, если у нее отсутствует внутренний идеологический стержень.

Не секрет, что в поздний советский период идеологическая работа перестала выполнять функции орудия эффективного воспитания молодежи, поскольку оказалась полностью выхолощена и в лучшем случае сводилась к ряду так называемых «мероприятий», в которых, как уже говорилось выше, форма превалировала над содержанием. Измерять эффективность воспитательной работы количеством мероприятий, а не реальным нравственно-идеологическим уровнем воспитуемых стало нормой, возводимой в разряд директивных установок [3].

Между тем нет ничего более чуждого делу нравственного воспитания, чем попытка решения воспитательных задач с позиции позитивистского подхода. Не измеряется количественно то, что органически должно вплестаться в ткань повседневной жизни и стать для человека столь же привычным, как его собственное физическое тело.

Вот почему уже после крушения советского общественного строя наиболее успешным в деле нравственного воспитания молодежи стал опыт религиозных организаций. Работа религиозных конфессий с молодежью рассчитана на усвоение религиозно-воспитательных практик как естественной составляющей жизни и деятельности каждого человека в ее постоянном ежечасном и даже ежеминутном измерении. Молитва утром, вечером, перед едой, до начала всякого дела и после его завершения, соблюдение постов и иных ограничений — все это должно совершаться не по какому-то плану, разово и эксклюзивно, а стать столь же привычным и естественным для молодого человека, как удовлетворение голода или жажды. Приобщение к высшему нравственному началу через осознанно принятые ритуалы, исполнение которых должно стать автоматическим⁵, является сильной стороной указанных воспитательных технологий. Подобный подход в качестве светской разновидности повседневной ритуализации нравственного воспитания пытается реализовать в

работе с «трудными» подростками героиней кинокартины режиссера Д.К. Асановой «Пацаны», обращаясь каждый вечер перед ужином к своим подопечным с предложением подумать о том, что хорошего совершил каждый из них за прошедший день.

В целом же, если говорить о светских технологиях нравственного воспитания молодежи, то их и без того выхолощенный в поздние советские годы потенциал к настоящему времени стал вообще скуден. Упор в воспитательной работе на массовые мероприятия, участники которых являются пассивными потребителями поступающей информации, приводит к тому, что воспитательное воздействие в условиях отсутствия обратной связи становится крайне односторонним и не несет никакой информации об эффективности достигнутого результата, если он вообще имеет место быть.

Если священник в идеале (подчеркиваю это слово) стремится достучаться до каждой души и получить соответствующий отклик, то светские воспитатели, как и их предшественники в советские годы, отчитываются о количестве, но не о качестве проделанной ими работы. Попытка заменить воспитателей психологами неудачна по той причине, что психолога воспринимают как врача, обращаться к которому по доброй воле никто не спешит, боясь (и небезосновательно) быть заподозренным в наличии каких-то отклонений, что может прямо или косвенно в негативном плане отразиться на траектории личной жизненной карьеры.

Кроме того, воспитательная работа с молодежью в России лишена в настоящий момент объединяющей позитивной идеи. Статья 13 главы 1 Конституции Российской Федерации, провозгласившая существующее государство внеидеологичным, фактически дезорганизовала воспитательную работу государства с собственными гражданами, лишив систему ценностей светского общества базовой нормативной основы. Предположение о том, что на смену декларируемым Кодексом строителя коммунизма общим для всех граждан нравственным ценностям социалистического общежития вернуться ценности традиционных для России религиозных конфессий оказалось несостоятельным в практическом плане и крайне непродуктивным с точки зрения как укрепления позиций государства в обществе, так и обеспечения морально-идеологического единства самого общества. Фактически содержание ст. 13 Конституции в ее нынешнем виде представляет собой в настоящий момент угрозу национальной безопасности России и препятствует выработке единой линии общества по вопросам нравственного воспитания молодого поколения.

Суммируя вышесказанное, можно сделать вывод, что система светского нравственного воспитания молодежи в современном российском обществе по степени своей эффективности явно проигрывает аналогичным системам, выстраиваемым религиоз-

ными организациями, и в настоящий момент переживает такой же острый кризис, как и многие другие сферы общественной жизнедеятельности. Однако констатация этого факта сама по себе не означает, что в данном случае следует опустить руки и предоставить все одной только воле Божественного Провидения. Патриотически ориентированной части общества, заинтересованной в укреплении институтов российской государственности, необходимо, прежде всего, настаивать на изменении ст. 13 главы 1 Конституции Российской Федерации в части признания необходимости законного существования государственной идеологии в качестве инструмента стабилизации и консолидации российского общества.

Работа по внесению указанных законодательных изменений в Конституцию должна сопровождаться налаживанием конструктивного диалога между государством и легально действующими политическими партиями, как представленными в Государственной Думе и иных законодательных органах государственной власти и местного самоуправления, так и не имеющих там собственного представительства, традиционными религиозными конфессиями, а также не склонными к экстремизму группами интересов, выражающими надежды и чаяния гражданского общества в России, по вопросу о выработке общепризнанного свода нравственных императивов социального поведения и межличностного взаимодействия, приемлемых для всех россиян вне зависимости от их конфессиональной и этносоциальной принадлежности. Очевидно, что для того чтобы такой диалог стал эффективен и в итоге привел к положительным результатам, необходима его институционализация в рамках, например, постоянно действующего трехстороннего форума по вопросам идеологического самоопределения и духовно-нравственного воспитания.

Разумеется, результаты такой работы не станут скорыми, а само ее протекание не будет безоблачным, бесконфликтным и беспроблемным, однако несомненным положительным эффектом от ее реализации станет формирование консенсуса по вопросам содержания нравственного воспитания молодого поколения, который поможет преодолеть царящие ныне разброд и смуту в отношении системы идеалов и ценностей, в духе которых можно и должно формировать систему личностно значимых ценностей современного молодого человека.

Библиографический список

1. Ленин В.И. «Партийная организация и партийная литература»: «Жить в обществе и быть свободным от него нельзя». Цит. по: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/877/
2. <http://pedagogic.ru/books/item/f00/s00/z0000000/st010.shtml>
3. *Планирование нравственного воспитания студентов в вузах страны: Экспресс-информация.* М.: Мин-во высшего и среднего специального образования СССР, Информационный центр высшей школы, 1974. («Важной стороной планирования нравственного воспитания является его количественный аспект»)

¹«Пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ» — выражение из древнекитайской литературы, впервые употребленное Мао Цзэ-дуном в речи 1957 г. «О правильном разрешении противоречий внутри народа», ставшее официальным девизом предшествовавшей политике «Большого скачка» кампании «Байхуаюньдун» по расширению гласности и самокритики, что прямо указывает на идеологическое родство раннего горбачевизма (кампании «Ускорение» и «Гласность») с маоизмом.

²Последовательность лозунгов изменена. Маяковский как человек, изначально воспитывавшийся в системе, где религиозные ценности являлись первоочередными, поставил именно религию на крайнее, четвертое, самое высшее место в системе того, что подлежало революционному отрицанию. В этом состояла великая трагедия гения, во многом предварившая обстоятельство его роковой гибели 14 апреля 1930 г. Активно включившись в годы нэпа в борьбу за нравственное здоровье молодого поколения (стихотворение 1927 г. «Маруська отравилась») с атеистических позиций, поэт не смог увидеть того, что суть драмы не в потакании молодых людей моде, буржуазной по определению, а в объективно порожденном революцией разрыве массы Иванов и Марусек с Высшим Божественным Началом, вследствие которого наличие лакированных туфелек становится в системе индивидуальных ценностей молодого человека более значимым достоянием, нежели физическое Бытие живой человеческой души. Произнеся в известной речи 3 июля 1941 г. традиционное для христиан «Братья и сестры!» И.В. Сталин, возможно, сам не ведая того, преодолел этот разрыв.

³«Человек человеку — волк» — перевод с латыни крылатого высказывания из комедии древнеримского автора Плавта «Осль» // https://ru.wikipedia.org/wiki/Человек_человеку_волк

⁴Первоисточник данного изречения автором статьи до сих пор не найден, хотя сама фраза содержится во многих собраниях афоризмов великих людей.

⁵Именно к этому призывал А.С. Макаренко, написав в своей статье «Коммунистическое воспитание и поведение» буквально следующее: «...воспитывать правильные привычки, т.е. такие привычки, когда мы поступали бы правильно вовсе не потому, что сели и подумали» // <http://pedagogic.ru/books/item/f00/s00/z0000000/st010.shtml>

⁶Государство, конфессии, гражданское общество.

Criminological analysis of unauthorized abandonment of minor children and state institutions

Криминологический анализ самовольного оставления несовершеннолетними семей и детских государственных учреждений

Tatiana Vitalievna Molchanova,

PhD, associate professor, associate professor of the department of criminology Moscow University Russian Interior Ministry named V.Ya. Kikot
E-mail: molcha@yandex.ru

Молчанова Татьяна Витальевна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: molcha@yandex.ru

Elena Aleksandrovna Solomatina,

PhD, associate professor, associate professor of the department of criminology Moscow University Russian Interior Ministry named V.Ya. Kikot
E-mail: kadarka777@mail.ru

Елена Александровна Соломатина,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: kadarka777@mail.ru

Annotation. The article is devoted to studying the behavior of minors, which is associated with facts, leaving their families and children's state institutions, analysis of the causes and conditions for this behavior, as well as a brief assessment of activities of actors in the system of prevention of deviant behavior of minors.

Keywords: criminological characteristics, the personality of the juvenile, family, children's state institutions, unauthorized leave, deviant behavior, internal affairs bodies, prevention of crimes and administrative offences, the subjects of prevention.

Аннотация. Статья посвящена анализу фактов оставления несовершеннолетними семей и детских государственных учреждений, изучению причин и условий такого поведения, а также краткой оценке деятельности субъектов в системе предупреждения девиантного поведения несовершеннолетних.

Ключевые слова: криминологический анализ, личность несовершеннолетнего, семья, детские государственные учреждения, самовольные уходы, девиантное поведение, органы внутренних дел, предупреждение преступлений и административных правонарушений, субъекты профилактики.

Анализ ситуации, связанной с оставлением несовершеннолетними семей и детских государственных учреждений, свидетельствует, что в течение последних пяти лет на территории России ежегодно в розыске по разным причинам находилось около 50 тыс. несовершеннолетних (2011 г. — 49970, 2012 г. — 44050, 2013 г. — 41388, 2014 г. — 52366, 2015 г. — 49286).

Ежедневно в органы внутренних дел Российской Федерации поступает от 35 до 130 обращений об исчезновении детей. Как правило,

примерно 30% несовершеннолетних разыскиваются в течение суток, около 40% — в срок от одних до пяти суток. Свыше десяти суток в розыске находятся порядка 30% пропавших детей¹.

Более 60% разыскиваемых несовершеннолетних относились

к возрастной категории 16 — 17 лет, около 30% — 14 — 15 лет, 10% — до 14 лет.

Количественные параметры снижения произошли в 2015 г. на 5,8% (с 52366 до 49286), несмотря на то, что число безвестно отсутствующих несовершеннолетних в 33 субъектах Российской Федерации имеют тенденцию к увеличению.

Так, на территории Центрального федерального округа (далее — ЦФО) на протяжении последних трех лет наблюдается тенденция увеличения числа детей указанной категории (2013 г. — 6176, 2014 г. — 7999, 2015 г. — 8186). См. табл.1.

Таблица 1

Количество самовольного оставления несовершеннолетними семей и детских государственных учреждений по ЦФО

Годы / Регион	2014	2015	Темпы прироста, проц.
Всего по ЦФО	7999	8186	2,3
В том числе:			
Белгородская обл.	254	251	-1,2
Брянская обл.	291	297	2,1
Владимирская обл.	60	431	618,3
Ивановская обл.	776	772	-0,5

Годы / Регион	2014	2015	Темпы прироста, проц.
Всего по ЦФО	7999	8186	2,3
Воронежская обл.	500	444	-11,2
Калужская обл.	340	199	-41,5
Костромская обл.	347	442	27,4
Курская обл.	280	180	-35,7
Липецкая обл.	284	146	-48,6
г. Москва	1010	1157	14,6
Московская обл.	1229	1263	2,8
Орловская обл.	27	64	137
Рязанская обл.	169	170	0,6
Смоленская обл.	385	337	-12,5
Тамбовская обл.	76	43	-43,4
Тверская обл.	371	369	-0,5
Тульская обл.	576	548	-4,9
Ярославская обл.	1024	1073	4,8

В течение четырех месяцев 2016 г. на территории субъектов, входящих в состав ЦФО, зарегистрировано 2916 фактов безвестного исчезновения несовершеннолетних. Наиболее высокие показатели зарегистрированы в Москве (457), Московской (451), Ярославской (380), Ивановской (249), Костромской (189), Тульской (175), Тверской (175), Владимирской (131) и Курской (130) областях.

Наибольшее количество уходов из семей зарегистрировано на территории Москвы (279), Московской (275), Ивановской (107), Ярославской (164) и Костромской (60) областей.

Так, на территории Приволжского федерального округа (далее — ПФО) наблюдается аналогичная картина (2013 г. — 6452, 2014 г. — 10 347, 2015 г. — 9125).

На фоне снижения в целом по округу за 2015 г. количества ушедших несовершеннолетних на территории Республики Марий Эл (+34%, 197), Чувашской (+20,9%) и Удмуртской (+10,2%), Пензенской области (+27,7%, 235) зарегистрировано увеличение данного показателя (см. табл. 2).

Таблица 2

Количество самовольного оставления несовершеннолетними семей и детских государственных учреждений по ПФО

Годы / Регион	2014	2015	Темпы прироста, проц.
Всего по ПФО	10347	9125	-11,8
В том числе			
Республика Мордовия	83	49	-41

Годы / Регион	2014	2015	Темпы прироста, проц.
Республика Башкортостан	1289	1251	-2,9
Республика Марий Эл	147	197	+34
Республика Татарстан	412	366	-11,2
Удмуртская Республика	705	777	+10,2
Чувашская Республика	187	226	+20,9
Кировская Республика	1170	1011	-13,6
Нижегородская Республика	790	745	-5,7
Оренбургская область	208	108	-48,1
Пензенская область	184	235	+27,7
Пермский край	2520	2037	-19,2
Самарская область	1860	1344	-27,2
Саратовская область	407	405	-0,5
Ульяновская область	385	374	-2,9

Почти 64% несовершеннолетних совершили самовольные уходы из дома (5732, или 62,8%), при этом каждый пятый из них уходил неоднократно (5437). Более 37% несовершеннолетних совершили самовольные уходы из государственных учреждений (3393, или 37,2%).

Число несовершеннолетних, ушедших из дома, увеличилось на территории Республики Марий Эл (109, +78,7%), Чувашской Республики (142, +20,3%), Нижегородской (400, +7%), Оренбургской (77, +26,2%) Пензенской (141, +8,5%) и Саратовской (201, +11%) областей.

Актуальной остается проблема самовольных уходов несовершеннолетних из государственных учреждений: специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого и открытого типа, детских домов, приютов, социально-реабилитационных центров, медицинских учреждений, которые составляют более 30% от общего количества самовольных уходов.

В 2015 г. государственные учреждения для несовершеннолетних самовольно покинули 3393 несовершеннолетних жителя ПФО, из них 1258 подростков совершили уходы неоднократно.

Увеличение числа указанных фактов зарегистрировано на территории Республики Мордовия (+75,0%), Чувашской Республики (+21,7%) и Пензенской (+74,1%) области. В течение 2015 г. более 150 несовершеннолетних, самовольно ушедших из семей и государственных учреждений, совершили правонарушения.

Наибольшее количество правонарушений (преступлений

и общественно опасных деяний), совершенных несовершеннолетними

в период самовольных уходов, зарегистрировано на территории: республик Башкортостан (15), Татарстан (17), Пермского края (32), Кировской (22), Самарской (26) и Саратовской (13) областей.

За 2015 г., в период самовольных уходов, пострадало 34 несовершеннолетних, что составляет 0,4% от общего количества разысканных несовершеннолетних. На 20% увеличилось число несовершеннолетних, ставших в период самовольного ухода жертвами преступлений (18), из них погибло 9 детей (+12,5%).

Причины ухода из семей и детских государственных учреждений достаточно типичны для всех регионов Российской Федерации.

В большей части самовольным уходам детей из семей предшествуют семейные конфликты, а также неблагоприятная обстановка в семье. В неблагоприятных семьях негативные последствия проявляются быстрее и чаще. В неблагоприятной психической атмосфере семей с явным неблагополучием появляются дети с девиантным поведением. Большое число подростков из таких семей имеют отклонения в поведении от общепринятых норм. Отсутствие должного внимания со стороны родителей, а также в целом сложившаяся неблагоприятная обстановка в семье, в которой не обеспечивается надлежащее нравственное формирование личности несовершеннолетних, способствует тому, что они усваивают отрицательные образцы поведения, негативные ценностные ориентации, в дальнейшем реализуют их в собственном поведении.

Анализ исследованных материалов по делам об оставлении несовершеннолетними семьи позволяет выделить среди распространенных причин такие, как: родители не предоставляют возможности пользоваться персональным компьютером в неограниченном виде и отсутствие взаимопонимания несовершеннолетнего с новым родителем.

В связи с этим особо отметим замещающие семьи, где не всегда складываются должные благоприятные взаимоотношения между членами семьи. Имеют место факты, когда законные представители, не справившись с обязанностями по содержанию и воспитанию, обращаются в органы опеки и попечительства с заявлениями об отказе от детей и помещении их в соответствующие государственные учреждения. Подобные ситуации не просто причиняют страдания несовершеннолетним, но и зачастую становятся причиной самовольных уходов.

Основной возрастной уход с 14 до 17 лет. В 20 — 30 % случаев — это неполные семьи. Девочки преимущественно уходят по причине переживания недостаточного временного общения с противоположным полом.

Особенностями ухода несовершеннолетних из детских государственных учреждений являются:

1. Условия режима не позволяют существовать так, как хотелось бы им.

2. Повышенный контроль со стороны руководства соответствующего вида государственного учреждения.

Основными условиями, способствующими оставлению в ряде случаев, является также снижение воспитательной функции учреждений и слабый контроль за содержанием воспитанников. Имеют место факты халатного отношения педагогического состава указанных организаций к своим служебным обязанностям, что способствует совершению противоправных действий в отношении воспитанников.

Одним из факторов ухода несовершеннолетних также остается проблема плохих условий проживания, переуплотненности школ-интернатов. В некоторых случаях причиной ухода несовершеннолетних из детских государственных учреждений явилось желание вернуться в привычную обстановку своей семьи, несмотря на то, что она неблагоприятная, но, по их мнению, она родная. Присутствуют факты возвращения несовершеннолетних также к иным родственникам.

Подростковый возраст характеризуется в том числе периодом начала многих психических заболеваний, что продуцирует во многих случаях их уходы. Особое значение имеет изучение особенностей семейного положения и воспитания несовершеннолетних. Более половины несовершеннолетних воспитывались в семьях, где постоянно присутствовали ссоры, скандалы, взаимные оскорбления, пьянство.

Анализируя проблемы оставления несовершеннолетними семей и детских государственных учреждений, отметим, что продолжается тенденция их увеличения в целом на территории Российской Федерации, несмотря на их сокращение в отдельных регионах.

Субъектам, осуществляющим профилактические функции, необходимо обратить более значимое внимание на социально неблагоприятные семьи, где употребление алкоголя, нежелание трудиться, воспитывать детей вынуждает ребенка убежать на улицу, к друзьям, временно или надолго покинуть семью, а также на семьи, где отсутствует опека вообще, где дети предоставлены сами себе, а родители заняты преимущественно только собой.

Инспекторам подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел, родителям, опекунам, попечителям, педагогам и психологам в школе необходимо согласно утвержденному плану работы посещать семьи, проводить с членами семьи профилактические беседы, знать, в каком возрасте это необходимо делать, какие приемы при этом использовать. Сотрудникам подраз-

делений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел необходимо более планомерно работать с семьями детей, уже уходивших из дома и стоящих на учете, для них необходимо наладить высокоэффективную совместную контрольную и надзорную деятельность субъектов профилактики с целью предупреждения рецидивов уходов.

С целью снизить риск самовольных уходов воспитанников из детских учреждений специалистам социально-реабилитационных центров и социальных приютов необходимо при взаимодействии всех служб учреждений последовательно и более эффективно проводить работу с подростками, направленную на профилактику самовольных уходов, используя для этого все имеющиеся методики, повысить эффективность проводимых административно-организационных мер по предупреждению самовольных уходов и правонарушений воспитанников; мер по розыску воспитанников, допустивших самовольный уход; реабилитационных мер после возвращения ребенка в учреждение.

В качестве рекомендаций хотелось бы предложить всем образовательным организациям, учреждениям культуры, молодежной политики и спорта, учреждениям социальной защиты оформлять стенды, направленные на профилактику чрезвычайных происшествий с несовершеннолетними, в том числе самовольных уходов из семей и государственных учреждений, формирование здорового образа жизни, создавать в интернет-пространстве на официальных сайтах госучреждений ссылки на интернет-порталы по организации семейного досуга, доступных кружков и секций и т.д.

Необходимо активнее привлекать к проведению профилактических мероприятий по указанной проблеме местное население и общественность. В настоящее время добровольческие отряды, способные оказывать содействие подразделениям полиции в поисковых мероприятиях, сформированы практически на всей территории Российской Федерации. Считаем, что на волонтерские организации в настоящее время возлагаются большие перспективы не только в поиске пропавших детей, в сокращении детской смертности в результате несчастных случаев и насилия, но и в профилактике безопасного поведения детей в общественных местах, в защите интересов семьи и детей, в оказании помощи по реабилитации детей, попавших в трудную жизненную ситуацию, в профилактике самовольных уходов детей из дома

и государственных учреждений, в оказании помощи (методической, технической) и консультативной поддержки волонтерским организациям по поиску пропавших детей².

Среди разнообразных субъектов профилактики девиантного поведения несовершеннолетних можно также выделить: военно-патриотические организации, правозащитные организации, религиозные организации, политические организации, детские организации, благотворительные фонды и другие общественные организации.

Сегодня назрела необходимость создания в каждом регионе Российской Федерации, особенно в крупных городах, по одному координационно-розыскному подразделению органов внутренних дел, так как работа по профилактике самовольных уходов подростков должна находиться на постоянном контроле у руководства подразделений ГУО-ООП МВД России и руководства подразделений по делам несовершеннолетних всех областей и округов России³.

¹Данные предоставлены ГУОООП и координации взаимодействия с органами исполнительной власти в субъектах Российской Федерации (ГУОООП МВД России).

²Например, УМВД России по Липецкой области совместно с областной общественной организацией «Поиск пропавших детей» в 2015 г. провело 14 совместных мероприятий по розыску без вести пропавших несовершеннолетних, которые предусматривали обследование участков местности и строений, мониторинг социальных сетей, распространение информации о разыскиваемых в местах массового пребывания граждан. При содействии волонтеров установлено местонахождение трех несовершеннолетних. Национальным мониторинговым центром в автоматическом режиме посредством открытой подписки к разделу «Поиск несовершеннолетних» обработана информация, поступившая из 17 территориальных органов МВД России ЦФО, в 2015 г. принято 115 ориентировок в отношении пропавших детей. Посредством использования имеющегося интернет-ресурса организована рассылка информационных листов, размещена информация на сайте Национального центра, оказано содействие в розыске 11 детей (Белгородская, Брянская, Тамбовская области). На территории Московской области действуют волонтерские движения по поиску пропавших детей: «Полярная звезда», «Лиза Алерт», «Красный крест», «Поиск пропавших детей».

³Как отмечают сотрудники органов внутренних дел, основные причины уходов: отклонения в поведении несовершеннолетних, чувство безнаказанности за совершение ухода. В то же время имеются и недостатки в организации контроля за времяпрепровождением детей со стороны работников образовательных учреждений.

Reflections of a teacher about the danger (security) transerfinga and prevention of deviant behavior

Размышления педагога об опасности (безопасности) трейнсерфинга и возможностях профилактики девиантного поведения

Sergei Nikolaevich Tikhomirov,
docent, professor of Moscow University of the
MIA of Russia named after V.Ya. Kikot

Сергей Николаевич Тихомиров,
кандидат педагогических наук, доцент, профес-
сор Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

Annotation. The author speculates about danger (security) train surfing and the possibilities of preventing deviant behavior.

Аннотация. Автор размышляет об опасности (безопасности) трейнсерфинга и возможностях профилактики девиантного поведения.

Keywords: shaping, train surfing, dangerous, deviant behavior, prevention, media.

Ключевые слова: зацепинг, трейнсерфинг, опасное увлечение, девиантное поведение, профилактика, СМИ.

Постановка темы

Зацепинг, или трейнсерфинг (от англ. — train surfing), — проезд на крыше транспортных составов (электрички, метро, автобуса), между или под вагонами — становится все более популярным среди современной российской молодежи. Это явление известно во всем мире с самого начала возникновения рельсового транспорта и во многих странах было обусловлено объективными причинами: нехваткой мест в вагонах и дороговизной билетов. Во второй половине и конце XX в. зацепинг постепенно превратился в субкультуру, распространенную не только в крупных регионах России. Ежегодно количество зацеперов растет, вместе с этим увеличивается и количество жертв¹. В основном это юноши и девушки моложе 18 лет. Репортажи и сообщения, посвященные данному экстремальному увлечению, все чаще появляются в периодических изданиях, что контрастирует с немногочисленностью научных публикаций на эту тему. О коварстве зацепинга говорит разброс мнений: а) опасное увлечение молодежи (наука, СМИ, правоохранители); б) возможное рождение

Социально-педагогический и психологический взгляд на зацепинг²

Зацепинг — это не банальное нарушение правил поведения на железной дороге, а социально опасное явление, схожее с мелким хулиганством, одно из проявлений девиантного поведения молодежи.

В современных условиях зацепинг влияет на процесс социализации, формирование «Образа Я» достаточно большого числа молодежи. Зацепинг — это молодежное увлечение со своими традициями, негласными правилами этики, языком общения. Многочисленные группы трейнсерферов общаются в Интернете (в самом крупном сообществе — 8 тыс. пользователей), создают сообщества (ВКонтакте несколько десятков групп зацеперов по различным направлениям следования поездов РЖД; там же обсуждают модели поездов, время и место сбора зацеперов, участники предупреждают друг друга о дежурящих на станциях полицейских или антизацеперах, а также делятся видео- своих удачных «зацепов»; здесь же выкладывают видео- и фото несчастных случаев с циничными комментариями о том, что гибнут только «непрофессионалы», происходит «естественный отбор»).

Сами молодые люди, согласно опросам и мнениям на форуме, рассматривают зацепинг как возможность доказать окружающим, что они могут сделать больше, чем простые люди (пройти путь героя), найти новые ощущения в одном из экстремальных видов спорта (называя его «экстримом для бедных»).

Стремление подростков самовыражаться в процессе жизнедеятельности любым, в том числе необычным способом, а также тяга к риску и адреналину — это нормально для их возраста³.

Ученые объясняют такое поведение следующим образом. Зацеперы — это молодые люди, которым хотелось бы реализовать свою тягу к риску, но по разным причинам у них нет возможности заниматься экстремальными видами спорта, поэтому они выбирают доступные для них способы: кто-то лезет без страховки на самую высокую башню Нью-Йорка или Останкинскую башню, а кто-то прыгает с вагона на вагон движущегося поезда. Психиатр-криминалист Михаил Виноградов отмечает: «Подростки учатся в основном на американских фильмах, где крутым считается тот, кто рискует жизнью. В таком возрасте не хватает положи-

тельных эмоций, нужен адреналин. Экстремалы получают удовольствие при превышении порога, им нужно возбуждение, и ради кайфа готовы рискнуть жизнью». ⁴

Психотерапевт Татьяна Неёлова заключает: «Радоваться малому, достигать вершин собственным трудом — сложно, непонятно, трудно. А тут все легко: проехался — и ты герой, сверхчеловек, который получает уважение сверстников»⁵.

Поиск ответов на вопросы: «Что это за явление?», «Кто такие зацеперы?», «Почему этим увлекается молодежь?», «Что в этом находят?» шел через интервью и самоописание, для создания обобщенного социологического «портрета» зацепера нами были изучены материалы картотеки на 45 подростков Москвы и Московской области, по которым возбуждались производства по административным нарушениям; были проинтервьюированы 23 юноши 15 — 19 лет, которые задерживались полицией в ходе рейдов; 20 самоописаний зацеперов было взято с форума, также были проанализированы 36 статей в СМИ.

Ответим на ряд вопросов: «Что это такое?», «Каковы причины социального явления?», «Кто они?», «Зачем им это?», «Как они туда попадают?», «Как себя ведут?», «Какие легенды о себе рассказывают?», «Что с этим делают?», «Что мы можем им еще предложить?»

Для ответа на вопрос: «Что это такое?» обратимся к современным словарям. «Зацеперы» цепляются снаружи за выступающие части поездов (различные поручни, лестницы, подножки и другие элементы вагона или

локомотива), устраиваются на сцепках между вагонами или даже забираются на крышу. Таким образом бесплатно проезжают несколько станций или совершают длительные поездки. Каждый год на железных дорогах страны и в лабиринтах метро гибнет несколько сотен подростков (в центральной России за 2015 г. погибли почти полсотни несовершеннолетних «зацеперов»; задержаны около 400 подростков, катавшихся на подвижном составе с нарушением всех мыслимых и немыслимых правил безопасности). Разновидностей экстремального развлечения множество. Есть любители покататься сзади последнего вагона (классический зацеп), некоторые предпочитают ехать в «слепой зоне» машиниста (фронт-зацеп), есть те, кто путешествует на крыше состава (руфрайд). И это далеко не весь ассортимент субкультуры. Не нем его рекламировать. Регулярные новости о страшных смертях подростков на железной дороге у всех вызывают один вопрос: зачем же вы продолжаете туда лезть?!

Известно, что в начале XX в. трейнсерфинг был вынужденным способом перемещаться для тех, кто не мог оплатить билет (наиболее популярным в США и на Востоке). Проезд снаружи различных транспортных средств, в том числе и поездов, нередко встречается в кинематографе, в особенности в боевиках, приключенческих фильмах и фильмах-катастрофах, компьютерных играх, во многих современных железнодорожных симуляторах, таких, как Trainz или Railworks. Да и у нас озорующие на дорогах подростки были, есть и будут. Вспомним историю и литературную классику — за извозчиков цеплялись, за конки, за трамвай, троллейбус. Но потом, взрослея, про свое детское шалопайство забывали. Современная ситуация куда серьезнее, чем это видится железнодорожникам, депутатам, правоохранителям и простым обывателям. Отбросим объяснения, которые своему влечению дают во время бесед и интервью молодые люди: не хочется ехать в душном вагоне в час пик или банально нужно сэкономить деньги. Некоторые уверяют нас и верят сами в то, что таким образом выражают протест (против своей жизни?!) или проверяют себя на прочность.

Сегодня все эти зацепинги, трэйнхопы, руфрайды, битвинвагонрайдинги — уже не просто подростковые шалости, преходящая возрастная потребность в адреналине, а складывающаяся молодежная субкультура со своим лексическим аппаратом и клубным общением, со своей, если хотите, философией, со своими лидерами и авторитетами. Кстати, ее представители, а счет их идет уже на тысячи, вовсе не только подростки, но и люди, давно вышедшие из возраста бунтующих гормонов. Число увлекающихся и так или иначе участвующих в этом неформальном движении («движухе», как они его называют в сети) растет. Поисквик социальной сети «ВКонтакте» на запрос по сетевым группам, в название которых входит ключевое слово «зацепинг», показывает 356 сообществ. Прибавляйте к ним и 141 сообщество экстремалов с названием, в котором есть слово «зацепер» Приплюсуйте к ним еще 22 названия со

словом «электричкинг» — вот все показанное поисковиком «ВКонтакте». Число участников — от одного — двух человек до нескольких сотен и тысяч в каждом таком (нас впечатлило количество участников в одной из групп (открытой) любителей «покатушек» на электричках — 14 905). Все это говорит о том, что сегодня важно понять — что профессиональному сообществу и обществу с этим делать.

В чем же опасность и каковы причины этого сложного явления? По информации начальника подразделения по делам несовершеннолетних управления на транспорте МВД России по ЦФО подполковника полиции Елены Коренковой, с января по апрель 2016 г. в Центральном федеральном округе зафиксировано 444 факта травмирования на путях, из них 264 несовместимых с жизнью. Среди пострадавших — 25 детей, 12 из которых погибли⁶.

Убытки от безбилетников, нарушенные графики движения поездов, опоздавшие на стыковочные рейсы или работу пассажиры, — все это мало волнует любителей экстрима. Как и состояние их родителей, которым в лучшем случае придется отвечать перед законом, а в худшем — оплакивать своего неразумного ребенка. Да в России наказывают за зацепинг. Так, проезд снаружи поездов на железных дорогах общего пользования наказывается штрафом в размере 100 руб. (ст. 11.17, п. 1 КоАП РФ), проезд снаружи трамваев и безрельсового транспорта на дорогах общего пользования — 500 руб. (ст. 12.29, п. 1 КоАП РФ). Зацепинг — крайне опасный способ передвижения. Нередко он становится причиной несчастных случаев. Несчастные случаи при зацепинге происходят по следующим причинам: падение с поезда во время движения, в том числе под рельсы идущего состава; столкновение с препятствиями по ходу движения (например платформами, светофорными столбами, мостами, порталами тоннелей); удар электрическим током при проезде на электрифицированных линиях или при попытке запрыгнуть на крышу поезда с моста, в результате прикосновения или слишком близкого приближения

к контактной сети, токоприемнику, тормозным резисторам и токоведущим высоковольтным шинам, а также получение тепловых ожогов при прикосновении к нагретым тормозным резисторам.

Ряд причин появления зацепинга лежат на поверхности — молодежь не находит вариантов самовыражения, нет возможностей заниматься экстремальными видами спорта, зацепинг практически не наказуем и слишком доступен, можно «засветиться» в сети со своим подвигом.

Профессор Михаил Решетников советует искать причины этого явления, так же, как и причины других экстремальных увлечений, в дефиците позитивных эмоций, которые обязательно должны присутствовать в жизни каждого человека⁷.

Он отмечает, что к концу XX — началу XXI в. одной из доминирующих тенденций в обществе стал поиск ощущений. И не важно каких — позитивных, условно позитивных или негативных. Главное — чтобы они были и позволили человеку вырваться из круга обыденности, выделиться из толпы, хоть в чем-то проявить себя. Усугубили ситуацию навязываемые некоторыми СМИ идеалы общества потребления, а также огромные потоки информации, в основном негативной, оказывающие влияние не неокрепшие души молодых людей.

Специалисты видят не только хобби, но и другие причины занятия зацепингом. Так, психотерапевт Римма Дюсметова видит в нем скрытый суицид. Она пишет: «По-настоящему при скрытом суициде имеет место не прямое желание умереть, а навязчивый страх перед будущей смертью, невыносимость жить с сознанием неизбежности смерти, что толкает человека к роковым случайностям или пагубным зависимостям. Нередко они выглядят как жертвы катастроф, несчастных случаев, различных опасных увлечений, игр, экстремальных видов спорта»⁸.

Сначала о мифе — это подростковая проблема. Отметим, что среди зацеперов есть не только подростки, но и взрослые и даже пожилые люди (по данным комиссии по безопасности Общественной палаты РФ, в Москве к зацепингу имеют отношение порядка 5 — 8 тыс. человек в возрасте от 10 до 43 лет). Сердцевину групп зацеперов составляют не 12 — 17-летние пацаны, а вполне взрослые люди — их идеологи. О том, что они разные, свидетельствуют полицейские протоколы, беседы с ними, их заметки и комментарии на форумах в социальных сетях. Вот информация о двух погибших в августе 2016 г.

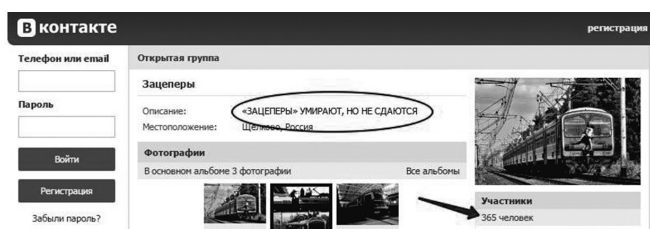
Один трагический случай произошел в районе станции Болшево: погиб 14-летний зацепер из Сергиева Посада. Как рассказали друзья погибшего, это была их третья поездка на крыше электропоезда. Во время нее вагон тряхнуло, и чтобы не слететь вниз, подросток схватился за оголенный токоприемник, так сказано на информационно-справочном портале города Сергиев Посад. После жалоб пассажиров вагона на запах гари сотрудники РЖД осмотрели крышу и обнаружили обуглившееся тело ребенка. Другое ЧП случилось на станции Хотьково. На крыше электрички обнаружили зацепера, погибшего от удара током. Как выяснилось, это был 31-летний москвич, который семь раз привлекался за нарушение правил поведения на железной дороге. Причем мужчина уже получал серьезные травмы, катаясь с внешней стороны поезда: в 2015 г. его госпитализировали с множественными переломами и черепно-мозговой травмой.

Среди зацеперов встречаются «бродяги-романтики», бескорыстно влюбленные в красоту и просторы Родины, мощь и скорость локомотивов, дали голубые, и то чувство свободы, о которой они часто говорят, выкладывая фото и описывая свои ощущения. Вот, что пишет и как объясняет свое увлечение 32-летний зацепер Владимир: «Нестандартные железнодорожные путешествия — это красочные захватывающие поездки! Именно это и управляет настоящим зацепером... Конечно, то, что мы делаем, очень опасно и дерзко, но я не вижу другого способа самовыражения, который сможет дать столько же адреналина, впечатлений, удовольствий и обалденного чувства свободы».

Летом 2016 г. транспортные полицейские сняли с поезда Москва — Санкт-Петербург влюбленную парочку. Их задержали вблизи станции Бологое и доставили в дежурную часть. На видеозаписи допроса видим, как 25-летний зацепер и его 21-летняя подруга признались, что они решили прокатиться ради острых ощущений.

Но есть и циники, которые могут под размещенным на форуме фото погибшего мальчишки-зацепера написать «+1 на Моссельмаше, браво!... Ставлю яжку (алкогольный напиток «Ягуар». — Прим. авт.), что за этот сезон уберется целая сотня». И в ответ еще комментарий: «Сотня вряд ли, но человек 20 — 30 за лето — может быть». Шокирующие фотографии изуродованных тел публикуют в тематических группах в социальных сетях сами зацеперы или антизацеперы.

Комментарии «коллег» в основном еще более пугающие, чем фото: «жареное мяско», «готовый горячий пирожок», «фарш»... Есть те, кто не прочь и подзаработать. На сайте одной из зацеперских групп нашлось и такое объявление: «В продаже появилась продукция З.Ц.П.Ч. (этой аббревиатурой зацеперы обозначают свое движение. — Прим. авт.). Со всеми вопросами обращаться к Гл. Админу — Саше П.». Эта часть не любит «школоту» — этих «малолетних дебилов», которые лезут на крыши, не зная элементарных правил техники безопасности, трогают токоведущее оборудование. Они не чувствуют своей ответственности за малолеток-пацанов, которых завораживает их «крутость», их «мужская» дружба, их бесцензурное (а очень часто и нецензурное) общение онлайн и оффлайн, то, что они — сообщество.

Среди зацеперов много учащихся и студентов, которые в свободное время не прочь прокатиться. «Зацеперы» определили свои правила безопасности, выдали сами себе лицензии и теперь инструктируют новичков, как «оседлать» вагон метро, где находится контактный рельс, и что случится, если до него дотронуться. Они делят всех катающихся на две категории: ЗЦПЧ (зацепинг) — люди, которые соблюдают правила, и УЕПЧ (с матерного на русский — «плохой» зацепинг) — люди, которые правила не соблюдают. «Гибнут в основном вторые».

Вот ряд портретов. В январе этого года на оранжевой ветке московской подземки полицейские метрополитена ловили замеченного на сцепке движущегося состава зацепера. На 20 минут контактный рельс линии был обесточен. Хулигана поймали лишь на третьей станции. Им оказался 25-летний студент Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана Константин Швец, в зацеперской среде имеющий большой авторитет как организатор первой группы зацеперов в сети. Не меньшей известностью у зацеперов-подростков пользуется и Сергей Ерохин — самый «олдовый» (возрастной. — Прим. авт.) зацепер. Этому «мальчишечке» 35 лет. Основатель группы фанатов «проезда в собаках на халяву» («собака» на языке зацеперов — поезд) Таран в обычной жизни — Денис Р., 29 лет, выпускник двух престижных столичных вузов и сотрудник ведущего отечественного научного центра в разработке систем управления в сфере авиации и ракетного вооружения.

Можно утверждать, что существует два типа зацеперов, объединенных единой философией своего увлечения. Первый тип — так называемые «лидеры» с ярко выраженным демонстративным поведением. Они агитируют на совершение подобных действий других

подростков и молодых людей, не имеющих должной эмоциональной зрелости и внутреннего стержня, и легкомысленно относящихся к зацепингу, что приводит к большому количеству инцидентов с их участием. Среди них поощряются «безголовость» и бездумные поступки. Вероятно, на данное увлечение их толкает несколько факторов: и желание выделиться среди толпы, и выразить свой некий протест обществу и системе (многие зацеперы оправдывают свои поступки высокими ценами на билет на электрички и желанием передвигаться бесплатно), и вызвать какую-либо реакцию других людей, обратить на себя внимание таким деструктивным способом. Второй тип, по-видимому, — это в большинстве своем подростки с зависимым типом поведения и «желанием повторять» за другими без просчитывания опасностей и идентифицирующими себя с вышеописанными героями. Как раз у таких людей увлечение зацепингом может повлечь за собой возникновение адреналиновой зависимости, что приведет к совершению все более необдуманных действий и в итоге к травмированию или гибели.

Приведем типичные ответы на вопрос: «Почему Вы занимаетесь зацепингом?»

Костя Я-кий (19 лет, стаж 5 лет): «Для меня это ни в коем случае не хобби, а способ проезда. Катаюсь в основном на электричках, но по выходным занимаюсь трейнхопом — это проезд на товарном поезде, для меня это что-то вроде путешествия и развлечения в выходной».

Тимофей Н-кий (18 лет, стаж зацепера — 3 года): «Мы этим занимаемся для экстрима, для ощущения безграничной свободы и яркости жизни».

Никита Г-в. (16 лет, стаж зацепера — 2,5 года): «Занимаюсь ради адреналина, чтобы убить время и когда нужно куда-то поехать, ибо считаю, что в вагоне жарко, душно, контролеры, бомжи, давка, алкаши. Снаружи же прохладно, весело, душа поет в общем».

Дима О-к (стаж зацепера — 1 год): «Потому что очень сильно нравится ЖД-транспорт, этот запах. Заодно решил разнообразить как-то свою обыденную жизнь».

Ответить на вопрос, как они туда попадают, достаточно просто — в подавляющем большинстве случаев сообщество зацеперов пополняется через Интернет. Какому 13 — 18-летнему сидельцу в Интернете не захочется попытаться стать своим в этом прекрасном мире «дерзких и свободных»?

Вот типичные ответы на опрос, который провели модераторы сайта одной из зацеперских групп: «Как вы попали в движуху?»:

Zaserep67 (менеджер, 18 лет): «Узнал из статьи в Инете про путешествия, называлась «Почему люди не путешествуют». На картинке человек на товарняке. Мне пришло в голову узнать про зацепинг, и понеслось...».

Yoshka (учащийся, 16 лет): «Надоело тупое однообразие стажа зацепера — школа — дом — зависы в Интернете...».

Roman (учащийся, 14 лет): «Я без билета ездию уже наверно с детства, а о группе (узнал в Итернете 2 года назад, когда искал способы проезда без билета в электричке. Уже 2 года как ездию без билета каждый день» (орфография ответа сохранена. — Прим. авт).

Nataly (студентка, 18 лет): «Очень хотела на море... И познакомилась на одном сайте с организатором поездки в Сочи на электричках. Мне понравилось, и я продолжаю свои путешествия».

Проанализировав полученные ответы, попытаемся найти что-то, объединяющее зацеперов? Во-первых, это люди, которые не получают должного признания в семье, на учебе, в коллективе, глубинно не ощущают себя как ценность, и они из-за тяжелой реальности уходят на сторону саморазрушения. Во-вторых, это люди, которые избрали путь самодеструкции из-за того, что действовать по-другому они просто не могут в силу своих личностных характеристик, интеллектуальной и духовной ограниченности. В их поступках присутствует некая внутренняя отчаянность, граничащая с ощущением вседозволенности и безнаказанности. Можно с уверенностью утверждать, что зацеперы эмоционально незрелы, инфантильны. Значительная часть из них не умеет получать удовольствие от жизни другими способами, кроме как постоянного получения адреналина и балансирования между жизнью и смертью. У них отсутствуют цели в жизни, потеряны смысл жизни и сдвинуты ценностные и моральные ориентиры.

Позиция власти, РЖД, правоохранителей, ученых, СМИ.

О возможностях профилактики девиантного поведения

В СМИ феномен зацеперства раскрывается довольно однобоко: это опасно и незаконно. Из 36 статей в СМИ такой акцент сделан в 34. Большинство родителей при таком подходе готовы сразу навесить ярлык на зацепинг, посадить своего ребенка под домашний арест. Между тем исследователи (социологи, психологи, педагоги) отмечают, что явление это далеко не так примитивно и просто. Важно не упустить из виду, что имеет смысл анализировать зацепинг не только с позиции опасности / безопасности и приемлемости в обществе, но и с позиции возраст-

ных особенностей, психологических проявлений самих зацеперов и отношений, складывающихся между подростками и их родителями.

Авторов интересных научных статей о зацепинге нашлось менее десятка. Так, Софья Цеге отмечает: «сам факт того, что дети увлеклись зацепингом, — это практически приглашение родителей к диалогу». Она указывает: «Это явление не однозначно, его можно рассматривать как внутри психологии подростка, так и «снаружи». Во многом это реакция формирующегося индивидуального сознания на то, что творится в обществе здесь и сейчас. Отсылки к телесности, физической ловкости и мощи — это стремление показать свою боевую готовность, мобильность в ситуации опасности, которую подростки, судя по всему, и ощущают во внешнем мире». Только в диалоге можно узнать о том, что волнует подростка, какие новые обретения он открывает в себе. К сожалению, констатирует Софья Цеге, повышенная тревожность старшего поколения не позволяет им принять приглашение к откровенному разговору и подростки вынужденно лавируют в потоках информации и эмоциональных волнах самостоятельно.

«Причины тяги к экстриму разные», — комментирует Александр Балыкин, спортивный психолог, генеральный директор Академии развития способностей «Гармония». — Социальное подражание, например, — это характерно для подростков. Для них родители уже не являются авторитетами, но механизм подражания еще остался, вот они и копируют то, что им кажется крутым, чтобы выделиться из толпы. Тут прямая дорога к экстриму — и в кино, и на ТВ настойчиво превозносятся типажи супергероев. Еще одна причина, провоцирующая безрассудные «спортподвижки», — наличие психического механизма типа «инверсия». Когда в сознании у вас опасное заменяется на неопасное и проч. Механизм этот запускается, например, при регулярном просмотре фильмов и программ с насилием, в результате чего начинает казаться, что тихая и спокойная жизнь — удел «глупых и слабых».

В борьбе с зацепингом задействованы все организации и структуры, работающие в сфере транспорта, но их усилий не всегда достаточно. Можно ли обычными официальными запретами, родительско-учительскими нотациями и разъяснениями («это опасно и так делать нельзя») застраховать подростков от их влечения к экстриму? Думаем, что нет, но применять все это, разумеется, надо. Используя при этом и старые добрые нотации, и возможности СМИ, и тот же Интернет.

В последние годы проводятся многочисленные рейды по «съему зацеперов» (в 2015 г. составили более 500 протоколов об административных правонарушениях, наказали 718 человек за разные нарушения), провели ряд «круглых» столов с привлечением специалистов и лидеров общественного мнения, внесены законодательные инициативы. 22 сентября 2015 г. в Москве прошла социальная кампания про-

тив зацепинга, или же проезда снаружи или над вагонами поездов. Цель акции — объяснить подросткам опасность такого увлечения. Слоган проводимой кампании — «Цепляйся за яркую жизнь! Не цепляйся за поезд!». Яркий плакат размещен на ряде сайтов.

Проведен ряд организационных и административно-хозяйственных мер. Для борьбы с зацеперами составы поездов и электричек оборудуют сейчас видеокамерами. Проблема зацепинга настолько серьезна, что ею озадачены и производители вагонов. Поверхность новых подвижных составов, например «Ласточки», гладкая, практически не за что зацепиться. На «Сапсаны» зацеперы сейчас могут прыгнуть только при наличии серьезного оборудования, стоимость которого достигает иногда до 300 тыс. руб. С 2016 г. новые поезда серии ЭП2Д, приобретаемые «ЦППК» у ОАО «Демидовский машиностроительный завод», сконструированы таким образом, что попасть на крышу поезда и в межвагонное пространство затруднительно или невозможно. Теперь в распоряжении машинистов есть съемные лестницы, а возможность зацепиться за поезд существенно снижена.

Проведенная Московско-Курской транспортной прокуратурой проверка установила, что «на интернет-сайте социальной сети «ВКонтакте» созданы и функционируют интернет-сообщества, содержащие на своих веб-страницах сведения, пропагандирующие и призывающие к проезду на железнодорожном транспорте запрещенным способом, на непредназначенных для проезда частях подвижного состава, что может повлечь причинение вреда жизни и здоровью граждан, в том числе несовершеннолетних». Транспортные прокуроры принимают меры реагирования к закрытию доступа пользователей к такой информации. Только по шести искам транспортных прокуроров судами вынесены решения о признании контента запрещенным к распространению на территории Российской Федерации и закрытии в соцсетях 131-й группы. Полицейские, изучающие сотни сайтов для подобного рода любителей экстрима, замечают, что здесь идет целенаправленная «обработка» молодых людей. Опасность зацепинга заключается в том, что выложенные ими в Интернет ролики вызывают у подростков восхищение и желание подражать зацеперам. Рекламные щиты, направленные против зацепинга, обычно оказывают противоположное действие, поскольку они не разъясняют его опасности.

Начальник подразделения по делам несовершеннолетних УТ МВД России по ЦФО подполковник полиции Елена Коренкова отмечает: «Мы ведем разъяснительную работу с детьми и родителями в детских садах и общеобразовательных школах. ЦППК сделала хороший фильм совместно с РЖД».

Интернет является не только способом пресечения хулиганских действий, но и ареной для свободного общения представителей закона и зацеперов. Сотрудники ООД ПДН УОООП УТ МВД России по Центральному федеральному округу создали в од-

ной из популярных социальных сетей свою страничку, посвященную молодежным движениям. Там они общаются с участниками различных группировок, пытаются понять их мотивы, желания и убеждения. Удивительно, но те же зацеперы с удовольствием идут на контакт. Только преследуют они свою цель: продемонстрировать неуязвимость и доказать, что никто и ничто не заставит их отказаться от своего увлечения.

Посредством такого общения правоохранительным органам удалось выяснить, что, в первую очередь, зацепинг привлекает молодых людей своей доступностью. Большинство представителей данного вида безумства утверждают, что предпочли бы зацепингу нечто подобное, но законное, например, занятия парашютным спортом или альпинизмом, если бы у них были деньги. Из этого следует очевидный вывод, что одним из способов борьбы с данной проблемой является усовершенствование и увеличение спортивных секций, кружков и клубов. А также усиление профилактических бесед с родителями, объяснение им необходимости посещения психолога, который сможет выявить уровень склонности ребенка к экстремальным видам спорта. И если показатели будут высоки, то настоятельно порекомендовать отдать их ребенка в соответствующую секцию. Однако такой способ борьбы с зацепингом касается лишь несовершеннолетних.

Ведется профилактическая работа и со взрослыми пропагандистами всевозможных зацеперских развлечений. Тут возможна и шоковая терапия.

Активно проявляет себя и движение «Антизацепер», участники которого вместе с охранниками РЖД и полицией регулярно проводят рейды вдоль железной дороги, снимают молодых людей с наружной части вагонов поездов, находят и заваривают «залазы» — так подростки называют бреши в ограде или удобные места, откуда можно незаметно за-

браться на подвижной состав. Они проводят с подростками профилактические беседы, привлекают для этого сотрудников правоохранительных органов. Часть участников движения «Антизацепер» борются с пропагандой опасного хобби и в Интернете: под видом подростков вступают в тематические группы, пытаются убедить «сверстников» оставить опасное занятие, применяют радикальный метод убеждения: общаясь с «зацеперами» на форумах, выкладывают снимки жертв — жуткие кадры с детскими телами, обгоревшими под огромным напряжением и разорванными под колесами. Сложно сказать, насколько действенны такие меры в отношении подростков, но любого взрослого от них бросает в дрожь.

Что мы можем им еще предложить? Спорт-экстрим без правонарушений! Хорошая альтернатива «зацепингу» — экстремальный спорт — выбирай, что по душе! «Школа каскадеров», езда на скейте, мотоспорт, уличная акробатика, велофристайл, виндсерфинг, дайвинг и проч. Тот же адреналин, но в мирных целях.

¹ Согласно статистике, в 2011 г. на железных дорогах России пострадали 290 несовершеннолетних, из которых 140 получили смертельные травмы; в 2014 г. в Московской области из-за незаконного проезда снаружи поездов пострадало 46 детей (в 2015 г. их количество возросло до 54). В 2016 г. зафиксировано 436 случаев травмирования на железных дорогах, более половины их участников сразу погибли.

² В данной статье представлен сравнительный анализ образа зацепера в СМИ, в опросах курсантов — участников научного кружка кафедры педагогики Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, в самоописаниях. Нами проанализированы 36 статей, выбранных по результатам поиска в системе google.ru. Использованы материалы интернет-групп зацеперов, форума зацеперов, а также опроса задержанных полицией зацеперов и их интервью через социальную сеть «ВКонтакте».

³ Змановская Е.В., Рыбников В.Ю. Девиантное поведение личности и группы. СПб., 2012.

⁴ Петровка 38. Доза смертельного адреналина. 2016. № 34. 16 сент.

⁵ ГУДОК. 2016. № 84. 25 апр.

⁶ Из материалов «круглого» стола, проведенного в сентябре 2016 г. УМВД России по ЦФО и Московским университетом МВД России имени В.Я. Кикотя.

⁷ Психология: практический курс. Брянск, 2014. С. 61.

⁸ Гавриэлова А. Зацепер установил рекорд поездок на крыше «Сапсана», 2012 // <http://www.mr7.ru/articles/49317/> (Дата обращения — 30.09.2016)

⁹ Как спасти «зацеперов // Аргументы и факты. 2013. № 17. 24 апр.

The role of the state in the formation of family as bases of moral education of the younger generation

Роль государства в становлении семьи как основы нравственного воспитания подрастающего поколения

Aleksandr Petrovich Khavrak,
associate professor of socio and economic sciences and humanities Department of Moscow regional branch of Kikot Moscow University of the Ministry of internal affairs of Russia, associate professor
E-mail: xavrak44@mail.ru

Александр Петрович Хаврак,
доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доцент
E-mail: xavrak44@mail.ru

Annotation. The article discusses the role of the family and the state in the socialization of the young generation, the necessity of more active and radical state's participation in this process, and proved the feasibility of the revision of the state policy in the activities of the media.

Keywords: family, state, economic stability, unemployment, the rising generation.

Аннотация. В статье рассматривается роль семьи и государства в социализации молодого поколения; обосновывается необходимость более активного и радикального участия государства в этом процессе; доказывается целесообразность пересмотра политики государства в отношении к деятельности средств массовой информации.

Ключевые слова: семья, государство, экономическая стабильность, безработица, подрастающее поколение.

Семья, как известно, есть историческое явление. В своем становлении в те или иные исторические периоды она прошла различные формы организации для оптимального удовлетворения естественных потребностей людей: половых, экономических, нравственных, духовных и других, а также в целях воспроизводства себе подобных и их первичной социализации.

Семья является начальной формой групповой жизни людей, так как именно здесь закладывается и формируется умение жить в обществе.

На эти ее основные функции обращали внимание мыслители древности, Нового времени, эпохи Просвещения, в XIX и XX веках.

В пятой заповеди Декалога Моисея в книге Исход, Ветхого Завета, четко сформулировано требование: «Почитай отца твоего и мать твою, [чтобы тебе было хорошо и] чтобы продлились дни твои на земле...» [1, с. 73].

В этом наставлении, с одной стороны, отражается возросший престиж родителей, семьи, ее экономической роли и правового положения, а с другой — то, что именно в семье закладывается

духовно-нравственная основа будущей личности.

В книге Премудрости Иисуса, сына Сирахова, дается прямое указание родителям в деле воспитания детей. «Есть у тебя сыновья? учи их и с юности нагибай шею их. Есть у тебя дочери? имей попечение о теле их...» [1, с. 648].

Иисус, сын Сирахова, также конкретизирует требования к детям. «Делом и словом почитай отца твоего и мать, чтобы пришло на тебя благословение от них... Сын! прими отца твоего в старости его и не огорчай его в жизни его. Хотя бы он и оскудел разумом, имей снисхождение и не пренебрегай им при полноте силы твоей...» [1, с. 645].

Таким образом, приведенные наставления древних убедительно свидетельствуют, что переоценить роль семьи в становлении молодого поколения невозможно!

Но для того чтобы она в полной мере могла осуществить свою роль в современной России, требуется, на наш взгляд, ряд действий со стороны государства.

Во-первых, оно должно создать условия экономической стабильности семьи; существенно уменьшить, если невозможно устранить, безработицу. А что мы имеем сейчас? Даже по официальным данным (что далеко от действительности), безработица на середину 2016 г. составила 4,4 млн, или 5,8% [7], в то же время на начало 2010 г. она составляла 3,2 — 3,5 млн. Это означает, что более 4 млн родителей не столько озабочены воспитанием своих детей, сколько вопросами добычи средств к существованию. От безысходности, особенно в сельской местности, работоспособное население «ударилось» в пьянство.

По официальным данным, более миллиона подростков бродяжничают, а государство только констатирует этот факт. Вместе с тем примеры роли государства в решении данного вопроса хорошо известны в нашей стране, например, по-

сле Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг.

Власть объясняет сложившуюся ситуацию отсутствием ресурсов. Однако многие политики, ученые указывают на колоссальные неиспользованные резервы; требуется только политическая воля.

Так, В. Лоскутов, доктор экономических наук, профессор в качестве примера приводит решения правительства Ф.Д. Рузвельта в годы Великой депрессии 30-х годов в США. В период своего первого президентского срока он поднял ставку подоходного налога для богатых с 24% до 63%, в годы второго президентского срока — до 79%, а к середине 50-х годов — до 91%. Это позволило выровнять неравенство доходов и стабилизировать политическую ситуацию [3].

В Западной Европе между бедными и богатыми разрыв в 6—7 раз, а в нашей стране, по словам Уполномоченного по правам человека РФ Эллы Памфиловой, достигает 16,5 раз. Если тенденцию не переломить, то по итогам 2017 г. разрыв может достигнуть 20 раз [7].

Во-вторых, еще классики утверждали, что средства массовой информации выполняют роль не только пропагандиста, но и агитатора. Однако государство позволило телевидению (самому мощному агитатору) жить по принципу «делайте, что хотите»! И во что в итоге превратилось телевидение? Что оно воспитывает, к чему призывает? Думают ли те, кто им управляет, что они «сеют»? Их интересует только рейтинг, поскольку он позволит дороже продавать рекламное время, а вместо серьезных аналитических передач — «мыльные» оперы, в которых обязательно присутствуют насилие, жестокость, аморальность и различные способы наживы, т.е. формируются определенные установки поведения, ценностные ориентиры.

И хотя, как утверждает А. Кончаловский, «Нам жаловаться не на кого! Пора самим братья за ум», «государство — это инструмент принуждения. И если этот инструмент не работает, или работает неправильно, то чело-

век потихоньку опускается. И, в конце концов, превращается в животное. Вниз дорога очень широкая, а наверх ведет узенькая тропка» [2].

И, в-третьих, как нам представляется, необходимо повернуться лицом к проблеме формирования нравственных норм, создать нетерпимость к злословию и другим проявлениям пошлости. Это возможно при условии не только общественного осуждения, но и административного воздействия соответствующих органов.

Исходя из вышесказанного можно констатировать факт возвращения к проблемам, которые очень четко были сформулированы еще в XVIII в. французским философом-просветителем Ж.Ж. Руссо в педагогическом трактате «Эмиль, или О воспитании».

Ж.Ж. Руссо утверждал, что общество основано на фундаменте частной собственности — порочно. И поэтому детей следует воспитывать в естественных условиях, формировать у них патриотизм, великодушие и справедливость [5].

Именно о необходимости активной и целенаправленной работы в этом направлении, особенно в последнее время, все чаще на различных форумах высказывается и Президент нашей страны В.В. Путин [6, с. 365—370].

Библиографический список

1. Библия. Ветхий Завет. Исход.
2. Нам жаловаться не на кого // Аргументы и факты. 2010. 16 мая.
3. Предательство Рузвельта // Аргументы и факты. 2010. 19 мая.
4. *ent от злобы* — достойная зарплата // Аргументы и факты. 2010. № 8.
5. Руссо Ж.Ж. Педагогические сочинения: В 2-х т. М., 1987.
6. Хаврак А.П. Фальсификация истории и проблемы формирования патриотизма // Вестник экономической безопасности. 2016. № 1.
7. info.sibnet.ru/article/471121/
8. gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru

The upbringing and education of youth and the problem of civilizational identity in Latin America: features of cultural synthesis

Воспитание и образование молодежи и проблема цивилизационной идентичности Латинской Америки: особенности культурного синтеза

Urbina Ovania Del' Sorokko Mendosa,
student of the faculty of training foreign experts of
Moscow University of the MIA of Russia named
after V.Ya. Kikot, senior Lieutenant of the interior
Ministry of the Republic Of Nicaragua

E-mail: office@unity-dana.ru

Dmitriy Vladimirovich Schikunov,
candidate of political sciences, docent, deputy
head of the department of sociology and political
science of Moscow University of the MIA of
Russia named after V.Ya. Kikot

E-mail: office@unity-dana.ru

Урбина Ования Дель Сокорро Мендоса,
слушатель факультета подготовки иностранных
специалистов Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя, старший лей-
тенант МВД Республики Никарагуа

Дмитрий Владимирович Шикун,
кандидат политических наук, доцент, замести-
тель начальника кафедры социологии и поли-
тологии Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

E-mail: office@unity-dana.ru

Annotation. The authors consider the process of upbringing and education of young people in terms of the analysis of the problem of civilization identity of Latin America. Revealed features of cultural synthesis.

Keywords: youth, the process of upbringing and education, civilizational identity, Latin America, the cultural synthesis.

Аннотация. Авторы рассматривают процесс воспитания и образования молодежи в аспекте анализа проблемы цивилизационной идентичности Латинской Америки. Раскрыты особенности культурного синтеза.

Ключевые слова: молодежь, процесс воспитания и образования, цивилизационная идентичность, Латинская Америка, культурный синтез.

Проблема воспитания и образования молодежи самым тесным образом связана с формированием цивилизационной идентичности. Этот факт был осознан уже одним из крупнейших просветителей Латинской Америки Симоном Родригесом (1771 — 1854), который, развивая идеи Симона Боливара, не только выдвинул идею создания новой «социальной цивилизации» Латинской Америки», но и связал эту идею с проблемой образования.

Перу С. Родригеса принадлежит важный педагогический труд «Об общественном образовании» (1825), в котором он писал о том, что в Европе лишь привилегированное меньшинство пользуется плодами просвещения. Народные же массы прозябают в отчаянной нищете и невежестве. Положение вещей, при котором подавляющее большинство народа отчуждено от знаний и культуры, С. Родригес называл чудовищным. В ответ на упоминания о достижениях европейского Просвещения он заметил: «Не говорите о мудрости и учености Европы... поскольку если мы откинем блестящие покрывала, то увидим ужа-

сающую картину ее бедности и ее пороков, которые особенно ясно заметны на фоне ее невежества».

Современная Латинская Америка — результат сложнейшего взаимодействия различных культур — автохтонной индейской, европейской (прежде всего иберийской) и афронегритянской. Исходный пункт разворачивания процессов, приведших в итоге к возникновению Латинской Америки в ее современном виде, — прямое столкновение индейского и иберийского миров в ходе открытия и завоевания Нового Света. Характер взаимоотношений встретившихся миров в ходе открытия был обусловлен как гигантским разрывом в их уровнях развития, так и особенностями культурной эволюции иберийской Европы, с одной стороны, и доколумбовой Америки — с другой.

К концу XV в., к моменту появления на континенте европейцев всем индейским обществам были свойственны следующие основные структурные характеристики: жесткая подчиненность всех этих обществ природным ритмам, безусловное преобладание тенденции адаптации к среде над попытками приспособить ее к собственным потребностям; вытекающее отсюда полное преобладание природной составляющей над человеческим элементом производительных сил; доминирование естественно сложившейся общности над индивидом, четко выраженная тенденция к растворению в подобной общности личностного начала; господство общинного архетипа как основы и системообразующего принципа доколумбовых обществ; качественное преобладание традиции над инновацией в системном единстве культуры; вытекающая из всех этих характеристик особенность исторической динамики автохтонных цивилизаций — циклическая форма социального движения¹.

Европейской цивилизации XVI в., в том числе иберийским народам, по сравнению с доколумбовыми обществами Нового Света были свойственны: совершенно другое соотношение между человеком и природой, несравненно более сильно выраженная тенденция приспособления внешней среды к человеческим потребностям, гораздо большая роль человеческого элемента и созданных людьми искусственных орудий труда в системе производительных сил; значительно более высокое положение личности по отношению к обществу и власти; более существенная роль инновационной стороны культуры; вытекающий из всех этих особенностей характер исторической динамики — преобладание в целом прогрессивной, поступательной формы социального движения.

Соотношение индоевропейской и автохтонной составляющих в процессе синтеза в различных районах Нового Света было неодинаковым. Однако в целом налицо несомненное преобладание испано-христианского начала, определившего основу формирующейся новой культурно-цивилизационной целостности. И не только потому, что иберийский конкистадор утверждал свою культуру как победитель, но и потому, что именно испанская культура была предрасположена к синтезу в большей степени, чем «высокие культуры» доколумбовой Америки. Испанская культура к XV — XVI вв. имела такую целостность, которая характеризовалась напряженным внутренним диалогом различных начал. Она выработала формы взаимодействия с иными культурами, прежде всего с арабской. Без опыта взаимодействия цивилизаций на Пиренейском полуострове был бы невозможен и культурный синтез по ту сторону Атлантики. В ходе этого взаимодействия испанская культура сформировалась как культура в целом открытая, основанная на полифонии, что предопределило своеобразие культурного развития Латинской Америки.

Своеобразие культурного синтеза в Латинской Америке иногда определяется как специфическая «барочность» культуры. «Латинская Америка, — утверждал известный писатель А. Карпентьер, — барочна, и она была такой еще до того, как стала «латинской», в чем нас убеждает орнаменталистика индейцев миштеков и майя»².

Барочность здесь уже не столько художественный стиль, сколько способ перевоплощения материи, являющийся константой человеческой культуры, которая, в отличие от классицизма, характеризуется отрицанием гладких поверхностей, пустых пространств, линейно-геометрической гармонии и геометрически организованного пространства в целом. Америка, будучи континентом симбиозов, изначально барочна. Барокко пронизывает все сферы жизни и пласты истории Америки — от скульптуры ацтеков, в храмах которых

нет ни метра незаполненного пространства, от книг «Чилам-Балам» и «Пополь-Вух» до творений испанских градостроителей и современных латиноамериканских писателей.

По мнению А. Карпентьера, причина расцвета барокко в Америке — дух креольства. «Наша история, — писал он, — совершенно иная с самого начала, ибо земля Америки стала местом самой сенсационной встречи разных этносов из всех известных в мировой истории: то была встреча индейца, негра и европейца, и всем им в дальнейшем суждено было смешаться друг с другом, и это было самое невероятное смешение, которое когда-либо можно было наблюдать. Оно и породило симбиоз культур, верований, народного искусства»³. Симбиоз и смешение порождают особую, поражающую своей необычностью, «чудесную реальность». Для Латинской Америки необычное — повседневность.

Политическая попытка цивилизационного самоопределения Латинской Америки была предпринята уже в начале XIX в., когда Симон Боливар (1783 — 1830) возглавил движение за освобождение Венесуэлы, Колумбия, Эквадор, Перу и Боливия. С. Боливар заявлял о необходимости создания единого и мощного государства, сравнимого со Священным союзом в Европе. В Латинской Америке должна быть одна власть, одни законы, одна и та же денежная система. Тогда, считал С. Боливар, можно будет разрешить внешние и внутренние проблемы, улучшить благосостояние народа, развить сельское хозяйство и промышленность, сделать просвещение доступным всем слоям населения. Тогда латиноамериканцам не будут страшны ни внешние, ни внутренние враги.

С. Боливар как никто иной понимал связь прогресса с образованием. Он выдвинул знаменитый революционный лозунг: «Образование для освобождения». Он прилагал огромные усилия для приобщения масс к знаниям, говоря: «Нации продвигаются к вершинам своего влияния в той мере, в какой им сопутствует образование. Они устремляются вперед, если вперед движется образование, пятятся назад, если оно деградирует, низвергаются в бездну и исчезают в небытие, когда ниспровергается основа образования или оно приходит в полный упадок»⁴. Другой же столп — нравственность. Это душа истории, без которой не бывает свершений и побед.

В основе деятельности всякого здорового государства лежат два важнейших элемента — мораль и образование. Выступая на Ангостурском конгрессе, С. Боливар заявил: «Мораль и просвещение должны стать нашими первоочередными задачами и обязанностями». Он требовал создать институты моральной власти, а важность образо-

вания подчеркивал, поскольку «невежественный народ — слепое орудие собственного уничтожения».

Андрес Бельо (1781 — 1865), прожив лишь незначительную часть жизни на родине в Венесуэле, тем не менее, оказал огромное влияние на интеллектуальную и духовную жизнь своего народа. Он изучал классические и современные языки, занимался историей, философией, географией. Отплыв в Европу в составе дипломатической миссии, А. Бельо более не возвращался на родину. Ему принадлежат классические труды: «Основы международного права» (1832), «Философия понимания» (1843), «Краткий курс истории литературы» (1850), «Грамматика кастильского языка для испаноамериканцев» (1847) и другие. Он стал вдохновителем и создателем «Гражданского кодекса» — труда, сыгравшего в Америке роль не меньшую, чем Кодекс Юстиниана для Римской империи или Кодекс Наполеона для Франции и Европы.

А. Бельо называют «великим светочем» американских народов. В своих педагогических воззрениях он был сторонником синтеза наук, единства культуры и образования. Без высокой культуры и духовности не может существовать и просвещение. А. Бельо принадлежит и такой афоризм: «Хорошие учителя, хорошие книги, хорошие методы, хорошее руководство образованием являются результатом исключительно высокого уровня развития духовной культуры»⁵.

Встретившиеся пятьсот лет назад в Америке цивилизации были чрезвычайно далеки друг от друга, поэтому линия отрицания чуждой реальности индейского мира прослеживается в поведении участников военной и духовной конкисты со всей очевидностью, хотя в целом взаимодействие культур не сводилось лишь к прямому столкновению.

В XVI в. зарождаются новые, более сложные формы такого взаимодействия.

В XVI — XVII вв. в Латинской Америке получила широкое распространение особая форма соединения взаимодействующих культур, которую можно охарактеризовать как симбиоз, т.е. такой тип системного единства, в рамках которого каждая из составляющих сохраняет себя, а нового качества не возникает. Таким способом сложился

симбиоз испанского колониального строя и индейской общины. В дальнейшем на основе симбиоза наблюдаются первые симптомы культурного синтеза. Появились и отдельные выдающиеся личности, духовный мир которых являл собой уже зрелые образцы нового культурного качества, возникшего в ходе взаимодействия индийской и испанской традиций. Следует при этом отметить, что процессы культурного синтеза наблюдаются практически исключительно в зонах «высоких культур» доколумбовой Америки, поскольку только здесь существовали достаточные коммуникативные условия для восприятия опыта такой культуры.

Многие современные российские ученые большое внимание сегодня уделяют проблеме соотношения ценностей цивилизационной идентичности с проблемой воспитания молодежи. Можно согласиться с мнением профессора В.Ю. Бельского, который пишет о том, что «именно от особенностей антропофактора... и зависит принципиальная разница между ведущими трансрегиональными цивилизациями»⁶.

Также можно согласиться и с мнением профессора А.Л. Золкина, который говорит о «многополярности грядущего мироустройства».

Прислушаемся к мнению крупнейшего мексиканского художника Хосе Клемента Ороско (1883 — 1949), который писал в 1923 г.: «Истинно национальное может основываться не на театрализованном гардеробе того или иного вида, не на той или иной простонародной песне весьма сомнительного качества, а на взятом в полном объеме нашем научном, промышленном или художественном вкладе в цивилизацию»⁷.

¹Шемякин Я.Г. Об особенностях цивилизационного процесса в Новом Свете в эпоху Конкисты // Цивилизации. М., 1995. С. 114.

²Карпентьер А. Мы искали и нашли себя. М., 1984. С. 222.

³Там же. С. 224.

⁴Цит. по: Золкин А.Л. Культурология. — М., 2009. С. 539.

⁵Культура Венесуэлы / Сб. ст. М., 1984. С. 79.

⁶Бельский В.Ю. Антропоцентрический подход в цивилизационных исследованиях // Социально-гуманитарное обозрение. 2016. № 1. С. 12.

⁷Костеневич А. Х.К. Ороско. — Л., 1969. С. 178.

УДК 1:001; 001.8 ББК Ю6

Public consciousness and domestic philosophical tradition in the context of the spiritual sovereignty of Russia

Общественное сознание и отечественная философская традиция в контексте проблем духовного суверенитета России

Dmitry Iosifovich Gryadovoy,
professor of philosophy at Moscow University
of MIA of —Russia named V.Ya. Kikot, doctor of
philosophical sciences, professor

Дмитрий Иосифович Грядовой,
профессор кафедры философии Московского
университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор философских наук, профессор

Научная специальность: 09.00.11 — социальная философия

Annotation. In April 2016 as a part of an permanently operating scientific-theoretical seminar «Modern philosophy: current ideas and trends» at the Department of philosophy of Moscow University of Ministry of Internal Affairs of Russia name V.Ya. Kikot held a «Round table» on «Public consciousness and domestic philosophical tradition in the context of the spiritual sovereignty of Russia». In the spotlight of participants of the discussion, which was attended by 16 scientists, there were problems of understanding the place and role of moral and legal consciousness of the public in the traditional ethical system of coordinates of the Russian culture and philosophy as factors that determine the preservation of the spiritual sovereignty of Russia in modern conditions of aggravation of the ideological and geopolitical confrontation of civilizations.

Keywords: public consciousness, mass consciousness, moral consciousness, legal consciousness, legal culture, legal nihilism, spiritual sovereignty, Russia.

Аннотация. В апреле 2016 г. в рамках постоянно действующего научно-теоретического семинара «Современная философия: актуальные идеи и тенденции» при кафедре философии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя состоялся «круглый стол» на тему «Общественное сознание и отечественная философская традиция в контексте проблем духовного суверенитета России». В центре внимания участников дискуссии, в которой приняли участие 16 ученых, находились проблемы осмысления места и роли морального и правового общественного сознания в системе традиционных этических координат отечественной культуры и философии как факторов, определяющих сохранение духовного суверенитета России в современных условиях обострения идеологического и геополитического противостояния цивилизаций.

Ключевые слова: общественное сознание, массовое сознание, моральное сознание, правовое сознание, правовая культура, правовой нигилизм, духовный суверенитет, Россия.

При кафедре философии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя уже давно и постоянно действует научно-теоретический

семинар «Современная философия: актуальные идеи и тенденции», с результатами работы которого научная общественность может ознакомиться, в частности, по материалам ставших за последние пять лет регулярными сборников научных трудов «Философские исследования и современность» (выпуски 2012¹, 2013², 2014³, 2015⁴, 2016⁵ гг.). В апреле 2016 г. в рамках этого семинара состоялся «круглый стол» на тему «Общественное сознание и отечественная философская традиция в контексте проблем духовного суверенитета России». В центре внимания участников дискуссии, в которой приняли участие 16 ученых, находились проблемы осмысления места и роли морального и правового общественного сознания в системе традиционных этических координат отечественной культуры и философии как факторов, определяющих сохранение духовного суверенитета России в современных условиях обострения идеологического и геополитического противостояния цивилизаций. Ниже вниманию читателей журнала представлена сокращенная версия записи этой дискуссии.

Материалы подготовлены к публикации коллективом авторов кафедры философии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя (С.Р. Аблеев, начальник кафедры, доктор философских наук, доцент; А.А. Васечко, преподаватель кафедры, кандидат юридических наук; Н.В. Галанина, доцент кафедры, кандидат философских наук; А.Л. Золкин, профессор кафедры, доктор философских наук, доцент; П.П. Марченя, заместитель начальника кафедры, кандидат исторических наук, доцент; Н.Ф. Медушевская, профессор кафедры, доктор юридических наук, доцент; А.В. Митин, доцент кафедры, кандидат философских наук; С.В. Михалёв, старший преподаватель кафедры, кандидат философских наук; В.В. Неганов, старший преподаватель кафедры, кандидат философских наук; Н.В. Стрелкова, заместитель начальника кафедры, кандидат социологических наук, доцент; Т.Н. Фролова, доцент кафедры, кандидат социологических наук, доцент; А.В. Черти-

щев, профессор кафедры, доктор исторических наук, доцент; Г.В. Шашурина, доцент кафедры, кандидат социологических наук, доцент; К.С. Щелоков, преподаватель кафедры, кандидат юридических наук) с участием специалистов других вузов (С.И. Кузьминская, доцент центра лингвистики и профессиональной коммуникации Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат филологических наук; С.Ю. Разин, проректор по воспитательной работе и связям с общественностью Московского экономического института).

С.Р. Аблеев. «Моральные истоки правосознания»

Сегодня в рамках нашего уже ставшего традиционным семинара мы проводим заседание «круглого стола» на исключительно актуальную тему. В настоящее время, когда битва за умы и души, за массы и массовое сознание становится решающим фактором в защите исконного права страны на выбор собственного пути развития, проблема защиты духовного суверенитета России стоит, возможно, как никогда остро. И одним из наиболее важных факторов духовного суверенитета государства и общества является общественное правовое сознание. В европейской философской традиции сознание правовое было всегда тесно связано с сознанием моральным. Как правило, правовое поведение выступает своеобразной разновидностью морального поведения, так как предполагает почтительное отношение не только к юридическому, но и к нравственному закону. Справедливые нормы права возникают как социальное отражение искомой этической справедливости, подкрепленной и реализуемой силой государственной машины. В русской философии права моральные основания правосознания порой приобретают даже более существенное значение, чем в европейской или американской ментальности. Не случайно в российском мировосприятии этический концепт «Правда» на протяжении многих веков доминирует над правовым концептом «Закон».

Таким образом, тесная связь морали и права существует не только в отвлеченных теоретических исследованиях философов или правоведов, но и в массовом сознании. Совершенно очевидно, что нравственная деформация массового сознания в культурном пространстве постсоветских республик в течение последнего десятилетия XX в. породила целый шлейф негативных правовых последствий. Одним из самых разрушительных из них явился масштабный кризис правосознания со всеми вытекающими из него социальными проблемами: пренебрежением к правам человека, ростом преступности, распространением правового нигилизма и угрожающего неуважения к закону как со стороны общества, так и со стороны представителей власти.

В этих условиях укрепление общественного правосознания должно проводиться в системе морально-нравственных координат. Уровень правосознания есть прямая социокультурная функция этического состояния общества. Разрушение моральных основ личности и нравственных устоев социальной системы

будет неизбежно порождать углубление кризиса правосознания. Этот процесс невозможно остановить только нормотворческой или правоохранительной деятельностью. Поэтому отладка механизмов правового принуждения (т.е. полицейская функция государства) должна сопровождаться укреплением морально-нравственного здоровья гражданина и общества в целом. Эта задача предполагает серьезное переосмысление этической картины мира современной цивилизации, которая, очевидно, уже мало соответствует стремительному ритму политических, экономических, культурных и экологических трансформаций.

Среди множества конкурирующих этических концепций и программ выделяется концепция так называемой синергичной этики, развивающаяся в русле нового евразийского философского гнозиса XIX — XXI вв. На наш взгляд, она имеет существенные преимущества перед влиятельными сейчас этическими программами утилитаризма, прагматизма и философии постмодерна. Эти преимущества позволяют использовать философскую программу синергичной этики в самых различных сферах общественной жизни, в том числе для противодействия правовому нигилизму и укрепления правосознания.

Н.Ф. Медушевская. «Особенности российского правового сознания»

Мне также хотелось бы остановиться на правовом сознании, его особенностях и отличиях от западного, поскольку в настоящее время инновационное развитие России наталкивается на трудности не только социально-экономического, но и правового характера. Российское правовое сознание неоднозначно воспринимает те западные правовые заимствования, которые ориентированы на личную ответственность, индивидуализм, самостоятельность, правовую дисциплинированность, гражданское общество. Наша правовая культура глубоко традиционна, она пронизана идеями, идущими из глубины веков, находится под влиянием правового менталитета с такими чертами, как аполитичность, монархизм, осторожность к чужим культурным обычаям, пассивность и др. Внепрактический подход к праву не способствует его восприятию как самостоятельного экзистенциального духовного феномена. Теоцентризм и эсхатологизм общественного сознания способствовали формированию несбыточных надежд и мечтаний о рае на Земле. С этим связана легенда о Граде Китеже, скрытом под озером, в которой отражается мессианский настрой народной молвы и православного самосознания, претензии на особость и утопизм общественного сознания (и правосознания, в частности), поиски Царства, основанного на Правде.

Традиционализм есть показатель высокого уровня цивилизационной устойчивости социума, но одновременно он говорит о низкой восприимчивости к любым, в том числе и позитивным заимствованиям, к числу которых относится уважение к закону, строгое соблюдение норм правопорядка, правовая дисциплинированность, личная ответственность и активность в гражданской жизни. В России правовые традиции не сочета-

лись с правами личности, ее правосубъектностью, что способствовало развитию склонности возмещать недостаточность позитивного анализа реальности утопическими идеями и моральными поучениями.

Н.В. Стрелкова. «Право и свобода в России»

Нельзя не согласиться с выступлением профессора Н.Ф. Медушевской. Хотелось бы в связи с этим добавить, что в России право долгое время рассматривалось как дополнение нравственности, средство насилия и принуждения. Право становилось не мерой свободы, а, наоборот, выражением несвободы и государственного произвола. Одновременно следует отметить, что правовые традиции выполняют функцию обоснования правовой культуры, что делает полнокровной и оправданной общественную и правовую жизнь. Правовые традиции обосновывают ценностное отношение к правовой жизни, когда рефлексия права способствует становлению правового сознания как предпосылки цивилизованного государства. Одной из важнейших ценностей права является свобода, но в России она понимается как формальная свобода, вольность. В советский период она трансформировалась в мечту трудящихся о будущем «Царстве Свободы», куда они попадут путем борьбы и отказа от материальных благ. А уже в постсоветский период появляется и понимание свободы как свободы от закона и обязательств по отношению к обществу, государству и подчас к самому себе.

Но следует помнить, что свобода не вытекает из исторического бытия нашей страны. Еще И.А. Ильин предупреждал, что свобода — это не «удобство жизни», а тяжкая обязанность, до которой надо подняться и суметь ее вынести, преодолев в себе стремление ко вседозволенности. Свободе надо научиться, воспитать себя в ней и самоактуализироваться.

С.В. Михалёв. «Индивидуализм и соборность в системе цивилизационных ценностей»

Хотелось бы выделить еще один важнейший момент в цивилизационном духовно-нравственном становлении российского общества. Традиционной ценностью западного человека является индивидуализм, собственно говоря, он соотносится с либеральными началами европейской жизни, которыми так гордится постиндустриальное общество западного типа. Для отечественного же общественного сознания индивидуализм не только не является ценностью первого порядка, напротив, он рассматривается как отрицательный, побочный продукт западного общества. В России индивидуализму и эгоизму противостоит соборность как одна из наиболее характерных ментальных установок, на которой базируется общинная психология народа и коллективистская культура.

Славянофилы мироустройство основывали на соборности общинного духа. Защищая идеалы общины, они были яркими противниками западного индивидуализма, считая, что для соборного образа жизни свобода коренится в общине, и в ней человек не покинут и не одинок. С.Л. Франк отмечает, что только благодаря соборности «Я» обретает свою истинную свободу и самобытность. К сожалению, глубинное понятие собор-

ности оказалось не понято народом, а единение «Я» в «Мы» на основе любви к Богу трансформировалось в любовь к лидеру, партии, главе государства. Наше уязвимое место — слабость, пассивность нравственной личности, поэтому еще К.Д. Кавелин прямо указывал на необходимость выработки теории «личной самостоятельности и воли». Россиянам следует подняться до истинно нравственной свободной личности путем формирования индивидуальной ответственности, самостоятельности и гражданской культуры.

П.П. Марченя. «Миф о русском правовом нигилизме как инструмент информационно-психологической войны»

В продолжение темы русского правового сознания я бы обратил внимание коллег на необходимость осторожнее пользоваться самим термином «правовой нигилизм», когда речь идет об исторически обусловленных особенностях общественного сознания целого народа, культуры, цивилизации. В истории реально не существует никаких «правонигилистичных» народов (в случае если уж они имеют собственные государственность и право) — есть лишь народы, которым пытаются навязать чужую, исторически чуждую им «правовую реальность». Нигилизм (в том числе «правовой») по отношению к чужеродным искусственным изменениям цивилизационных констант является проявлением здорового правосознания. Именуемый «правовым нигилизмом» негативизм массового сознания является функциональным проявлением механизма самозащиты исторически конкретной цивилизации — а наличие такого негативизма по отношению к неправомерному и неправомерному свидетельствует как раз о том, что национальное правовое чувство живо.

Сам миф о «правовом нигилизме» как якобы устойчивой характеристике русского народа, его культуры и истории основан на нигилистичном отношении культурных агентов одной цивилизации к ценностям цивилизации другой. Употребление термина «правовой нигилизм» в таком контексте является аксиологической проблемой цивилизационной идентичности и одним из ее критериев и служит одним из значимых инструментов в современной информационно-психологической войне цивилизаций. «Элитарное» отрицание права собственного народа на свое, отличное от народов иных правовое сознание само по себе является худшей формой культурного и исторического нигилизма и несет в себе не только неспособность подобных «элит» на какие-либо серьезные политико-правовые «инновации», но и опасность для реального суверенитета России — как духовного, так и всякого другого.

С.Ю. Разин. «Правовой нигилизм» и правовой дуализм как факторы Русской революции»

Я хотел бы принять от П.П. Марченя эстафету и сказать несколько слов о так называемом «правовом нигилизме» россиян. Представление о низком уровне правосознания и правовой культуры большинства населения России — это один из самых устойчивых западнцентристских мифов, на протяжении десятилетий существующих и в общественном сознании, и в

историографии. Такая позиция предполагает существование некоего универсального, всемирного, общечеловеческого права, единого правового сознания и единой правовой культуры, которые отрицаются «темными» и «отсталыми» народами. В качестве лидера и эталона для подражания в данном случае рассматривается западная цивилизация и сложившиеся в ее недрах позитивное право и либеральная правовая культура. При этом отрицается сама возможность существования иного права и иной правовой культуры.

История государства и права революционной России не укладывается в прокрустово ложе данной схемы. Свообразным проявлением социокультурного раскола, являвшегося определяющей чертой всей Новейшей истории России, стал дуализм отечественной правовой системы начала XX в. «Верхи» и «низы» общества существовали в разных правовых пространствах. Для первых таким пространством являлось позитивное право, для вторых — крестьянское обычное право. В этом контексте следует иначе подходить к рассмотрению феномена «правового нигилизма» и рассматривать его не как отрицание права вообще, а как отрицание чужого для крестьянского культурного архетипа позитивного права.

Эпоха Русской революции стала временем, когда в масштабах империи под лозунгом «революционного правотворчества снизу» было практически реализовано крестьянское обычное право. Сошлось здесь на мнение видного деятеля кадетской партии А.С. Изгоева, писавшего о том, что в 1917 г. победило общинное право, которое, опираясь на миллионы вооруженных крестьян в серых шинелях, стремилось раздвинуть границы общины до пределов всей империи. Тем самым были насильственно устранены носители чужого права, преодолен правовой дуализм и восстановлено правовое единство нации.

А.А. Васечко. «Роль правовой культуры в реализации норм права»

С темой правового сознания в контексте проблем духовного суверенитета России теснейшим образом связана и тема правовой культуры нашего общества. Одним из важнейших показателей эффективности права является его реализация в практической сфере. Действие правовых норм не ограничивается только нормативной составляющей; правовые нормы, понимаемые в широком смысле как все то, что порождает право в любом его виде, взаимодействуют с другими неюридическими элементами правовой системы. Для того чтобы быть способными регулировать общественные отношения и оправдывать свое нормативное предназначение, нормы права должны быть выработаны в соответствующей культурной среде или, по крайней мере, быть восприняты ею как свои собственные и в итоге утвердиться в сознании индивида, общества.

Культура в данном случае рассматривается в самом широком смысле как совокупность таких элементов, как экономика, государство, право, обычаи, нравственность, мораль, религия, язык, наука, философия, идеология...

Правовая культура представляет собой характеристику идейно-правового состояния общества, дает качественную оценку всех социальных институтов общества. По большей части она определяется историческими, социальными, национальными, духовными особенностями общества, его самобытностью. В связи с этим принято говорить о двух полярных культурных традициях — западной и восточной, в качестве самостоятельной правовой культуры выделяют также мусульманскую. Их взаимодействие и диалог возможны при выполнении ряда условий: равенства культур, их взаимного уважения, признания права на существование отличий в каждой культуре, признания правового и культурного плюрализма. Это особо актуально для России как многонационального и многоконфессионального государства и ряда стран Западной Европы (Нидерланды, Франция и др.). Игнорировать эти объективные условия означает намеренно создавать конфликтные ситуации.

При этом необходимо понимать, что состояние правовой культуры не является неизменным, а ее изменение возможно с помощью саморазвития, посредством иных правовых положений и идей, через контакт с другими правовыми культурами. Подтверждением тому служит масса положительных результатов такого диалога, в том числе и в праве (рецепция права).

А.В. Митин. «Патриотизм как нравственная основа жизнеспособности государства»

В развитие темы правовой культуры позвольте реплику. Социальная ценность правовой культуры заключается в том, что она является необходимым условием активной правовой политики. Правовая культура выражает не пассивно-потребительское отношение к ценностям правового характера, а активно-творческое, направленное на реализацию его интересов, которое находит свое выражение в правовой деятельности.

И особо в контексте темы нашего «круглого стола» хотелось бы выделить проблему патриотизма, его всемерного воспитания и поддержания. Вне этой темы говорить о духовном суверенитете России просто не имеет смысла. Именно патриотизм является нравственной основой жизнеспособности государства и выступает в качестве важного внутреннего мобилизующего ресурса развития общества, активной гражданской позиции личности, готовности ее к самоотверженному служению своему Отечеству. Патриотизм как социальное явление является цементирующей основой существования и развития любых наций и государственности. Тем более актуальна эта тема для современной России.

С.И. Кузьминская. «Массовая культура как доминирующий фактор в формировании массового сознания»

Думаю, в русле проблематики этого «круглого стола» уместно будет сказать не только о культуре правовой, но и о проблеме массовой культуры как доминирующего фактора в формировании массового сознания. Ориентация массового сознания на западную культурную картину мира приводит к тому, что нехарактерные для русской национальной культуры мировоззренче-

ские установки (индивидуализм, эгоцентризм, личная выгода...) становятся частью национальной ментальности, вытесняя традиционные духовные ориентиры (труд, подвиг, жертвенность, коллективизм...).

Деформация культурной картины мира начинает происходить с самого раннего детства. Под влиянием продуктов массовой культуры западного образца подрастающие поколения интенсивно впитывают псевдокультурные ценности и негативные ментальные интенции. В частности, следует отметить возрастающий интерес подростков и молодежи к инфернальной реальности. На языковом уровне эта тенденция объективируется с помощью различных лексических единиц, в том числе и заимствований (гоблины, монстры, вампиры, зомби...), которые активно используются детьми в играх и межличностной коммуникации. При этом многие кинофильмы, мультсериалы, новые направления в музыке и искусстве транслируют ложную идею о том, что Зло — это почти то же самое, что и Добро. Таким образом, в сознании подрастающего поколения происходит размывание этических и эстетических границ между добром и злом, прекрасным и безобразным, возвышенным и низменным...

Безусловно, каждая культура имеет свой определенный позитивный опыт и достижения. В том числе и западная культура. Проблема заключается в том, что массовый обыватель не стремится к объективной оценке заимствованных фрагментов чужой культуры и не проводит дифференциации между формами действительно ценными и совершенно негативными, препятствующими дальнейшему развитию общества.

Н.В. Галанина. «Российский культурно-исторический тип в условиях глобализации»

В условиях глобализирующегося пространства остро встает вопрос о культурном и цивилизационном суверенитете России. Во всем мире сейчас происходит глубокий кризис идентичности национальных культур. Глобалисты уже провозгласили полную «победу» международного разделения труда над национальным суверенитетом. Антиглобалисты, по существу соглашаясь с глобалистами, оценивают данный факт отрицательно и призывают человечество перейти к противостоянию силе международного капитала, к борьбе за сохранение суверенитета, за протекционизм и за укрепление госрегулирования. Для России вновь актуальным становится вопрос, заданный П.Я. Чаадаевым о месте России в мировой истории — и о судьбе русского народа. Глядя на себя, мы все чаще спрашиваем: не потеряли ли мы свою идентичность, что мы представляем собой, каков наш путь и жива ли еще душа нашей культуры? Надо непрерывно и организованно искать и поддерживать свою идентичность в глобализирующемся мире.

Учение о культурно-исторических типах, заложенное Н.Я. Данилевским, требует, как показала современная история, дальнейшего развития. Конкретный культурно-исторический тип российской культуры еще жив, присущий только нам менталитет еще выделяется, делаются попытки на государственном уровне искать объединяющую нас идею и развивать патриотизм,

следовательно, мы еще боремся за свою уникальность и ищем пути слияния с миром... но в рамках своего неповторимого культурного бытия.

А.Л. Золкин. «Кризис Запада и цивилизационный суверенитет России»

Традиционная для русской философии полемика славянофилов и западников в настоящее время претерпела существенные изменения. Если прежде речь шла лишь о проблеме самоопределения России по отношению к Западу как к лидеру мирового развития, то в настоящее время следует говорить уже об обосновании и оформлении культурной альтернативы западному цивилизационному универсализму.

События последних лет показали, что западная цивилизация вступила в период глубокого кризиса. Скоро исполнится сто лет с момента выхода произведения О. Шпенглера «Закат Запада» (в России известного как «Закат Европы»). Несмотря на то что за это время Запад пережил множество кризисов, в настоящее время возникает ощущение того, что высказанные в этой книге прогнозы начинают сбываться. Запад теряет право на определение общего смысла перспектив развития человечества. Впрочем, не исключено, что это право теряет Европа, а глубинные тенденции «Запада» в будущем может реализовывать иной субъект. Европа уже превращается в локальную культуру, которая тихо ропщет время от времени по поводу универсализма «Нового Запада», воплощенного в США и Великобритании.

В этой перспективе становится очевидным, что государственный суверенитет России должен быть расширен до цивилизационного суверенитета, который предполагает определенную картину всего мирового порядка. В настоящее время на повестке дня стоит проблема построения многополярного мира. После этого можно говорить о пути к новому планетарному единству человечества через процесс диалога культур и цивилизаций.

А.В. Чертищев. «Двойное сознание русской интеллигенции»

Говоря о роли общественного сознания и отечественной интеллектуальной традиции в связи с проблемами духовного суверенитета России, было бы неправильно обойти тему некоторых особенностей сознания русской интеллигенции, прямо и косвенно влияющих на указанные процессы.

Как известно, само слово интеллигенция происходит от латинского слова *intellegere* (*inter* и *legere*), что значит «читать между, среди, промеж», т.е. за видимым буквенным знаком слова распознавать его внутренние смыслы. Родственными значениями этого концепта следует считать понятия «познавать», «разуметь», «постигать», «понимать», «сознавать», «различать», «замечать»

На всем бытии русской интеллигенции лежит отпечаток всепроникающей раздвоенности, или, по мнению В. Кормера, принцип двойного сознания, который был заимствован им из произведения «1984» Дж. Оруэлла, где содержание этого принципа раскрывается в трех лозунгах победившей партии: «Мир — это вой-

на»; «Свобода — это рабство»; «Любовь — это ненависть». На этом же построен весь сюжет романа: люди и знают и не знают правды. Двойное сознание русской интеллигенции — это такое состояние ее сознания, для которого принципом стал двойственный, взаимопротиворечивый, сочетающий взаимоисключающие начала этос (обожествление народа и высокомерие к нему), принципом стала опровергающая сама себя система оценок текущих событий, истории, социума (ненависть к власти и лакейство).

На наш взгляд, в основе такой раздвоенности лежит драма, возникающая в результате невозможности сделать окончательный выбор, не потеряв своего лица, выбор между своей программой личности и творца («идеальный интеллигент»), с одной стороны, и программой интеллигента как частицы социума («социальный интеллигент») — с другой. Парные оппозиции, применимые к русской интеллигенции, находящейся в бинарной системе координат российской действительности, как нельзя лучше характеризуют такое ее состояние (культ высокого слова — культ высокого деяния; служение истине — служение людям; свобода воли и мысли — моральные обязательства; фундаментальная критика — социальная ответственность; новации и творчество — традиции и каноны; самопознание и самореализация — познание другого и для других; общечеловеческие ценности — партикулярные ценности; ойкуменическое гражданство — патриотизм (этатизм); избранничество (элитаризм) — народолюбие (эгалитаризм); либерально-персоналистская ориентация — демократическая и социалистическая ориентация... и т.д.

Г.В. Шашурина. «Духовный суверенитет как высшая ступень суверенитета»

Несколько слов о самом термине «духовный суверенитет» и связанных с ним терминах. В самом широком смысле лежащее в основе современного международного права понятие суверенитета относится к политической области и понимается как независимость отдельно взятого государства, прежде всего в правовом отношении. И обеспечивается он, в первую очередь, созданием системы внутренней и внешней безопасности страны. На современном этапе одной из важнейших является проблема выживания человечества, связанная с решением огромного множества подпроблем, решение которых и можно обозначить понятием «безопасность». Государственная безопасность должна обеспечивать предупреждение и ограждение его от опасностей, ему угрожающих, а также сохранение стабильности существования данного государства; это процесс, развертывающийся во времени и пространстве. Внутренняя безопасность России, как и всякого другого суверенного государства, в своей основе обеспечивает соблюдение прав человека (не только декларативно, но и по существу), сочетание стабильности и динамики, обеспечение развития в соответствии с существующими законами и соблюдение интересов большинства своих граждан.

Высшей ступенью утверждения суверенитета страны при современном уровне развития цивилизации яв-

ляется духовный суверенитет, в основе которого лежат ценности, разделяемые и уважаемые большинством общества. Борьба за духовный суверенитет России, ее традиционные ценности и уникальную культуру, мораль и нравственность становится сегодня борьбой за выживание и будущее нашей Родины. Это требует, прежде всего, внутреннего переосмысления каждым человеком своих жизненных установок, а также совместных усилий и борьбы общества и государства за духовно-нравственное возрождение российского народа, что невозможно без использования исторического опыта отечественных философских традиций, дающих ключ к решению огромного количества проблем.

Т.Н. Фролова. «О толерантности по-русски»

Важнейшей составляющей суверенитета России как самобытной страны является духовный суверенитет, опора на ее традиционные ценности, культуру, мораль и нравственность, на духовную общность многонационального народа России. В то же время обеспечение гражданского согласия в полиэтничном и поликонфессиональном социуме невозможно без толерантности. Понятие «толерантность», воспевавшееся западным обществом долгое время, сегодня воспринимается многими как символ краха политики мультикультурализма. Но стоит ли действительно отказываться от принципа терпимости и понимания «другого» по обычаям, верованиям, языку?

Не умаляя проблем межнационального и межконфессионального согласия в современном российском обществе, все-таки можно сказать, что у России есть положительный опыт многовекового совместного проживания разных народов.

Во-первых, этноконфессиональное разнообразие России несравнимо богаче, чем в европейских странах. При этом сохранение такого многообразия всегда учитывалось в национальной политике страны.

Во-вторых, само понимание русского слова «терпимость», лежащего в основе отношения «русских» к иным общностям, с западным понятием толерантности не совпадает. По В. Далю оно означает терпеливое, милосердное, снисходительное отношение к другим культурам. Фундаментальное различие в этих подходах заключается в отношении к антагонистическим иномыслиям, угрожающим самому существованию базовой культуры. Абсолютное смирение и отказ от сопротивления агрессии чуждого мировоззрения, характерные для западного принципа толерантности, в корне отличны от принципа терпимости, характерного для русской культуры.

В.В. Неганов. «Цивилизационный выбор России»

Тема нашего «круглого стола» связана с сегодняшним обострением актуальности проблемы цивилизационного выбора России. Кризис современной западной цивилизации проявляется все ярче. С одной стороны, агрессивная пропаганда «общечеловеческих» либеральных ценностей, где при помощи двойных стандартов и манипуляций сознанием защита прав меньшинств приводит к ущемлению прав большинства. С другой

стороны, все более заметную роль в европейском обществе начинает играть близкий к сектантству религиозный фундаментализм. Экономический кризис, релятивизм нравственности, неконтролируемые миграционные потоки, постоянно разжигаемые вооруженные конфликты, а также страх перед угрозой терроризма ставит западную цивилизацию перед выбором из этих двух крайностей. Европа уже никогда не будет прежней, какой бы выбор она не сделала. Что же ожидает Россию как неотъемлемую часть мировой и том числе европейской цивилизации?

На мой взгляд, чтобы не оказаться вынужденными выбирать из двух равновеликих зол меньшее, людям — носителям русской культуры следует идти путем Добра. Добро, понимаемое как абсолютная духовная ценность, основанная на христианском идеале справедливости как Высшей Правды и человека как образа и подобия Божия, способно стать подлинным основанием цивилизационного выбора своего будущего. Именно такой выбор позволял России в прошлом преодолевать смуты и самые страшные бедствия. И в современной ситуации следование традиционным для русской культуры духовным ценностям может позволить избежать чужденско-ненавистнических теорий, базирующихся на манипуляциях сознанием людей, потакании их низменным страстям, невежеству и эгоизму.

Признание за человеком высокого духовного достоинства и высших идеалов служения семье, Родине, человечеству и Богу способно стать прочным основанием для цивилизационного выбора России.

К.С. Щёлоков. «Консервативная мысль и формирование устойчивого общественного организма в России»

В заключение разрешите сказать несколько слов о роли консервативной мысли для формирования устойчивого общественного организма в России как основе ее суверенитета. Каскад революционных событий, дестабилизаций общественно-политической жизни, зачастую сопровождающихся изменениями государственного строя, интервенциями, затронувшими многие страны Европы, Ближнего Востока и Северной Африки, свидетельствует о серьезном кризисе мирового порядка. Со всей очевидностью становится ясно, что в новых исторических условиях

устойчивым может оставаться лишь государство с гармоничным взаимодействием государства и общества.

Анализ логики развития различных сфер общественной жизни России в начале XXI в. убедительно свидетельствует, что исчерпан позитивный потенциал либеральной идеи, развернутой у нас после крушения Советского Союза. Отсутствие консенсуса между элитой и остальным обществом приводит к возрастанию социальной напряженности и снижает устойчивость общественного развития. Вместе с тем следует признать, что явно нереализуемыми являются попытки повторения социалистического сценария развития России. Именно поэтому важнейшей задачей является поиск альтернативного пути, который мог бы привести к достижению социального согласия, снижению напряженности между обществом и государством, конструктивного взаимодействия всех структур гражданского общества.

Эта цель диктует необходимость обращения к потенциалу русской консервативной мысли. Безусловно, историческая жизнестойкость России обусловлена прочным исторически выработанным традиционным консенсусом, сложившимся на основе консервативной идеи. В нынешних условиях реализация российской консервативной модели взаимоотношения государства и общества, когда различные общественные институты берут на себя многие государствовосберегающие функции, как никогда необходима и оправдана.

¹Философские исследования и современность. Вып. 1 / Ред.: С.Р. Аблеев, А.Л. Золкин, П.П. Марченя. М., 2012.

²Философские исследования и современность. Вып. 2 / Ред.: С.Р. Аблеев, П.П. Марченя, А.В. Чертищев. М., 2013.

³Философские исследования и современность. Вып. 3 / Ред.: С.Р. Аблеев, П.П. Марченя, А.В. Чертищев. М., 2014.

⁴Философские исследования и современность. Вып. 4 / Ред.: С.Р. Аблеев, П.П. Марченя, А.В. Чертищев. М., 2015.

⁵Философские исследования и современность. Вып. 5 / Ред.: С.Р. Аблеев, П.П. Марченя, А.Л. Золкин, Н.Ф. Медушевская, А.В. Чертищев. М., 2016.

The constitutional right of citizens to dignity and honor illegal character category

Конституционное право граждан на достоинство и внеправовой характер категории чести

Igor Anatolevich Kushnarenko,
Ph.D., associate professor, professor of the
department of professional ethics and aesthetic
culture Moscow University of the MIA of Russia
named after V.Ya. Kikot

Игорь Анатольевич Кушнаренко,
доктор философских наук, доцент, профессор
кафедры профессиональной этики и эстетиче-
ской культуры Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,

Annotation. In the public mind often identified the concepts of honor and dignity. Established difference between these categories in the classical philosophical tradition, and in terms of the availability of the main features of the rights and freedoms of man and citizen. Grounded on the methodological level incorrect protection task honor legal means.

Keywords: honor, dignity, right, duty, deontology, ontology, corporation, status group.

Аннотация. В общественном сознании часто отождествляются понятия чести и достоинства. Установлено различие этих категорий как в рамках классической философской традиции, так и в плане наличия основных признаков прав и свобод человека и гражданина. Обоснована на методологическом уровне некорректность задачи защиты чести правовыми средствами.

Ключевые слова: честь, достоинство, право, долг, деонтология, онтология, корпорация, статусная группа.

Понятия «честь» и «достоинство» весьма распространены в текстах и заявлениях морально-философского, юридического и социально-политического плана. Частота публичных обращений к ним должна, видимо, символизировать тот факт, что мы вырвались из темного тоталитарного прошлого и движемся по пути, вымощенному общепринятыми демократическими ценностями, к «горным» постиндустриальным высотам. Принято считать, что эти категории близко примыкают друг к другу — настолько близко, что сами термины, часто соседствуя в устной речи, на страницах художественных произведений, в средствах массовой информации, стали восприниматься общественным сознанием практически как синонимы. Эта тенденция не обращала бы на себя такого внимания, если бы она с завидным постоянством не воспроизводилась в положениях отечественных нормативных актов и служебных документов.

Конституция Российской Федерации, в принципе, эти понятия не смешивает. Так, статья 20 устанавливает: «Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления». Об аналогичных гарантиях для чести граждан, как видим, речь не идет. И даже в ст. 23, гласящей, что «Каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни,

личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени», нет прямого указания на то, что защита чести также берет на себя государство.

А вот авторы Гражданского и Уголовного кодексов России посчитали, видимо, такую осторожность излишней. В статье 152 ГК РФ «Защита чести, достоинства и деловой репутации» обсуждаемые термины уже стоят в одном ряду, дополненном еще «деловой репутацией»: «Гражданин вправе требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности». В УК РФ преступления против свободы, чести и достоинства личности выделены даже в отдельную главу 17, содержащую, правда, только одну статью, касающуюся этих понятий — 128.1, предусматривающую уголовное наказание за клевету, «то есть распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию».

Что касается ведомственных документов, то весьма характерным представляется положение из утратившего силу в 2013 г. Кодекса профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел России. Если «честь сотрудника выражается в заслуженной репутации, добром имени, личном авторитете и проявляется в верности гражданскому и служебному долгу, данному слову и принятым нравственным обязательствам» (ч. 3 ст. 5), то «достоинство неразрывно связано с долгом и честью, представляя собой единство морального духа и высоких нравственных качеств, а также уважение этих качеств в самом себе и других людях» (ч. 4 ст. 5). Иными словами, достоинство уже внятно определяется производным от чести, будучи в то же время неким труднодостижимым «единством».

Если разница между этими аксиологическими единицами столь эфемерна, стоит ли использовать два термина? Особенно если они из этического контекста попадают в правовой, где терминологическая неряшливость, будучи чреватой непредсказуемыми юридическими последствиями, выглядит совсем уж неуместно. Возможно, какое-то из этих понятий шире, а другое им без остатка поглощается? Или, наоборот, они взаимно

дополняют и отрицают друг друга, находясь в состоянии диалектической оппозиции?

При этом надо отметить, что европейские законодатели куда менее щедры на термины. Не думаю, что причиной тому скудость их словарного запаса. Для чести и достоинства, скажем, в немецком языке есть свои несовпадающие существительные — *ehre* и *würde*, во французском — *honneur* и *dignité*. Тем не менее Конституция ФРГ от 23 мая 1949 г. лишь устанавливает в ст. 1, что «Достоинство человека неприкосновенно. Уважать и защищать его — обязанность всякой государственной власти». В отношении защиты чьей-либо чести — никаких обязательств! Германским Гражданским кодексом эта сфера не затрагивается вовсе, а к уголовно наказуемым отнесены лишь узко очерченные оскорбление, злословие («кто в отношении другого лица сообщает или распространяет факт, который порочит его или унижает это лицо перед общественностью, если истинность этого факта не доказана...») и клевета («кто преднамеренно в отношении другого лица сообщает или распространяет заведомо ложный факт, который порочит это лицо или унижает его перед общественностью или угрожает его кредитоспособности...») — статьи 185-187 УК ФРГ. Обращает на себя внимание, что в приведенных уголовно-правовых формулировках даже «достоинство» как таковое не употребляется, хотя речь идет о посягательствах именно на него. Не говоря уже о чести.

Конституция и Гражданский кодекс Французской Республики вообще не содержат упоминаний о чести и достоинстве, а уголовное преследование предусматривается лишь конкретно за «умышленное посягательство на интимность частной жизни другого» (ст. 226-1 УК Франции) либо «обвинение, осуществленное любым способом и направленное против определенного лица, в деянии, способном повлечь судебные, административные или дисциплинарные санкции, если обвиняющему известно, что обвинение полностью или частично неверно, и если содержащий обвинение донос направлен должностному лицу судебного ведомства или должностному лицу судебной или административной полиции, либо органу, имеющему право начать по нему производство или передать его в производство компетентного органа, либо если оно направлено вышестоящему начальству или нанимателю обвиненного лица» (ст. 226-10 УК Франции). Забегая вперед, предположу, что французские юристы в вопросах защиты чести, видимо, всецело полагаются на исторический опыт, обобщенный в романах А. Дюма, и не пытаются увязывать эту сторону социальной практики с судебными процедурами.

Можно лишь с уверенностью сказать, что эти понятия относятся к аксиологическому ряду. Но вопрос, насколько корректно их употребление по принципу «два в одном», требует детального рассмотрения.

Скорее всего, традиция такой смешанной интерпретации категорий чести и достоинства восходит к советскому периоду развития отечественной науки, будучи закрепленной в Словаре по этике, выдержавшем

как минимум шесть переизданий и претендующем, как тогда было принято, на бесспорность (в Словаре все правильно, потому что он Словарь!). В этом источнике честь определяется как «понятие морального сознания и категория этики, тесно связанная и во многом сходная с категорией достоинства. Подобно достоинству, понятие чести раскрывает отношение человека к самому себе и отношение к нему со стороны общества»¹.

Похоже, что большинство читателей приведенными двумя предложениями и ограничились, посчитав себя уже состоявшимися специалистами в вопросах чести и достоинства. Кстати, отпечаток выявленной тенденции несет и большинство современных учебников профессиональной этики. Но если дочитать соответствующий раздел словаря до конца, то мы узнаем, по крайней мере, что «понятие чести предполагает в отношении к человеку ту меру уважения, которую он заслужил, достоинство же личности основывается на равном праве каждого на уважение»². То есть, реальное правовое содержание обнаруживается только у достоинства!

Раскрывая этот аспект, профессор С.А. Авакьян совершенно справедливо указывает, что под достоинством личности понимается обладание человеком определенными нравственными и интеллектуальными качествами, причем не любыми, а такими, которые соответствуют моральным ценностям, принятым в данном обществе, государстве. Человек субъективно исходит из того, что он обладает такими качествами и полагает, что так же его должны воспринимать и окружающие. Оценка человека как достойного означает, что речь идет о таких его параметрах, как: определенное поведение человека; невозможность совершения им поступков, осуждаемых общественной моралью; уровень ума и образования человека; отношение к окружающим, образ жизни, признаваемые желательными, а то и образцовыми в обществе. Причем достоинство личности — категория, которая не зависит от факторов внешней (общественной и индивидуальной) оценки. Человек может заблуждаться насчет своих достоинств, превозносить их, а то и не обладать ими. У него могут быть какие-то качества, по мнению окружающих, в скромном объеме. Но это никак не повод для отрицания достоинства вообще³. В русле такой интерпретации понятия достоинства лежит тогда и утверждение о том, что «каждой личности без учета ее достижений, статуса или особенностей принадлежит человеческое достоинство»⁴.

Так, рантье, образ жизни которого с определенных позиций квалифицируется не иначе, как паразитический, обосновывает свою социальную значимость тем, что он вносит посильный вклад в капитализацию экономики отечества, в меру своих возможностей поддерживает незыблемость института частной собственности и не транжирит семейные ценности. Человек, ничего хорошего в жизни не сделавший для окружающих, находит свое достоинство в том, что не сделал ничего плохого, в своей хотя бы уже законопослушности, алкоголик — в том, что он «пьет на свои» и твердо стоит

пусть не на собственных ногах, но зато на неконформистских позициях.

Вспомним библейскую притчу о молитве Фарисея и Мытаря. Первый благодарит Бога за ниспосланное ему благочестие, второй — просит прощения за свои грехи, спрашивает, чем заслужить это прощение. Фарисей здесь совершает заведомо аморальный акт самоосвящения, Мытарю же присуща подлинная моральность, но в собственных глазах достоинством в полной мере наделен каждый из них. Да, в конце концов, обитатели исправительных учреждений также преисполнены достоинства, причем уровень его часто прямо пропорционален тяжести их противоправных деяний. А как им еще аргументировать свою самозначимость? Да и само наказание за противоправные деяния, как считает Г. Гегель, не умаляет достоинства совершившего их, ибо должно быть отнесено к категории собственных прав преступника: «Преступник почитается как разумное существо, и вынесенная судом санкция выражает тем самым уважение к преступнику как к личности, свободно выбравшей форму своего поведения в виде преступления»⁵.

Таким образом, оценка достоинства — это, прежде всего, дело самой личности, это главным образом ее самооценка, и базируется она на осознании своей самоценности, индивидуальности, неповторимости и своих заслуг перед обществом, которые могут быть как реальными, так и мнимыми.

Оказывается, можно весьма произвольно трактовать содержание таких фундаментальных нравственных категорий, как, например, добро и зло, долг, справедливость, можно даже сознательно ориентироваться на зло вместо добра, как это делают последователи некоторых экзотических религиозных культов, но никакой человек не согласится смириться с приписываемой ему ничтожностью, лишиться такой, казалось бы, эфемерной материи, как достоинство. Публичное признание индивидом своей ничтожности и недостойности осуществляется чаще всего в церкви и несет явный отпечаток кокетства или даже нарциссизма. Тем самым для человека оно едва ли не более значимо, чем физическое здоровье, материальное благополучие и даже сама жизнь. Человек может вынести множество лишений, но, как правило, он не переносит унижения, которое лишает его чувства собственного достоинства, возможности уважать себя. Такая утрата провоцирует распад личности, суицидальные наклонности.

Вспомним японскую традицию, согласно которой для человека, «потерявшего лицо», т.е. утратившего достоинство, наиболее приемлемым актом считается уход из жизни через ритуал харакири. Таким образом, достоинство является ни много ни мало атрибутом, инвариантом человеческой личности, утрата которого равносильна ее даже не отрицанию, а небытию. Другими словами, эта категория имеет, прежде всего, даже не аксиологический, а онтологический характер.

Пожалуй, не найдется человека (за исключением, может быть, главы государства), который был бы удовлетворен своим социальным положением. Каждый из нас в глубине души считает, что он достоин чего-то большего. Но социальная пирамида на то и пирамида, чтобы сужать-

ся по направлению к своей вершине. Чем выше очередной уровень, тем меньше на нем места. Субъективно это часто воспринимается как несправедливость. Постоянно переживаемое, это ощущение было бы разрушительным для личности. И вот на помощь приходит чувство собственного достоинства. Поэтому его можно рассматривать как внутриличностный механизм компенсации субъективных издержек объективного процесса разделения труда.

Вот почему достоинство включается в конституционный перечень неотъемлемых, родовых человеческих прав, что закреплено, в частности, в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, ратифицированной Российской Федерацией 30 марта 1998 г. Статья 3 этого документа гласит, что «Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию». Аналогичные нормы содержатся в Кодексе поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, принятом резолюцией 34/169 Генеральной Ассамблеи ООН от 17 декабря 1979 г. Этот акт, с одной стороны, устанавливает, что «При выполнении своих обязанностей должностные лица по поддержанию правопорядка уважают и защищают человеческое достоинство и поддерживают и защищают права человека по отношению ко всем лицам» (ст. 2), а, с другой стороны, что «Ни одно должностное лицо по поддержанию правопорядка не может осуществлять, подстрекать или терпимо относиться к любому действию, представляющему собой пытку или другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания» (ст. 5). В какой степени понятие чести может претендовать на включение в этот список?

Честь — это положительная социально-нравственная оценка человека или учреждения, авторитет, репутация; это одно из главных нравственных качеств, высшая степень честности, порядочности и благородства. Профессиональная честь — это признание общественным мнением и осознание самим индивидом факта и высокой социальной ценности (нужности и важности) самоотверженного выполнения им своего профессионального (служебного) долга. Таким образом, заслужить звание «человек чести» можно только безупречным исполнением долга и требований нравственности. Обрести это звание непросто, а чтобы потерять его, достаточно совершить всего лишь один бесчестный поступок. Недаром еще наши далекие предки учили: «Береги честь смолоду».

Значит, если в категории чести преобладает объективное содержание, то в категории достоинства, наоборот, — субъективное. Но честь, не мыслимая без выполнения долга, имеет деонтологическую природу, в то время как достоинство, как было показано выше, — онтологическую.

Для человека чести единственным оправданием неисполнения долга, сознательно взятых на себя обязательств является только собственная смерть. Неуместно в подобной ситуации рассказывать кому бы то ни было, в том числе и самому себе, про заболевшую бабушку или испортившиеся часы. Именно на этом основании, например, на Сицилии членов мафиозной организации «Коза ностра» принято было называть «люди чести». Но для такого че-

ловека понятия чести и достоинства равнозначны. Уронив свое достоинство, он, разумеется, утрачивает и честь. Более того, утрата чести оборачивается для него потерей собственного достоинства, а значит, подводит черту под существованием как личности. Причем даже не важно, если это произошло по независящим от человека обстоятельствам. Вспомним неписаную традицию, действовавшую в офицерском корпусе царской России. Допустим, офицер подвергся хулиганскому или разбойному нападению. Скорее всего, нападение это было неспровоцированным, а силы нападавших заведомо и многократно превосходили оборонительные возможности жертвы агрессии. Тем не менее, если отбиться (выйти с честью!) этому офицеру не удалось, он попал в полицейскую сводку как потерпевший и инцидент получил огласку, командир части вполне мог предложить ему написать прошение об отставке. Просто не повезло, но со статусом несовместимо! И для ни в чем не повинного человека это во многих случаях оказывалось крахом не только служебной карьеры, но и судьбы в целом.

Следовательно, наличие чести автоматически создает основание для обретения собственного достоинства, т.е. имеет место импликация «честь → достоинство». А вот об обратной импликации, в силу выявленных обстоятельств, речь в большинстве случаев не идет. Что, собственно, и исключает возможность не только отождествления этих понятий, но даже придания им какого-то однопорядкового статуса — как философского, так, следовательно, и правового.

К числу современных признаков прав и свобод как бесценных человеческих благ в литературе отнесены: наивысшая значимость для человека, общества и государства; изначальный (первородный) характер, поскольку для их приобретения не требуется совершения активных действий; неотчуждаемость; особое положение в механизме правового регулирования системы общественных отношений, а именно, формирование принципов правового регулирования и производных прав и свобод личности; всеобщность как принадлежность каждому, а также единство и равенство для всех; наивысшая юридическая сила; особая организационно-правовая система охраны (усложненный конституционный порядок пересмотра, гарантированность и защита со стороны высших должностных лиц государства). И если по ряду перечисленных признаков аналогия между честью и достоинством действительно усматривается, то изначальность (первородность), неотчуждаемость и всеобщность как принадлежность каждому, очевидно присущие достоинству, вовсе не являются определяющими признаками для чести, в первую очередь в силу ее статусного характера.

В период Средневековья и раннего Возрождения честь устойчиво ассоциировалась с конкретными статусными группами. Статусность относилась не к личности, а к корпорации, членом которой та или иная личность состояла и вне которой личность отдельно не рассматривалась, а, следовательно, ни о какой персонализации речи не шло. Честь была качеством знатных людей, для которых представляла ценность и как реальный фактор, и как регулятор их статусного (корпоративного) поведения, обе-

спечивая роль группового нормирования в виде определения и охраны границ определенного сообщества. Так, средневековый рыцарь считал себя свободным от государственных законов и за норму своего поведения полагал не право, а правила рыцарской сословной чести, исходя из убеждения в том, что лицо, способное носить оружие, не должно довольствоваться наказанием, налагаемым судом, а должно мстить с оружием в руках за вытерпленную неправду. И защищал он с оружием в руках не столько свое доброе имя или моральные представления, сколько честь рыцарского сословия, к которому он принадлежал.

В этот период сформировался этический стандарт, согласно которому формой управления поведением членов рыцарской корпорации стали согласительные правила, которые принимают сами корпоранты с обязательством им неукоснительно следовать. Даже единичное нарушение хотя бы одного из принятых правил влекло для нарушителя исключение из корпорации, а, следовательно, необратимую утрату привычного социального статуса. Тем самым честь и нравственность оказались связанными между собой. В то же время очевидно, что честь, рассматриваемая в этом исходном, классическом ракурсе, оказывается отнюдь не врожденной, а наделенной или приобретенной в связи с фактом вступления индивида в рыцарскую (самурайскую, служебную и др.) корпорацию.

Защита так понимаемой чести — исключительная обязанность ее носителя, в крайнем случае — корпорации, но отнюдь не государства и государственного права.

Понятие достоинства зародилось в античности, в процессе образования государств. В то время оно не связывалось с индивидуальной самобытностью личности. Ценность человека определялась исключительно его принадлежностью к государству. Причем понятие достоинства относилось только к свободным гражданам. Раб не считался человеком и поэтому не имел ни человеческого, ни гражданского достоинства.

Сложилась по-своему логичная социальная дифференциация — свободные граждане изначально, от рождения были наделены неотчуждаемым правом достоинства, а члены определенных корпораций — честью, по факту принадлежности к данной корпорации. В некоторых случаях, например для представителей дворянского сословия, честь была первородной, но вполне отчуждаемой. Ее необходимо было защищать и отстаивать, а можно было уронить или запятнать. С утратой чести индивид вполне мог утратить и корпоративный статус, пусть даже и обретенный им изначально по факту рождения. Так, офицер, разжалованный в рядовые за бесчестный поступок, лишался вместе с погонами и шпагой и прав дворянства.

Достоинство можно восстановить, в том числе и в судебном порядке. Это как в случае с конфетой — человек только приготовился ее съесть, но нечаянно уронил в грязную лужу. В принципе конфету можно оттуда выудить, тщательно вытереть и употребить в пищу, но не для всех это приемлемо. Если в отношении подлеца суд вынес решение, что тот таковым не является, то окружающие, каким бы ни было их мнение на этот счет, должны принять позицию суда как непреложную. А вот утрата чести — событие почти необратимое. Судебным

решением ее не вернешь. Оброненная конфета ну никак не станет прежней! Трудно себе представить дворянина эпохи «Трех мушкетеров», который, получив публичную пощечину, не отстаивает свою честь на дуэли, а садится писать исковое заявление. Поправка «почти» оставлена на тот маловероятный случай, когда разжалованный офицер проявляет на фронте чудеса героизма, становится полным георгиевским кавалером и вновь обретает дворянство — вместе с честью.

В общем, иметь достоинство — это один из элементов социального комфорта, в то время как иметь честь — занятие хлопотное и затратное. Вспомним, что золотое правило нравственности выступает в двух формах — позитивной и негативной: «(Не) поступай с другими так, как ты (не) хотел бы, чтобы они поступали с тобой». Так вот, творить добро — это для тех, кто хочет чести, а хотя бы не делать зла — для тех, кто готов ограничиться достоинством.

Такой баланс продержался до Нового времени — эпохи буржуазных революций. Обрести политическую власть предпринимательский класс был бы не в состоянии без привлечения к себе в союзники низших многочисленных слоев общества. И для них лозунг обретения равенства, через отказ от сословно-статусных традиций, сыграл роль морковки, которую вешают перед носом у ослика, чтобы сориентировать того в нужном хозяину направлении. Идея равенства людей от природы стала основой представлений о том, что любой человек, в силу принадлежности к человеческому роду, обладает неким абстрактным достоинством человека как такового. Сформировалось понимание достоинства как неотъемлемого атрибута человека, не требующего дополнительного признания со стороны общества. Подобное представление о достоинстве получило закрепление в концепции прав человека, принадлежащих каждому независимо от его расы, пола, возраста, социального положения.

Статусные группы, принадлежность к которым являлась необходимым условием обретения чести, были для нового господствующего класса политическими конкурентами. В зависимости от интенсивности их сопротивления буржуазно-демократическим преобразованиям в каких-то странах они были даже физически уничтожены, где-то просто упразднены, а где-то номинально сохранены в качестве дани консервативным традициям. Сегодня британская королева посвящает в рыцари ученых, банкиров и даже рок-музыкантов. Для чего это нужно? Для реализации амбиций высших слоев современного буржуазного общества на аристократизм, который не мыслится без обладания честью. А согласиться с исключительной монополией на честь только для представителей профессиональных корпораций, основанных на служебном долге и поддерживающих социальную иерархию (армия, правоохранительные органы), не позволяют те же амбиции.

Тогда можно просто взять достоинство, особенно если показатели его наглядны и выразительны, и попробовать выдать его за честь. Так честь в современную эпоху становится симулякром — в лучшем слу-

чае она служит символическим обозначением достоинства, в худшем — символом, вообще не имеющим оригинала. Потому и делаются попытки придать чести правовой статус со всеми вытекающими отсюда нелепостями. Новое и Новейшее время пытаются уравнять понятия чести и достоинства между собой и связать таким образом честь с успехом: материальным достатком, престижем, положением в обществе, властью. То есть, честь не у того, кто ежесекундно готов к самопожертвованию, а у того, кто в состоянии за нее заплатить — например, адвокату.

Вывод из приведенных рассуждений, надо полагать, очевиден. Полагаю целесообразным исключить из нормативных правовых актов положения, устанавливающие правовые гарантии защиты чести граждан, как неосуществимые по самой природе чести, ограничившись таковыми гарантиями принципиально лишь для достоинства и деловой репутации граждан.

Библиографический список

1. *Авакьян С.А.* Конституционный лексикон: государственно-правовой терминологический словарь. М: Юстицинформ, 2015.
2. *Гегель Г.В.Ф.* Философия права. М., 1990.
3. *Лейбо Ю.И., Толстопятенко Г.П., Экштайн К.А.* Научно-практический комментарий к главе 2 Конституции Российской Федерации «Права и свободы человека и гражданина» / Под ред. К.А. Экштайна. М., 2000.
4. *Мамонтов А.Г.* Понятие, структура и принципы основ правового статуса личности: Лекция. М., 2001.
5. *Невинский В.В.* Достоинство человека: от философско-правовой идеи к конституционному принципу современного государства (К 50-летию Всеобщей декларации прав человека) // Гос-во и право. 1999. № 10. С. 120—121.
6. *Словарь по этике* / Под ред. А.А. Гусейнова и И.С. Кона. 6-е изд. М.: Политиздат, 1989.

¹Словарь по этике / Под ред. А.А. Гусейнова и И.С. Кона. 6-е изд. М.: Политиздат, 1989. С. 397.

²Там же. С. 398.

³Авакьян С.А. Конституционный лексикон: государственно-правовой терминологический словарь. М: Юстицинформ, 2015. С. 286—287.

⁴Лейбо Ю.И., Толстопятенко Г.П., Экштайн К.А. Научно-практический комментарий к главе 2 Конституции Российской Федерации «Права и свободы человека и гражданина» / Под ред. К.А. Экштайна. М., 2000. С. 108.

⁵Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 148

⁶Мамонтов А.Г. Понятие, структура и принципы основ правового статуса личности: Лекция. М., 2001. С. 5—6.

См. также: Невинский В.В. Достоинство человека: от философско-правовой идеи к конституционному принципу современного государства (К 50-летию Всеобщей декларации прав человека) // Гос-во и право. 1999. № 10. С. 120—121.

The problem of finding cultural identity and self-determination of the peoples of Russia

Проблема поиска культурной идентичности и самоопределения народов России

Natalia Vladimirovna Nikolaeva,
of the Moscow regional branch of Moscow
university behalf of VY Kikot of the Ministry
of internal affairs of Russia senior lecturer in
social and economic sciences and humanities,
candidate philosophical sciences

Наталья Владимировна Николаева,
старший преподаватель кафедры социаль-
но-экономических и гуманитарных дисциплин
Московского областного филиала Московского
университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат философских наук
E-mail: sicleph@rambler.ru

Annotation. The article deals with the problem of finding the ideological basis of ethno-cultural synthesis of the peoples living on the territory of modern Russia, find common geographical, historical, commercial and economic roots of unity, and the relationship with the neighboring peoples and states. We study the ideological foundation of cultural identity in the minds of individuals and the self-consciousness of the nation.

Keywords: people, identity, self-consciousness, «Russian idea», geopolitical and geostrategic factors, the historical approach, ethnic and cultural differences, potential, priorities and perspectives.

Аннотация: В статье рассматривается проблема поиска идейной основы этно-культурного синтеза народов, проживающих на территории современной России, общих географических, исторических, торгово-экономических корней единства и взаимосвязи с соседними народами и государствами. Исследуются мировоззренческие основания культурной идентичности в сознании индивидов и самосознании нации.

Ключевые слова: народ, идентичность, самосознание, «Русская идея», геополитические и геостратегические факторы, исторический подход, этнокультурные различия, потенциал, приоритеты и перспективы.

В научном смысле термин идентичность принято понимать современниками в самом общем виде как чувство коллективной принадлежности к какой-либо определенной общности. Согласно с вышеуказанным пониманием, национальную идентичность будет верно трактовать как чувство коллективной принадлежности к национальной культуре конкретного государства. В целом же национальная идентичность — это своего рода миф, идейная основа государства и национального сознания и самосознания его граждан. Без национальной идентичности не может существовать внешняя политика государства, ведь именно осознание гражданами различий между «своими» и «чужими» делает легитимными действия государства по охране национальных интересов.

Современный социально-экономический системный кризис, который сегодня переживает Россия, в значительной мере обусловлен проблемами национальной, культурной идентичности. Понять и осознать самих себя перед лицом других цивилизаций, культур и народов, значит, верно определить свое место на геополитической карте, верно выбрать векторы поступательного движения нации по пути к прогрессу.

Бывший посол Великобритании в Москве Родрик Брейт-вейн отмечал в своей книге «Русская действительность и политика Запада»: «Каким путем двигаться — вот основной вопрос, ответ на который должен дать сам русский народ»¹. Он говорит и о том, что этот вопрос пока остается открытым, добавляя: «Определенно можно сказать одно: это будет особое, русское будущее»².

Как понимать эту этнокультурную константу? В чем состоит «уникальность», «непохожесть» русского будущего?

Оценка исторического пути нашего государства и объективный подход к его анализу позволяют положительно ответить на этот вопрос.

Догма исторического прошлого России заключается не только в своеобразии русской, а по существу евразийской, культуры, но также в специфике переживаемого русской нацией исторического момента. Именно русская нация традиционно играла главную роль в социокультурном объединении населяющих территорию России этнонациональных общностей. «В конечном счете людям особенно важны не экономические интересы или политическая идеология, — подчеркивает С. Хантингтон, — вера и семья, кровь и предания — вот с чем идентифицируют себя люди и вот ради чего они будут сражаться и умирать»³.

Для современной России призвание нации с ее природными, генетическими предпосылками и психологическими особенностями воплощается в идее нации, осмысленно познаваемой

каждым россиянином. Осмысление и познание идеи нации протекает естественным путем посредством социального опыта, в котором удовлетворяются насущные потребности человека, а также путем усвоения культурных норм и обычаев, традиции страны. Идея нации — это органический синтез, объединение ее самобытных начал: языка, религии и культуры в целом. Об этом на заре XX в. писал философ И. Ильин, об этом рассуждает сегодня В. Степин в своем учении о культурных матрицах и их основах.

Но в отличие от идеологизированной стереотипической и косной государственной «национальной идеи», в понимании которой происходит отождествление государства и нации, идея нации — это, прежде всего, ее самоидентификация, под которой следует понимать объединение этно-культурных признаков представителей российской нации в единое целое как этнического образа, существенно отличающегося от других наций. Как собирательный смысловой идеальный конструкт, этнический образ складывается из признаков нации, но самое главное — отражает ее самосознание. Главным смыслом идеи нации является ответ на вопрос: что и как о самой себе думает нация? При последнем понимании (идеи нации), где ключевой смысл заключен не в идее, а в нации, государству отводится подчиненная позиция. При таком понимании и такой расстановке приоритетов государство должно служить интересам нации, а не навязывать титульной нации невыгодную ей политику. В случае современной мультиконфессиональной российской социально-культурной действительности это представляется единственным правильным путем.

Известно, что самопознание способно сформировать развитое самосознание. Историк Георгий Вернадский писал по этому поводу следующее: «Если «монгольское иго» способствовало отрыву русской земли от Европы, то, с другой стороны, то же «монгольское иго» поставило русскую землю в теснейшую связь со степным центром и азиатскими перифериями материка. Русская земля попала в систему мировой империи — империи монгольской. Мировой характер этой империи как-то недостаточно до сих пор нами сознается»⁴.

Падение Советского Союза, статус и роль которого формально унаследовала Россия, привело к возникновению совершенно новой геополитической ситуации. На месте мировой сверхдержавы появились полтора десятка независимых государств со своими собственными суверенитетами, интересами, внешними политиками и устремлениями. Вследствие развала союзного государства Россия не только сократила наполовину свой экономический потенци-

ал, но и оказалась отодвинутой далеко на северо-восток в глубь Евразийского континента.

Восточные районы России, преимущественно Дальний Восток, в котором сосредоточена главная доля природно-сырьевых ресурсов, отчасти и Сибирь, все эти территории тяготеют к Азии, в частности, к Китаю и Индии, самым мощным и динамично развивающимся геополитическим и геостратегическим соседям. Уже сегодня отношения с ними имеют чрезвычайно большое значение, но еще большую важность они обретут в грядущей перспективе. Этот факт имеет судьбоносное значение для перспектив российской государственности.

При нынешней конфигурации границ и социально-экономическом состоянии России неминуемо усиливается значение азиатской ее составляющей (во всех смыслах) для ее экономического развития и внешнеполитической деятельности.

Выражаясь языком современной геополитики, речь идет о странах-телурукратах (т.е. владеющих посредством огромных сухопутных территорий, в отличие от талассократов, владеющих в мире посредством огромной протяженности морских границ и выходом к морю) — обширном регионе, на территории которого располагается нынешняя Россия, азиатские постсоветские страны, а также частично Ирак, Пакистан и Китай.

Всегда считалось, что сила, доминирующая в этом регионе, способна оказывать доминирующее влияние на положение дел на всем континенте, а тот, кто контролирует Евразию, господствует в мире. В связи с этим геостратегическое положение России уже длительное время предопределяет ее место, роль и влияние как в мире в целом, так и на азиатском континенте, в частности.

Для многонациональной России наиболее перспективной в плане преодоления межэтнической разобщенности и достижения внутренней консолидации является не национальная принадлежность, а принадлежность к наднациональному евразийскому единству.

К.Н. Леонтьев в своей работе «Византизм и славянство» указывал: «Россия — не просто государство; Россия, взятая во всецелости со всеми своими азиатскими владениями, это целый мир особой жизни, особый государственный мир, не нашедший еще своеобразного стиля культурной государственности... Это более широкое и по мысли независимое должно быть ни чем иным, как развитием своей собственной славно-азиатской цивилизации...».

С целью понимания данного смыслового контекста уместно провести аналогию с ситуацией в США, которую описал известный американский ученый Артур Шлезингер: «Большин-

ство из родившихся в Америке членов группы меньшинств как белых, так и небелых, считают себя, прежде всего, американцами и лишь потом — членами той или иной этнической группы»⁵. Для народов, проживающих на территории России, предостаточно оснований для такого же утверждения.

Так, Питирим Сорокин, отмечая сходство психологического склада русских и американцев, определил наиболее общие, устойчивые, присущие обоим народам свойства: «Первое место среди этих общих черт занимает свобода от строгих мононационалистических традиций и социально-культурных норм; откровенность и широта умственного кругозора; космополитизм и чувство собственного достоинства, без принижения других или без какой бы то ни было предрасположенности к претензии на Богом данное превосходство над «низшими» группами. Эти качества способствуют независимости мысли, терпимости к мнениям, поведением и обычаям других, а также экспериментальному складу ума, который стремится установить истинное достоинство самых различных идей и ценностей, независимо от их источника»⁶.

Еще одна выдающаяся особенность российской цивилизации — ее колоссальный ресурсный потенциал. И до сих пор, несмотря на фантастические масштабы разграбления, он не имеет себе равных в мире. Под ресурсным потенциалом понимается симбиоз сырьевых ресурсов и людей (национального интеллектуального потенциала).

Сегодня российский народ возвращается к собственной, веками сложившейся системе ценностей, ибо они ничуть не хуже, а чище и лучше в условиях наших социокультурных реалий. Несмотря на весь драматизм положения, это верные знаки того, что народ не «раздавлен» и не будет «раздавлен» никогда.

Все отмеченные здесь качества, которые, по-видимому, можно было бы объединить одним термином «всечеловечность», позволяют русскому народу эффективно выполнять функцию своеобразного «центра притяжения», интегративного ядра, консолидирующего вокруг себя в рамках национальной государственной суперобщности все российские общности.

Разумеется, для этого необходима объединительная идея, выполняющая роль национального идеала, путеводной звезды, помогающая верно выбрать курс, вектор и ориентиры посту-

пательного движения. Для нашей страны таким идеалом всегда была «Русская идея» (прежде всего, патриотическая идея), понимаемая, в первую очередь, как особый этнокультурный и цивилизационно-государственный феномен с точки зрения понимания его как евро-азиатского. Огромную роль в разработке этой идеи сыграли русские, и в первую очередь религиозные, философы: И. Ильин, П. Флоровский.

Главное сущностное содержание этой идеи — полинациональность, органический синтез различных народов, культур, конфессий, традиций: «Россия не Русь, но союз народов, объединившихся вокруг Руси... Россия не нация, но целый мир»⁷. Россия должна дать образец мирного сотрудничества народов «не под гнетом, а под водительством великой нации», — писал Г. Федотов. А задача политиков найти «гибкие, но твердые формы этой связи, обеспечивающей каждой народности свободу развития в меру сил и зрелости»⁸.

Такое единство, с одной стороны, способствует преодолению раскола как в сознании членов социума, так и в социуме, утверждению общего образа жизни и государственности, а с другой — сохранению этнонационального, конфессионального и культурного плюрализма. В России за века выкристаллизовалось, окрепло и получило юридическое закрепление равноправие народов, представляющее собой ценность, характеризующую наше Отечество как особую цивилизацию, в которой «всяк сущий в ней язык» фактически равен с другими и имеет все возможности для саморазвития и самовыражения.

¹Русская действительность и политика Запада. Оксфорд, 1995. С. 193.

²Там же. С. 194.

³Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. 1994. № 1. С. 53.

⁴Русский узел евразийства. Восток в русской мысли // Сб. тр. евразийцев. М., 1997. С. 523.

⁵Шлезингер А. Этническая обособленность // Америка. 1992. № 28. С. 13.

⁶Сорокин П. О русской нации. Россия и Америка. М., 1992. С. 99.

⁷Федотов Г. Не нация, но целый мир // Вестник РСХД. Париж. 1929. № 1—2.

⁸Там же. С. 12—13.

Image of the bear as a visual marker of Russia in modern foreign propaganda

Образ медведя как визуальный маркер России в современной зарубежной пропаганде

Yulia Aleksandrovna Koshkarova,

PhD in cultural sciences, docent of the department of humanities, socioeconomic, information and law sciences at the Novorossiysk branch of Krasnodar University of Russian Ministry of internal affairs,
E-mail: juli_and_eva@mail.ru

Юлия Александровна Кошкарлова,

кандидат культурологии, доцент кафедры гуманитарных, социально-экономических и информационно-правовых дисциплин, Новороссийский филиал Краснодарского университета Министерства внутренних дел РФ
E-mail: juli_and_eva@mail.ru

Annotation. The article deals with foreign interpretation of the image bear as a symbol of modern Russia. The main characteristics and components of the stereotypes used by foreign propaganda, to construct a negative image of Russia. Material for analysis was visual representation of the image of the bear in the foreign media.

Keywords: the image of Russia, the image of a bear, information and psychological war, propaganda, information and ideological influence, visual representation/

Аннотация. В статье рассматривается зарубежная интерпретация образа медведя как символа современной России. Определены основные характеристики и стереотипы-компоненты, используемые зарубежной пропагандой для конструирования негативного образа России. Материалами для анализа послужили визуальные репрезентации образа медведя в зарубежных средствах массовой информации.

Ключевые слова: образ России, образ медведя, информационно-психологическая война, пропаганда, информационно-идеологическое воздействие, визуальная репрезентация.

В жизни современного глобализирующегося общества системообразующим фактором выступает информационная сфера, которая активно влияет на состояние политической, экономической, социальной, гуманитарной, оборонной и других составляющих безопасности государства. Информация и информационные технологии постепенно становятся основным средством обеспечения идеологической и, как следствие, политической гегемонии в мире. Поэтому не секрет, что современный мир находится в состоянии перманентной информационной войны. Информационная война представляет собой интенсивное противоборство в информационном пространстве с целью достижения информационного, психологического и идеологического превосходства, нанесения ущерба информационным системам, процессам и ресурсам, критически важным структурам и средствам коммуникаций (информационно-техническая, сетевая, кибервойна), подрыва политической и социальной систем, а также массивной психологической обра-

ботки личного состава войск и населения (информационно-психологическая война) [3].

Особенностью современной информационной войны является ее всеобщий характер, так как в условиях «информационного общества» каждый человек вовлечен в непрекращающийся информационный процесс, следовательно, он в той или иной мере вовлечен и в информационную войну. Как справедливо отмечал М. Маклюэн, «истинно тотальная война - это война с помощью информации» [7, с. 201].

Информационно-психологическая война реализуется разнообразными средствами и методами пропаганды, среди которых важную роль играет визуальный инструментарий. Это обусловлено тем, что визуальные источники информации, содержащие зрительные образы, обращены к эмоциональной сфере человека, поэтому восприятие такой информации происходит за порогом осознания, оно менее подвержено работе «фильтров недоверия», соответственно увиденное воспринимается человеком всегда как более правдивое [6, с. 103—104].

Значение средств визуализации резко возрастает в ситуации целенаправленного психологического воздействия на адресата, позволяющего создать или разрушить соответствующие стереотипы (положительные или отрицательные) в отношении чего-либо или кого-либо [4]. Стереотипы характеризуются большой устойчивостью и являются составной частью установки, т.е. внутренней психологической готовности, predisposition субъекта к каким-либо действиям, возникающей при предвосхищении им определенного объекта или ситуации и обеспечивающей устойчивый целенаправленный характер протекания его деятельности по отношению к данному объекту или ситуации. Стереотипы освобождают человека от необходимости совершения мыслительных усилий для формирования собственной позиции и мнения, вместо этого предлагается готовый вариант восприятия того или иного явления, соответствующий ему алгоритм действий. Таким образом, создаваемые визуальные образы в руках грамотного пропагандиста обеспечивают обработку мас-

сового сознания в нужном ключе, позволяют сформировать требуемое социальное поведение людей.

Все вышесказанное актуализирует обращение к вопросу конструирования образов в массовом сознании людей посредством их визуальной репрезентации. Под визуальной репрезентацией мы будем понимать передачу некоторого сообщения о действительности (людях, действиях, предметах, событиях, ситуации) посредством визуального кода; кодирование некоторой информации об объективном положении дел с помощью зрительно-графических семиотических средств [1].

Научный интерес к исследованию визуальности обозначился в XX в. в работах западных специалистов в области философии, социологии, лингвистики, семиологии, культуры (В. Беньямин, Р. Барт, Ж. Бодрийяр, Ж. Деррида, Ж. Лакан, Н. Мирзоев, Дж.Т. Митчелл, Э. Панофски, Г. Поллок, М. Фуко, С. Холл, П. Штомпка, У. Эко и др.).

В отечественном социально-гуманитарном знании «визуальный поворот» намечился с 80-х годов XX в. Начавшийся процесс медиализации и визуализации культуры только усилил научный интерес к изучению данной проблематики, что отражают труды Т.В. Вдовиной, Е.А. Вишленковой, А.В. Дроздовой, А.Ю. Зенковой, Е.А. Кожемякина, И.В. Нарского, Е.Ю. Рождественской, А.Б. Соколова, Е.И. Щербаковой и др.

Среди отечественных исследований, посвященных визуализации образа России, как в условиях современности, так и в исторической ретроспективе, необходимо отметить работы В.В. Барабаш, Г.А. Бордюгова, В.И. Журавлевой, Е.А. Котеленец, А.А. Музафарова, А.А. Россомахина, О.В. Рябова, П.В. Ульянова, В.М. Успенского, Д.Г. Хрусталева, Д.Е. Цыкалов, Ю.Г. Чернышова и др.

Нельзя обойти вниманием зарубежные исследования по данной теме: образ России в немецкой карикатуре первой половины XX в. рассматривали Э. Дмитрув, М. Жаковска, в шведских средствах массовой информации — М. Беняш, в латышской карикатуре — Г. Гайлите, в польском менталитете — А. Де Лазари и т.д.

Особый интерес представляют исследования визуальных образов, проводимые Центром этнических и национальных исследований Ивановского государственного университета в рамках научного проекта «Русский медведь» («Европа и медведь», 2013; «Медведь и Россия», 2013; «Русский медведь»: история, семиотика, политика», 2012 и др.).

Визуальный образ современной России широко растиражирован в зарубежных печатных и электронных интернет-изданиях «Deutsche Welle», «Newsweek», «Time», «News», «The Week», «New Statesman», «Nepodlegla», «El Nuevo Dia», «The economist» и т.д., ориентированных как на зарубежного, так и отечественного адресата. В этих и других изданиях посредством визуальных средств - карикатур, коллажей, стрипов, политических и социальных плакатов - зарубежными пропагандистами целенаправленно конструируется образ современной России.

Наиболее популярным и исторически укоренившимся символом России и русских выступает образ бурого (реже белого) медведя. Данный образ содержит архетипические черты, формирующие ментальность россиян и, по сути, является проекцией исторической народной памяти об архетипическом «идеальном» медведе-первопредке, медведе-богочеловеке, в отношении к нему у россиян присутствует огромная симпатия и уважение. Медведь в полной мере выступает одновременно как внешний и внутренний образ россиянина, в силу этого его образ «обречен» на длительное существование в качестве символа-идентификатора, причем как внутри страны, так и за ее пределами.

Необходимо отметить, что образ медведя непосредственно в качестве визуального идентификатора на общегосударственном уровне в России был воспринят только в XX в., до этого он встречался лишь в качестве локального символа. В то же время медведь как визуальный маркер России издавна широко эксплуатируется за рубежом. Так, уже на первых европейских географических картах Московии XVI в. присутствует визуальный образ России в виде вставшего на задние лапы медведя, связанного поводьями.

Устойчивая практика обращения к образу медведя как визуальному символу России в зарубежной пропаганде заложена английской политической сатирой конца 30-х годов XVIII в. и связана с созданием серии аллегорических гравюр «Европейская гонка» [9]. С конца XVIII в. «русский медведь» стал главным символом России в европейской (а с XX века — и в мировой) политической карикатуре [8, с. 17].

Иконография образа России-медведя в зарубежной политической карикатуре XVIII — XX вв., условно, определялась общей политической конъюнктурой, характером взаимоотношений иностранного государства с Россией и соответствующими им задачами пропаганды.

Значительная часть изображений образа медведя в зарубежной политической карикатуре XVIII — XX вв. является отражением традиционного антироссийского взгляда, на них он предстает как свирепый безжалостный хищник, либо усмиренный сумасшедший зверь (XVIII в., Крымская война, германская карикатура периода Первой и Второй мировых войн и т.д.). Однако временами «русский медведь» в европейской карикатуре лишался своего негативного ореола, воплощая образ храброго русского воина (русско-турецкие войны XIX в.) и справедливого посредника (антинаполеоновские коалиции XIX в. и т.д.).

В современной зарубежной политической карикатуре визуализация образа России-медведя несет исключительно отрицательный заряд, что связано с очередным обострением взаимоотношений между Россией и западными странами. В условиях современной информационной войны зарубежные СМИ

вновь обратились к старым проверенным пропагандистским клише.

Так, в современной зарубежной карикатуре перед нами вновь предстает визуальный образ «агрессивного русского медведя», характерными атрибутами его изображения являются: открытая / оскалившаяся пасть, острые клыки и когти, вздыбленная шерсть, угрожающая поза. Распространены сюжеты, на которых медведь «раздирает мир», символически изображаемый в виде глобуса или карты. Челюсти и когти медведя на таких изображениях нередко испачканы в крови, что ассоциируется в сознании обывателя с наивысшей степенью угрозы. Аналогичные сюжеты о претензии России на передел мира и сфер влияния были широко распространены в карикатуре и на пропагандистских плакатах в период Первой и Второй мировых войн, а также во время «холодной войны». Агрессивность образа медведя иногда дополнительно подчеркивается милитаристской атрибутикой: на карикатурах медведь нередко вооружен огнестрельным оружием или взрывчатыми боеприпасами, разрезает на танке и т.п. В сознании человека под влиянием такого визуального образа формируется устойчивая ассоциация «русского медведя» с угрозой миру и стабильности.

Политическое противостояние России в 2000-е годы с Грузией и особенно с Украиной также на-

шло отражение в политической карикатуре. Угрозу миру и региональной стабильности воплощает традиционный образ голодного медведя, пытающегося утолить свой голод за счет соседних государств, изображаемых в виде испуганных беззащитных детей, либо разорванных на части людей.

Еще один вариант визуальной репрезентации образа России – спящий или сидящий спиной «пассивный русский медведь». Как правило, на этих изображениях медведь спит в самых неподходящих для окружающих местах, при этом будить его опасно, а сдвинуть с места невозможно (зверь слишком огромен, никто не говорит «на медвежьем» языке и т.п.).

Данные карикатуры акцентируют внимание на том, что Россия — отсталое неповоротливое ретроградное государство, с которым невозможно вести конструктивный диалог. В принципе, можно сделать вывод, что вне зависимости от своей позиции по какому-либо вопросу (активной или пассивной) Россия всегда будет восприниматься зарубежными (прежде всего западными) странами как реальная или потенциальная угроза, как помеха, как камень в башмаке.

Среди относительно новых образов в зарубежной карикатуре следует выделить изображения медведя в облике вора, часто в маске. Большинство таких репрезентаций навеяно конкретным событием — присоединением Крыма к России (сюжет, в котором большой медведь — Россия крадет маленького медвежонка — Крым). Аналогичные «сценарии будущего» проецируются в зарубежной политической карикатуре и на проблему юго-востока Украины.

Особо следует отметить появление в последнее время большого количества карикатур, на которых вооруженный медведь изображен в шапке-ушанке с красной звездой, иногда на нем присутствует надпись «USSR», а также старая советская символика — «серп и молот». В данных репрезентациях западные карикатуристы отражают свою самую страшную фобию последних лет — рост авторитета и политического веса России на мировой арене, что трактуется как претензия на восстановление «империи зла» — Советского Союза.

HENG
LIANHE ZAORAO
Singapore
SINGAPORE

OWS/INTS
www.dreamstime.com

Образ России-медведя в зарубежной политической карикатуре всегда был неразрывно связан с образом политического лидера страны. Иконография таких сюжетов представлена изображениями нескольких типов.

Первый тип изображений всегда отождествляет Россию-медведя и главу государства: их образы слиты воедино, что, вероятно, подчеркивает устойчивую авторитарную тенденцию и традицию персонификации власти в России. Так, в различные исторические эпохи медведь или медведица изображались с головой Екатерины II, И. Сталина, Л. Брежнева и т.д. На современных зарубежных карикатурах Президент страны В.В. Путин также часто изображается одетым в медвежью шкуру, либо медведь изображается с лицом Президента.

Второй тип составляют изображения, на которых глава государства усмирил и подчинил собственным амбициям Россию-медведя, действует как диктатор, не дает стране развиваться собственным путем. Символически это отображают сюжеты: «Путин едет на медведе», «Путин дрессирует медведя», «Путин натравливает медведя на своих врагов», «медведь прислуживает Путину», при этом медведь изображен в наморднике, либо на привязи. Второй тип изображений также имеет давнюю историю, прямые аналогии встречаем и в карикатуре XVIII в., в минувшем XX в.

Оба варианта карикатур направлены на создание негативного образа существующего политического режима, что косвенно ведет к негативному восприятию образа страны в целом. Цель этих действий — обеспечить внешнюю и внутреннюю поддержку свержению существующего руководства страны.

STALIN - Mnie on już nie zrobi nic, tylko czy Europa nie przesłanie go się bać?

Таким образом, в современной зарубежной пропаганде, как и в предыдущие эпохи, посредством визуальных средств конструируется негативный образ России-медведя, ассоциирующийся, прежде всего, с дикой, неуправляемой агрессией, несущей угрозу существующему миру.

Как справедливо отмечает М. Жаковска: «Россия, не отказывающаяся от собственной «инаковости», опасная, таинственная и привлекательная, для людей Запада представляет собой классический образ Чужого» [5, с.145].

Зарубежная пропаганда посредством визуальных средств делает акцент на следующие «характеристики» России как государства, способствующие формированию ее негативного образа:

- ♦ Россия — милитаристское государство, угроза международной и региональной безопасности;

♦ Россия — «империя зла», государство с имперскими захватническими планами, стремящееся возродить СССР;

♦ Россия — антидемократическое государство с диктаторским режимом;

♦ Россия — государство, в котором отсутствует свобода слова;

♦ Россия — отсталое ретроградное государство, живущее представлениями позапрошлого века;

♦ Россия — дикое, непредсказуемое, а поэтому опасное государство;

♦ Россия — государство-изгой, она не уважает другие страны, с ней невозможно договориться.

Подводя итог, отметим, что образ России в современных западных СМИ и их русскоязычных изданиях представлен в исключительно русофобском ключе. Анализ визуального материала позволяет говорить о том, что информационное противостояние между Россией и Западом достигло очередного пика, и это находит отражение как в содержании политической карикатуры, так и в масштабах ее небывалого количественного роста. Подобная ситуация жесточайшей информационно-психологической борьбы, в том числе посредством визуальных средств, наблюдалась лишь в периоды, когда Россия (СССР) находилась в состоянии войны («горячей» или «холодной»). На наш взгляд, современная «антироссийская истерия» в ее визуальном воплощении по своему накалу не уступает, а может быть, даже и превосходит периоды «горячих войн» XX в.

Библиографический список

1. *Аджимаз О., Кожемякин Е.А.* Культурные модели визуальной репрезентации власти в дискурсе фотожурналистики // Современный дискурс-анализ. Электронный журнал. 2011. Вып. 4. С. 32—50 // <http://discourseanalysis.org/ada4/st34.shtml> (Дата обращения — 30.09.2016)
2. *Барабаш В.В., Бордюгов Г.А., Котеленец Е.А.* Образы России в мире. М., 2010. 296 с.
3. *Война и мир* в терминах и определениях / Под ред. Д. Рогозина. М., 2004. 624 с.
4. *Дрю Ж.-М.* Ломая стереотипы. СПб.: Питер, 2002. 272 с.
5. *Жаковска М.* Изображение России-медведя в немецкой карикатуре 1914 — 1945 гг. // Европа. Журнал польского института международных дел. 2009. № 3 (32). С. 145—154.
6. *Крысько В.Г.* Секреты психологической войны (цели, задачи, методы, формы, опыт). Мн., 1999.
7. *Маклюэн М.* Понимание медиа. М., 2007.
8. *Россомахин А.А., Успенский В.М., Хрусталева Д.Г.* Его величество медведь // Лабиринт. Медведь и Россия [специальный номер]. 2013. № 4. С. 17—28.
9. *Хрусталева Д.Г.* Происхождение «русского медведя» // Новое литературное обозрение. 2011. № 107 // <http://magazines.russ.ru/nlo/2011/107/hr16.html> (Дата обращения — 30.09.2016)

The role of natural science in the formation of specialist's scientific outlook

Роль естествознания в формировании научного мировоззрения специалиста

Tatiana Nikolaevna Frolova,
 associate professor of the department
 of philosophy of the Moscow University
 of the Ministry of the Interior of Russia
 named after V. Ya. Kikot, candidate
 of sociology, associate professor
E-mail: Frolova_tn@mail.ru

Татьяна Николаевна Фролова,
 доцент кафедры философии
 Московского университета
 МВД России имени В.Я. Кикотя,
 кандидат социологических наук, доцент
E-mail: Frolova_tn@mail.ru

Galina Vyacheslavovna Shashurina,
 associate professor of the department
 of philosophy of the Moscow University
 of the Ministry of the Interior of Russia
 named after V. Ya. Kikot, candidate of sociology,
 associate professor
E-mail: galviach@yandex.ru

Галина Вячеславовна Шашурина,
 доцент кафедры философии
 Московского университета
 МВД России имени В.Я. Кикотя,
 кандидат социологических наук, доцент
E-mail: galviach@yandex.ru

Annotation. In the article the problem of formation of scientific outlook of man within the framework of the modern educational system, the contribution of natural science, carried into the understanding and development of social processes is considered.

Keywords: science, scientific cognition, natural science, scientific outlook, scientific worldview.

Аннотация. В статье рассматривается проблема становления научного мировоззрения человека в рамках современной образовательной системы, а также вклад естествознания, который вносится им в понимание и развитие общественных процессов.

Ключевые слова: наука, научное познание, естествознание, научное мировоззрение, научная картина мира.

Человек, независимо от своего желания, познает окружающий мир, это необходимо для его адекватного обращения в нем, это является первоочередным и важнейшим элементом жизни любого человека, в особенности молодого. Жизнь современного человека неразрывно связана с наукой, поэтому проблема научного познания сегодня выдвигается на первый план и приобретает чрезвычайную важность. Именно посредством научного познания осуществляется приращение научных знаний, а в конечном результате — развитие человечества и цивилизации в целом.

Именно поэтому вопрос формирования культуры образования молодежи является сегодня первоочередным, ведь именно профессионалы и специалисты различных научных структур и отраслей определяют это самое развитие. Продолжая, таким образом, разговор о формировании культуры образования, необходимо самое пристальное внимание обратить на сущность

и важнейшие содержательные составляющие научного познания, лежащие в его основе, определяющие его смысл и задающие его функции. Рассмотрение некоторых аспектов этой проблемы уже осуществлялось авторами настоящей статьи¹.

Одной из важнейших сторон общей культуры специалиста и любого образованного современного человека выступает ее естественнонаучный аспект. Бесспорным является факт, что основу научного мировоззрения составляет именно естественнонаучное обоснование современной картины мира. Это объясняется, прежде всего, тем, что именно естествознание дает истинные, объективные, а, следовательно, проверенные и доказанные знания о природе — главной составляющей жизненной сферы человеческого существования. Именно естественные науки представляют собой исторически накопленный и систематизированный научной мыслью необходимый объем знаний о природном мире, в котором существует человек. Поскольку естествознание является наукой, то его основу представляют знания, обладающие высокой степенью объективности, базирующиеся на воспроизводимой эмпирической проверяемости научных гипотез. Создаваемые на основе этих гипотез научные теории скрупулезно и точно описывают природные явления и законы мироздания и лежат в основе жизненно важных постулатов существования современного человека и общества. Впрочем, эта важность имела первоочередное значение для человека любого времени с той поры, когда зародилось и получило значение понятие науки.

Подчиняясь тенденциям развития современной науки, естествознание сегодня приобретает статус науки математизированной, т.е. такой, в которой знание о происходящих во Вселенной процессах выражает-

ся с помощью математического языка. Это еще более укрепляет важность и значимость данного научного направления и значительно расширяет его эффективность. Объективное содержание естественнонаучной отрасли знания представлено результатом исследования материи, ее различных видов, форм и их движения. Предметная область, в соответствии с общими научными тенденциями, являет собой факты и явления, воспринимаемые возможностями человека, в том числе и техническими. Исходя из этого можно определить важнейшие мировоззренческую и научную функции естественнонаучного познания, состоящие в необходимости создания теоретической модели, управляющей природными законами, выявить и изучить ее законы. Это необходимо для того, чтобы получить возможность вмешательства в природный мир для решения своих насущных задач. Именно такое научное познание должно составлять основу мировоззрения и деятельности современного ученого, специалиста любой отрасли науки и практики.

Для понимания его сущности необходимо рассмотреть некоторые основополагающие моменты. Научная истина признается объективной и адекватной лишь в том случае, когда она имеет наглядное подтверждение воспроизводимым опытом, и именно естественнонаучная область познания четко определяет факт проверки знаний о природе эмпирическим путем. Это можно назвать одним из ведущих принципов естествознания: именно эксперимент выступает решающим аргументом принятия и утверждения той или иной теории.

Другим важным моментом является ведущий принцип естественных наук — определять сущность природных фактов и явлений, их законы для создания и прогнозирования будущего их развития, и на этой основе раскрывать возможности их практического использования. Данный принцип определяется главными целями человеческой деятельности и в конечном счете общественного развития. Важность этого фактора очевидна, ведь именно естественнонаучная отрасль формирует истинные научные знания человека о природе — главной основе его существования и жизнедеятельности. Таким образом, можно утверждать, что структура естественнонаучных знаний отражает структуру самой природы.

Как и любая научная отрасль, естествознание представлено теоретическим и эмпирическим уровнями организации, изучающим как органические, так и неорганические процессы и явления, происходящие не только на планете Земля, но и во Вселенной в целом. Это определяет его внутреннюю структуру и диктуется классификацией любых наук, в том числе и естественных.

Как любая из наук, естествознание имеет закономерности своего развития, среди которых в качестве наиболее важной можно отметить его основополагающую практическую направленность, а также достаточную самостоятельность своего развития. Логическая преемственность и обоснованность в развитии есте-

ственных наук, последовательность этого развития, а также системность формируемых в науке понятий и теорий определяют еще одну закономерность и, по сути, ее содержательную сторону.

Практическую направленность развития любой науки можно рассматривать как важное и ценное ее качество, ведь именно это в итоге определило тенденции и темп развития всей науки. Именно когда наука в период Нового времени, в условиях формирующего капитализма обозначила свою практическую ценность, ее развитие получило мощный стимул. Общество уяснило, что именно с помощью науки можно наиболее эффективно влиять на окружающий мир, решая свои задачи и удовлетворяя свои потребности. С этого времени развитие науки нарастило свой темп и определило сущность и задачи науки современной. И в числе первых наук, необходимых человеку, выступало естествознание. Практические потребности человека и общества привели к образованию многих отраслей и направлений в этой области науки².

Внутренняя логика построения естествознания, его структура имеют четкое стремление к систематизации знаний, получаемых в результате своего развития, специализации научных отраслей и упорядочения их. Практическое применение полученных знаний становится возможным лишь после создания фундаментальной теории, ее обоснования и доказательства истинности. В рамках естественных наук познавательный процесс следует четкой логике изучения явлений с целью выявления их сущности, а затем следования от менее глубокой сущности к еще большей глубине. Важным достижением этой тенденции выступает относительная самостоятельность естествознания.

Научные идеи формируются в строгом соответствии с выводимостью, преемственностью теорий, когда новые знания логически следуют из уже утвержденных и проверенных истин, используя сложившиеся правила³. Естественную науку можно рассматривать как продукт творчества и научной деятельности довольно большого числа ученых, и в этом видится преемственность развития двух важнейших составляющих человеческих ценностей — культуры материальной и духовной. Этот процесс характеризуется, прежде всего, образованием новых знаний, оформленных в научные парадигмы и теории; это процесс, в результате которого система знаний о природе постоянно растет и обновляется, предоставляя человеку и обществу новые потрясающие возможности. Все важнейшие открытия биологии, например, такие, как эволюционный механизм развития живого, законы наследственности и изменчивости, способствуют прояснению важнейшей мировоззренческой проблемы появления и раскрытия сущности живого. В физике в основе теории динамики лежат открытые великим английским ученым И. Ньютоном законы движения, а сама эта теория является ступенью обоснования следующих мировоззренческих, и не только, физических теорий.

Поскольку процесс формирования системы естественнонаучных знаний представляется сложным

и долговременным, еще одной характерной чертой его формирования можно назвать критичность, которая подвергает сомнению и всестороннему анализу новые выводимые постулаты. Открытия в науке порой опровергают уже установленные истины, не могут быть объяснены в рамках старых научных представлений, что неизбежно влечет за собой глобальные научные дискуссии, требует изобретения новой методологии. В конечном счете это способствует творческому развитию научного познания и расширению его границ. Свободная критика, возможность поставить под сомнение любые истины доказывает незавершенность процесса научного познания, указывает на его неограниченные возможности. Никогда не наступит такое время, когда человек скажет: «Все изучено и объяснено, понятно все». «Я знаю, что я ничего не знаю»,—это великие слова великого ученого и философа очень точно передают смысл безграничности человеческой мысли, в том числе научной.

Неоспоримую ценность имеет такая черта естественнонаучного познания, как неразрывное взаимодействие всех его наук и дисциплин. Вообще интеграция всего научного познания является настолько важной, что отражается на содержательной стороне познания, собственно составляет и выражает его сущность. Формируя и выделяя наиболее важные черты научного познания общей культуры специалиста любой научной области, невозможно обойтись без интеграции естественнонаучной его составляющей. Главным путем, по которому идет взаимодействие, есть объективное изучение одного процесса или явления — можно назвать его объектом изучения — одновременно несколькими научными направлениями. Здесь также применимы знания, полученные в других научных областях. Наиболее целостное и сущностное представление о человеке как биологическом существе строится на основе достижений многих естественных и гуманитарных наук. Достижения в области физики могут развиваться только опираясь на истины, открытые такими науками, как химия, астрономия, геология и математика. Применение научных методов различных областей познания дают отличные результаты и приближают исследователя к его научной цели. Достижения в области техники и производства настолько важны и применимы в естествознании, что современное познание в этой области просто невозможно без них.

Как интеграция, так и дифференциация различных научных отраслей также имеет отражение в области естественнонаучного познания⁴ Невозможно познать глубину объекта изучения без разделения его на системные составляющие. Эти важнейшие тенденции широко применимы сегодня в научной деятельности и именно с их помощью возможно получение целостного, системообразующего знания, на основе которого выявляются научные закономерности организации и функционирования окружающего мира и в итоге строится современная научная картина мира. Эти процессы, происходящие внутри естественных наук, под-

черкивают открытость развиваемой научной системы, указывают на глобальность и всеобщность выводимых научных истин. По мере развития естествознания набирает мощь процесс образования новых научных дисциплин, которые еще более усиливают эффективность его практического применения.

И, конечно же, неоспоримо важную роль играет тот вклад естествознания, который вносится им в понимание и развитие общественных процессов. Это выражается, в частности, в создании научной методологии и практического инструментария, который открывает совершенно новые и по-новому эффективные возможности любого научного анализа с помощью математического моделирования и других технических и методологических достижений естественных наук⁵. Обратная связь здесь также имеет место, выражаясь в том, как развивается взгляд на возможности общественных процессов и их аспектов. Научные теории, разработанные в недрах экологической науки, широко применяются сегодня при анализе взаимодействия внутренних процессов развития общественных систем.

Именно естествознание предоставило многие важные научные факты, детализирующие представления отдельных моментов развития общественных наук, влияющих на динамику их развития. Огромную роль в анализ механизма общественных процессов привнесло применение системного подхода, разработанного синергетическим естественнонаучным направлением⁶.

Таким образом, формируя естественнонаучную культуру как аспект общей культуры научного молодого специалиста, да и просто образованного человека, мы формируем способность объективного отражения действительности, осмысления тех процессов, с которыми неизбежно сталкивается любой думающий человек, и в основе которых лежит, прежде всего, понимание сущности и закономерности развития научной картины мира, базис которой представлен достижениями в области естественных наук.

¹Фролова Т.Н., Шашурина Г.В. Естественнонаучная культура как фактор формирования научного мировоззрения // Вестник Моск. ун-та МВД России. 2016. № 2. С. 39—42.

²Гончаров Н.П., Марченя П.П., Фролова Т.Н., Шашурина Г.В. Прикладная философия. Философия техники: Курс лекций. М., 2011. С. 18.

³Поппер К. Логика и рост научного знания. М., 1983.

⁴Шашурина Г.В. Особенности социально-гуманитарного познания // Методологические основания исследования социальной жизни общества. М., 2014. С. 81—98.

⁵Стрелкова Н.В. Методологическая культура как элемент профессиональной подготовки курсантов вузов МВД России // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2015. № 3. С.87—89.

⁶Фролова Т.Н. Социальная нестабильность: понятие и сущность // Философские исследования и современность: Вып. 4. М., 2015. С. 200—210.

The political islam and the byzantine «symphony»: comparative analysis

Политический ислам и византийская «симфония»: сравнительный анализ

Vladimir Igorevich Oleynik,
postgraduate student of the Department of political
science and political management Kuban state
University
E-mail: oleynik_007@mail.ru

Andrey Nikolaevich Kristopha,
deputy chief Krasnodar presidential cadet school
innovative educational technologies
E-mail: krishtopa@inbox.ru

Владимир Игоревич Олейник,
аспирант кафедры политологии и политиче-
ского управления Кубанского государственного
университета
E-mail: oleynik_007@mail.ru

Андрей Николаевич Криштопа,
заместитель начальника Краснодарского пре-
зидентского кадетского училища по инноваци-
онным образовательным технологиям
E-mail: krishtopa@inbox.ru

Annotation. The article is devoted to a comparative analysis of the political Islam with the concept of Byzantine «symphony of powers». The historical, institutional and theological similarities and differences between two religious-political concepts are analyzed. The authors consider the Byzantine «symphony» as a successful model of interaction between the secular and the ecclesiastical authority, which provides its cooperation rather than merger that is typical for political Islam.

Keywords: political Islam, the Byzantine «symphony», the political power, the state, the secular power, ecclesiastical authority, religion, politics, Byzantium.

Аннотация. В статье проводится сравнительный анализ политического ислама и византийской «симфонии властей». Анализируются исторические, институциональные и теологические сходства и различия между двумя религиозно-политическими концепциями. Авторы рассматривают византийскую «симфонию» как относительно успешную модель взаимодействия светской и духовной власти, при которой обеспечивается их сотрудничество, а не слияние, характерное для политического ислама.

Ключевые слова: политический ислам, византийская «симфония», политическая власть, государство, светская власть, духовная власть, религия, политика, Византия.

На сегодняшний день политический ислам, активно претендующий не только на роль влиятельной силы в современной Европе, но и на возможность внедрения собственной религиозно-политической доктрины (подразумевающей слияние религиозной и светской власти) как правовой модели государственного устройства, заставляет обратить пристальное внимание на различные исторические альтернативы государственного устройства в целом и взаимодействие светской и духовной власти,

в частности; тем более, что современный мировоззренческий кризис в Европе является в какой-то степени кризисом применения либеральной доктрины и реализации политики мультикультурализма.

Одной из таких заслуживающих внимания альтернативных моделей политического устройства является византийская концепция «симфонии властей», обеспечившая многовековое, хотя и не лишённое определенных внутренних противоречий, сотрудничество духовной и светской власти без их полного слияния, предполагаемого в концепции политического ислама. Восточная Римская империя вплоть до последних веков своего существования была развитым государством с богатейшей культурой, многие века значительно превосходившей западноевропейскую. Даже после своего исчезновения с политической карты, Византия, влиявшая и продолжающая влиять на другие государства, обращает на себя внимание и аспектами своего общественно-политического устройства. В области национальной политики это было государство чрезвычайно полиэтничное, не знавшее, тем не менее, этнических чисток. На определенном этапе приняв в качестве государственной религии христианство, Византия, тем не менее, не знала «крестовых походов» с целью обращения в православие соседних народов. Вместе с тем более чем тысячелетняя история Византии демонстрирует устойчивость ее государственного строя и политической традиции, что позволяет рассматривать «симфонию властей» как одну из удачных моделей государственно-конфессиональных отношений. Именно по этим причинам она представляет собой исследовательский интерес.

Для сравнительного анализа политического ислама и византийской «симфонии» были выделены следующие критерии:

♦ единство / разделение светской и духовной власти;

- ♦ отношение к демократическим ценностям;
- ♦ формы осуществления политической власти;
- ♦ отношение к религиозному плюрализму.

Следует отметить, что ислам как религия изначально содержал в себе политическую составляющую. Его основатель, пророк Мухаммед, был не только религиозным лидером, но и светским правителем. Религия не была отделена от политики, что находило свое отражение и в последующем правлении халифов, послужило идеологической основой для арабских завоеваний, а также оказало влияние на дальнейшую историю ислама (вплоть до наших дней). Во многом именно теократический характер раннего ислама (заложивший основу религии) мешает современным исламистам отказаться от своих политических амбиций по переустройству общества в соответствии с законами шариата.

Российский историк-арабист и исламовед Р.Г. Ланда определяет политический ислам (исламизм) как определенную стадию социополитического развития исламского мира, последовавшую вслед за панисламизмом XIX в. и национализмом первой половины XX в. Политический ислам выступает в качестве оппозиции правящей власти, которая находится в состоянии «куфр» (неверия) и стремится к созданию «исламского государства», функционирующего на основе норм шариата.

Другой российский ученый С.А. Семедов определяет политический ислам как один из вариантов выстраивания отношений между исламом и политикой, который, в отличие от модернизма, не ведет к секуляризации и носит как антизападный, так и антилиберальный характер. Он утверждает, что идеология политического ислама — это набор концепций, используемых для формулирования конкретной идейной позиции. Политический ислам стремится отстаивать единство духовной и светской власти, отказываясь при этом от принципа «нации как источника власти». Исламисты будут стремиться согласовывать свои действия с законами шариата, так как это будет придавать больше легитимности их деятельности в глазах мусульман. Ислам здесь предстает как полноценная божественная система со своей политической моделью, культурными кодами, правовой структурой и экономическим устройством. В данном случае религия рассматривается как универсальная система, которая отвечает их политическим, экономическим и культурным потребностям.

В свою очередь, возникновение византийской концепции «симфонии властей» представляет собой целостную концепцию, сложившуюся в неразрывной связи с социально-политическими условиями данного государства. Ее возникновение относится к ранневизантийскому периоду, а окончательное оформление — к IX — X вв. Оригинальность и неповторимость византийской симфонии состоит в органическом синтезе трех компонентов: антично-э-

ллинистических традиций, римской государственности и христианства, представляя собой сложное историческое явление, сформировавшееся в важной сфере общественной жизни Византийской цивилизации — в мире государственно-конфессиональных отношений. Термин «симфония» впервые употребил император Юстиниан I в предисловии к одной из своих новелл, где признавалось равноправие и сотрудничество светской и духовной власти, «нераздельно и неслиянно». Концепция симфонии властей стала определяющей в системе государственно-конфессиональных отношений Византийской империи. Она получила свое раскрытие в посланиях василевсов и патриархов, трудах богословов, а также законодательных актах. «Симфония» государства и Церкви предполагала взаимодействие во всех сферах власти — исполнительной, судебной, законодательной.

Однако провозглашение симфонии официальной доктриной вовсе не означало неперемногого осуществления этого идеала на практике всегда; история знает примеры императоров, подчинявших себе Церковь, низвергая при этом патриархов (Василий I Македонянин). Вместе с тем были и патриархи (Николай Мистик, Михаил Кируларий), которые считали себя вправе руководить императорами. Тем не менее неограниченность императорской власти не отменила в Византии традиции, согласно которым монархи должны следовать «общим законам». На практике это подкреплялось тем, что император, с одной стороны, был главой государства, а с другой — прихожанином Церкви, а патриарх — главой церкви, но — подданным императора.

Если говорить об отношении к демократическим ценностям и правам человека, то в политическом исламе гораздо сложнее, если вообще возможно, оправдать политический порядок, легитимность которого строилась бы на конституционном договоре с народом, а не исламском вероучении. Такие идеологи политического ислама, как А.А. Маудуди и С. Кутбу, утверждали, что поскольку законна лишь власть Бога, то все праведные политические программы должны объединять религиозные и государственные институты с законами шариата. Кроме того, политический ислам не допускает религиозного плюрализма, так как это предоставило бы верующим возможность альтернативы, противоречащей законам шариата. Демократия рассматривается исламистами как «иностранная конструкция», чуждая исламскому миру и шариату. Вместо этого воля народа должна выражаться в поддержании легитимности и суверенитета политической власти религиозными основаниями.

Если говорить о византийской «симфонии», то в законченной форме одна ее сторона прослеживается в концепции дьякона Софийской церкви Агапита, согласно которой императорская власть не ограничена законом, но должна соответствовать земным и небесным установлениям. Утвердилась мысль, что император должен исповедовать православие, не до-

пуская религиозного плюрализма. Долг императора — заботиться о благе государства. При этом могли сохраняться некоторые демократические ценности, например, самоуправление отдельных населенных пунктов, не входящее в противоречие с волей монарха, хотя говорить о соблюдении «демократических ценностей» в современном понимании в Византии не приходится. Но император рассматривался не только как глава государства, но и как защитник Церкви, ее «епископ внешних дел». Юстиниан даже принял титул «исапостол» («равный апостолам»). Но как православный христианин император был прихожанином Церкви и на этом основании должен был соблюдать ее предписания.

В концепции политического ислама приоритет отдается теократической форме правления, отражающей тесное взаимодействие светской и духовной власти, а также иерархичности и централизации власти. Его представители, выдвигая различные социально-политические цели, отдают приоритетное значение тем из них, которые имеют историческое значение: создание в обществе теократиче-

ского государства; воссоздание халифата, единого государства мусульман, во главе с халифом — единоличным главой государства. Именно халиф обеспечивает исполнение законов шариата и переносит священные тексты в сферу практического применения. Все это заложило основу для развития политического ислама как религиозно-политической идеологии и практической деятельности.

Склонность к иерархичности и централизации власти характерна и для Византии в соответствии с известной формулой «Один Бог на небе — один царь на земле». Демократические политические теории ранней Византии до нас не дошли, да и вряд ли они существовали в сколько-нибудь оформленном, теоретически осмысленном виде. Если же говорить о принципе династичности, то в полном объеме он стал характерен только для поздней Византии.

Таким образом, результат сравнительного анализа политического ислама и византийской «симфонии» можно представить в виде следующей таблицы.

Таблица
Сравнительный анализ политического ислама и византийской «симфонии»

Критерий сравнительного анализа	Политический ислам	Византийская «симфония»
Единство / разделение светской и духовной власти	Стремится отстаивать принцип единства духовной и светской власти, ведущий свое начало от раннего ислама. Поскольку законна лишь власть Бога, то все праведные политические программы должны объединять религиозные и государственные институты с законами шариата	Признает равноправие и сотрудничество духовной и светской власти, взаимодействующих «нераздельно и неслиянно»
Отношение к демократическим ценностям	Демократия рассматривается как «иностранный конструктив», чуждая исламскому миру и законам шариата. Вместо этого воля народа должна выражаться в поддержании суверенитета божественной власти	Сохраняются некоторые демократические ценности, хотя говорить об их соблюдении в современном понимании в Византии не приходится. Тем не менее государственное управление было неразрывно связанной с концепцией «общего блага» подданных с обязательным учетом их прав и интересов
Формы осуществления политической власти	Склонность к иерархичности и централизации власти. Приоритетное значение имеет создание в обществе теократического государства и воссоздание халифата, единого государства мусульман, во главе с халифом — единоличным главой государства	Склонность к иерархичности, централизации власти. Наследственность власти в форме династичности оформилась в поздней Византии
Отношение к религиозному плюрализму	Не допускает религиозного плюрализма, так как это предоставило бы верующим возможность альтернативы, противоречащей законам шариата	Религиозный плюрализм в идеале не допускается

Итак, можно сделать вывод, что политический ислам представляет собой результат тесного переплетения религии и политики, ведущий свое начало со времен раннего ислама. Согласно данной концепции, поскольку законна лишь власть Бога, то все праведные политические программы должны объединять религиозные и государственные институты с законами шариата. При этом демократия в политическом исламе рассматривается как «иностранный конструктив», чуждая исламскому миру. Вместо этого воля народа должна выражаться в поддержании суверенитета политической власти религиозными основаниями.

В свою очередь, византийская «симфония» признает равноправие и сотрудничество духовной и светской власти, взаимодействующих «нераздельно и неслиянно». Принцип «симфонии властей» долговременно обеспечил Византии как отсутствие ожесточенной борьбы государей и Церкви за власть (войны гвельфов и гибеллинов в средневековой Европе), так и отсутствие полного слияния светской и духовной власти (в отличие от политического ислама), что обеспечило динамичность, гибкость политической структуры и устойчивость государственного образования в целом и может послужить поводом к более глубокому изучению такой концепции, как «симфония властей». Вместе с тем в отдельные периоды противоречия равноправных субъектов «симфонии» становились источником политической нестабильности.

В политическом исламе прослеживается склонность к иерархичности, централизации власти и династичности. Приоритетное значение имеет создание в обществе теократического государства и воссоздание халифата, единого государства мусульман с сильной централизацией власти. Во многом именно теократический характер раннего ислама мешает современным радикально настроенным исламистам отказаться от своих политических амбиций по переустройству общества. Даже умеренные ислами-

сты отвергают принципы иджтихада, считая нецелесообразным поиск точек соприкосновения не только с представителями других религий, но и иных течений в исламе.

Как политический ислам, так и византийская «симфония» не принимают принципы религиозного плюрализма, поскольку это предоставило бы верующим возможность альтернативы. Данные концепции рассматривают свою религию в качестве единственно верной.

Следует также отметить, что к настоящему времени политический ислам не сформировался как привлекательная модель достаточно стабильного государственного устройства, в то время как византийская «симфония» позволила Восточной Римской империи успешно существовать на протяжении столетий.

Библиографический список

1. *Даишков С.Б.* Императоры Византии. М.: Красная площадь. 1997.
2. *Диль Ш.* Император Юстиниан и византийская цивилизация в VI веке. Минск: МФЦП, 2010.
3. *Костогрызова Л.Ю.* «Симфония властей» в Византии: опыт взаимодействия государства и церкви // Актуальные проблемы истории, политики и права: Сб. науч. тр. преподавателей и адъюнктов. Вып. 8. Екатеринбург: Уральский юрид. ин-т МВД России, 2008.
4. *Курбатов Г.Л.* Политическая теория в ранней Византии. Идеология императорской власти и аристократическая оппозиция // Культура Византии. IV — первая половина VII в. / Отв. ред. З.В. Удальцова). М.: Наука, 1984.
5. *Ланда Р.Г.* Международный форум востоковедов и африканистов в СПб // Восток (Oriens). 2006. № 4.
6. *Новиков О.А.* Византийская концепция «симфонии властей». Историко-политический аспект // Право и политика. 2007. № 7.
7. *Семедов С.А.* Политический ислам в современном мире // Дис. ... д-ра филос. наук. М., 2009.

Уважаемые коллеги!

Приглашаем Вас к сотрудничеству с нашими журналами:

«Закон и право», «Государственная служба и кадры», Международным журналом «Актуальные проблемы административного права и процесса», «Вестник Московского университета МВД России», которые заинтересованы в развитии науки, поддерживают интересные проекты и приглашают всех желающих стать участниками данных проектов.

**Мы предлагаем Вам принять участие
в обсуждении вопросов «круглого» стола:
«Актуальные вопросы
современного административного права и процесса»**

1. Современное состояние и тенденции развития предмета и системы российского административного права
2. Формирование и развития административного и административно-процессуального законодательства в России
3. Административно-процессуальное право как самостоятельная отрасль системы права Российской Федерации
4. Административно-правовое регулирование государственного контроля и надзора в Российской Федерации
5. Административно-правовое регулирование безопасности в Российской Федерации
6. Административные регламенты и административные процедуры в деятельности органов исполнительной власти и органов местного самоуправления
7. Проблемы классификации и кодификации мер административного принуждения, применяемых в России
8. Актуальные проблемы административной ответственности в Российской Федерации.
9. Современное состояние и тенденции развития досудебного разрешения административных споров в России
10. Актуальные проблемы понимания и систематизации административного процесса России.
11. Судебный административный процесс в России

Статьи будут проиндексированы и получают статус ВАКовских.

В «круглом» столе примут участие ведущие ученые, специалисты, теоретики и практики в рассматриваемой области юриспруденции из разных стран.

Язык конференции: русский, английский.

С уважением,

председатель оргкомитета

Уважаемые коллеги!

Приглашаем Вас к сотрудничеству с нашими журналами:

Международным журналом психологии и педагогики служебной деятельности, Международным журналом «Социально-гуманитарное обозрение», «Образование. Наука. Научные кадры» и «Вестник Московского университета МВД России», которые заинтересованы в развитии науки, поддерживают интересные проекты и приглашают всех желающих стать участниками данных проектов.

Мы предлагаем Вам принять участие в обсуждении вопросов «круглого» стола: «Глобальные вызовы и тенденции развития современного мира»:

1. Противоречие развития мировой системы
2. Конфликты цивилизаций в современном мире
3. Проблемы формирования многополярного мира и сохранение национального суверенитета
4. Глобальные вызовы как проблемы национальной безопасности
5. Тенденции в области развития политических коммуникаций (международное террористическое обозрение)
6. Управление поведением индивидов в многосубъектных средах
7. Новые стратегии в области социальной политики
8. Политический синдром «цветных» революций в зонах нестабильности современного мира
9. Геополитический передел — глобальная проблема современного мира
10. «Новый» мир: порядок по-американски
11. Транснациональные монополии: стабилизирующая и дестабилизирующая роль в современном мире
12. Стабильность и изменчивость международного права как отражение глобальных проблем

Статьи будут проиндексированы (РИНЦ) и получат статус статей, опубликованных в журналах, вошедших в Перечень ВАКа Минобрнауки РФ. Можно также присылать статьи по культурологии, социологии, философии и смежным специальностям. В «круглом» столе примут участие ведущие ученые, специалисты, теоретики и практики.

Язык конференции: русский, английский.

С уважением,

председатель оргкомитета